

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка»)

Выходит три раза в год

3

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ПРИГОДИЧ Н. Г.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: prigodichNG@bsu.by

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by

РОВДО И. С. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rovdais@bsu.by

**Ответственный
секретарь** **ЕФИМОВА Н. В.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Аллинёль К.** Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Буняк П. Белградский университет, Белград, Сербия.
Бутырчик А. М. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Важник С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Академия образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Гутовская М. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Копылов И. Л. Институт языкознания им. Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Кузнецов С. А. Центр экспертиз Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
Лебединский С. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Саверченко И. В. Институт литературоведения им. Янки Купалы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Синькова Л. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хмельницкий Н. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Чеховский Г. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шешкен А. Г. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Минск, Россия.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: prigodichNG@bsu.by
Намеснікі галоўнага рэдактара	ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: goncharova_s@tut.by
	РОЎДА І. С. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: rovdos@bsu.by
Адказны сакратар	ЯФІМАВА Н. В. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: natallia.janienka@gmail.com
<i>Алініэль К.</i>	Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
<i>Буняк П.</i>	Бялградскі ўніверсітэт, Бялград, Сербія.
<i>Бутырчык Г. М.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Важнік С. А.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Валодзіна Т. В.</i>	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
<i>Валочка Г. М.</i>	Акадэмія адукацыі, Мінск, Беларусь.
<i>Валынец Т. М.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Ваявода А. У.</i>	Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
<i>Гладкава Г.</i>	Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
<i>Гутоўская М. С.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Дубінка С. А.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Золтан А.</i>	Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
<i>Капылоў І. Л.</i>	Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
<i>Колер Г.-Б.</i>	Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
<i>Крчмер А.</i>	Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
<i>Кузняцоў С. А.</i>	Цэнтр экспертыз Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта, Санкт-Пецярбург, Расія.
<i>Лебядзінскі С. І.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Мячкоўская Н. Б.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Паплаўская Т. В.</i>	Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Саверчанка І. В.</i>	Інстытут літаратуразнаўства Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
<i>Саевіч М.</i>	Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
<i>Сінькова Л. Д.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Старычонок В. Д.</i>	Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
<i>Тараненка А. А.</i>	Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
<i>Хаўстовіч М. В.</i>	Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
<i>Хмяльніцкі М. М.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Цзян Цюнь</i>	Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
<i>Чахоўскі Г. К.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Шэшкен А. Г.</i>	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	PRYHODZICH M. R. , doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: prigodichNG@bsu.by
Deputy editors-in-chief	GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y. , doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: goncharova_s@tut.by
	ROVDO I. S. , doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: rovdois@bsu.by
Executive secretary	JAFIMAVA N. V. , PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: natallia.janienka@gmail.com
<i>Allignol C.</i>	Stendhal University Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Bunjak P.</i>	University of Belgrade, Belgrade, Serbia.
<i>Butyrchik G. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Chahouski G. K.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Gutovskaya M. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Khmielnitski M. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Kopylov I. L.</i>	Yakub Kolas Institute of Linguistics of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Kuznetsov S. A.</i>	Centre of Expertise of the Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
<i>Lebedinskiy S. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Saverchanka I. V.</i>	Institute of Literature Researches of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Sheshken A. G.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Sin'kova L. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Valochka H. M.</i>	Academy of Education, Minsk, Belarus.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Vazhnik S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАУСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.111(6)

ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ ЭСТЕТИКА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НИГЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ЭКФРАСТИЧЕСКИХ РОМАНОВ Б. ОКРИ)

Е. В. ЖИЛИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Изучается интермедиальная эстетика романов британско-нигерийского писателя Б. Окри «В Аркадии» и «Век магии». Рассматривается типология интермедиальных явлений И. Раевски, и обосновывается применение теории интермедиальности в рамках постколониальных исследований. Особое внимание уделяется раскрытию способов взаимодействия текста и элементов визуальных искусств (живописи и кинематографа) в художественном пространстве диалогии. Выявляются отличительные черты экфрастического повествования Б. Окри. Устанавливаются особенности включения в диалогию интермедиальных референций в зависимости от их объекта: конкретного артефакта (картины Н. Пуссена «Аркадские пастухи»), медиальной субсистемы (жанра шокументари) и элементов целых семиотических систем (живописи, кинематографа, новостных медиа). Изучение интермедиальных связей в произведениях Б. Окри формирует новый взгляд на проблему гибридизации нарратива, а также на сближение интермедиального и постколониального дискурсов.

Ключевые слова: Бен Окри; гибридность; интермедиальность; медиум; нарратив; постколониальные исследования; экфрасис.

Образец цитирования:

Жилинская ЕВ. Интермедиальная эстетика в англоязычной литературе Нигерии (на примере экфрастических романов Б. Окри). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;3:5–16.
EDN: GPYUOT

For citation:

Zhylynskaya AV. Intermedial aesthetics in Nigerian literature in English (based on the ekphrastic novels of B. Okri). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;3:5–16. Russian.
EDN: GPYUOT

Автор:

Елена Валерьевна Жилинская – аспирантка кафедры зарубежной литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент А. М. Бутычик.

Author:

Alena V. Zhylynskaya, postgraduate student at the department of foreign literature, faculty of philology.
alenazhylynskaya@gmail.com

ІНТЭРМЕДЫЯЛЬНАЯ ЭСТЭТЫКА Ў АНГЛАМОЎНАЙ ЛІТАРАТУРЫ НІГЕРЫІ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ЭКФРАСТЫЧНЫХ РАМАНАЎ Б. ОКРЫ)

А. В. ЖЫЛІНСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Вывучаецца інтэрмедыяльная эстэтыка раманаў брытанска-нігерыйскага пісьменніка Б. Окры «У Аркадзіі» і «Век магіі». Разглядаецца тыпалогія інтэрмедыяльных з’яў І. Раеўскі, і абгрунтоўваецца прымяненне тэорыі інтэрмедыяльнасці ў рамках посткаланіяльных даследаванняў. Асабліва ўвага надаецца раскрыццю спосабаў узаемадзеяння тэксту і элементаў жывапісу і кінематографа ў мастацкай прасторы дылогіі. Вызначаюцца адметныя рысы экфрастычнага аповеду Б. Окры. Выяўляюцца асаблівасці ўключэння ў дылогію інтэрмедыяльных рэфэрэнцый у залежнасці ад іх аб’екта: канкрэтнага артэфекта (карціны Н. Пусэна «Аркадскія пастухі»), медыяльнай субсістэмы (жанру шакументары) і элементаў цэлых семіятычных сістэм (жывапісу, кінематографа, навінавых медыя). Вывучэнне інтэрмедыяльных сувязей у творах Б. Окры фарміруе новы погляд на праблему гібрыдызацыі наратыву і садзейнічае збліжэнню інтэрмедыяльнага і посткаланіяльнага дыскурсаў.

Ключавыя словы: Бэн Окры; гібрыднасць; інтэрмедыяльнасць; медыум; наратыў; посткаланіяльныя даследаванні; экфрасіс.

INTERMEDIAL AESTHETICS IN NIGERIAN LITERATURE IN ENGLISH (BASED ON THE EKPHRASTIC NOVELS OF B. OKRI)

A. V. ZHYLINSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines the intermedial aesthetics in the novels «In Arcadia» and «The age of magic» by the British-Nigerian writer B. Okri. The typology of intermedial phenomena by I. Rajewsky is examined, and the application of the theory of intermediality within the framework of postcolonial studies is justified. Special emphasis is placed on revealing ways of interaction between text and elements of visual arts (such as painting and cinema) in the diegesis of the dilogy. The distinctive features of B. Okri’s ekphrastic narrative are identified. The peculiarities of inclusion of intermedial references in dilogy are established according to the object of reference: specific artifact (N. Poussin’s painting «Et in Arcadia Ego»), medial subsystem (the shokumentary genre) and elements of entire semiotic systems (painting, cinema, and news media). The study of intermedial connections in the works of B. Okri opens a new perspective on the problem of narrative hybridisation and contributes to bringing intermedial and postcolonial discourses together.

Keywords: Ben Okri; hybridity; intermediality; medium; narrative; postcolonial studies; ekphrasis.

Введение

В истории нигерийской литературы выделяются этапы, на которых взаимодействие искусств в том или ином виде оказывает значительное влияние на формирование литературных тенденций. Например, в период расцвета «книжных базаров» 1940–50-х гг. развлекательная ярмарочная литература Нигерии, повлиявшая в дальнейшем на становление жанров новеллы и романа, заимствовала сюжеты и приемы из американских и британских фильмов и комиксов [1]. Литературовед Е. С. Котляр отмечает, что подражание фольклорной традиции породило такие гибридные литературные формы, как «поющая сказка» и сказки, имитирующие традицию вечернего рассказывания историй [2, с. 18].

Вопрос о взаимодействии искусств в африканских литературах необходимо рассматривать в контексте использования современными авторами элементов или отдельных жанровых форм устной африканской традиции (*orature*), в основе которой лежит исполнительское искусство рассказывания историй (*storytelling*). По словам Г. Шойба, одного из ведущих исследователей в области африканских художественных практик, рассказчик (*storyteller*) – это ремесленник, составляющий свое оригинальное повествование из образов [3, р. 100]. Рассказчик-исполнитель черпает образы как из современной жизни

сообщества, так и из мифов и легенд, использует свое тело, голос, воображение, при этом активно взаимодействует с аудиторией. Элементы устного выступления (ритмическое движение, повтор песнопений, с помощью которых происходит линейное развертывание сюжета, физическое и вокальное вовлечение аудитории в создание структуры из образов) невозможно перевести в письменную форму без «мультимедийной обработки» [3, р. 99], поэтому требуется создание гибридной формы искусства [3, р. 104].

Первыми исследователями, рассмотревшими устную африканскую традицию как самостоятельную художественную практику со своими эстетическими концептами, были Р. Финнеган [4] и И. Окпехо [5]. В настоящее время появляется все больше подходов к изучению африканского устного творчества. Пока одни специалисты определяют способы, с помощью которых современные африканские писатели сохраняют элементы устной традиции в своих гибридизированных текстах [6], другие специалисты, не ограничиваясь рамками текстуального медиума, фокусируют внимание на переработке устного материала в политических песнях, радиодрамах, стендап-шоу, а также на веб-сайтах африканских диаспор [7]. Помимо этого, выдвигаются предложения воспринимать нигерийский роман как прямое продолжение художественных традиций мбари (*mbari*) или геледе (*gelede*)¹. В этих рамках литературный текст – один из артефактов храма искусств, который, в отличие от скульптур из глины, говорит с сообществом посредством языковой системы [8].

В романном творчестве Б. Окри нередко можно встретить такие элементы устного творчества, как загадки и пословицы, фантастические сказки с поучительной моралью, а также имитацию устной речи, рассказывание историй, экфрастические описания танца, ритуала, маскарада и т. д. Однако в романах «В Аркадии» («*In Arcadia*», 2002) и «Век магии» («*The age of magic*», 2014)² связь с фольклорным началом ослабевает. Вместо африканских устных художественных практик объектом референции становятся легитимные с точки зрения западноевропейского научного дискурса формы искусств – живопись и кинематограф. Интермедиальность в диалогии возникает как логическое продолжение постмодернистской традиции, опирающейся на интертекстуальность и саморефлексию. Исследователь нигерийского романа А. В. Коптелова называет произведения Б. Окри конца 1990 – начала 2000-х гг. элитарной литературой духовного поиска [9, с. 554–558]. В то же время творчество Б. Окри – это экспериментальная литература в отношении жанровой формы. Романы «В Аркадии» и «Век магии» представляют собой гибридную форму литературно-художественной целостности, в которой содержатся элементы экфрастического романа, искусствovedческого эссе, травелога, фильма-путешествия и документального фильма.

Актуальность изучения творчества Б. Окри в контексте интермедиальности обусловлена несколькими причинами. Во-первых, произведения писателя редко становятся объектом исследований с точки зрения их интермедиальных связей, в то время как рассмотрение интермедиальной эстетики в текстах британско-нигерийского автора способствует углубленному пониманию своеобразных художественных практик, возникающих в зонах контакта африканской и западной культур. Во-вторых, обнаружение интермедиальных включений в текстах Б. Окри позволяет по-новому раскрыть вопрос о гибридизации авторского нарратива и является необходимым для определения особенностей творческого метода писателя.

Цель данной статьи – нахождение интермедиальных включений в диалогии Б. Окри «В Аркадии» и «Век магии». Для достижения цели поставлены следующие задачи: на основе актуальных типологий интермедиальных явлений обосновать теоретическую базу работы, раскрыть специфику применения интермедиального анализа в рамках постколониальных исследований, а также провести комплексное изучение интермедиальных референций в избранных произведениях писателя.

Теоретические основы исследования

Одними из наиболее распространенных типологий интермедиальных явлений считаются разработанные В. Вольфом [10] и И. Раевски [11] классификации. Они построены с опорой на научный аппарат и методологию литературных исследований, в частности, на теорию интертекстуальности.

Медиум выступает центральным понятием теории интермедиальности и обозначает средство коммуникации и передачи культурного содержания (художественный текст, картина, фильм и т. д.). Как правило, медиумы разграничиваются в зависимости от находящейся в их основе семиотической системы (вербальный язык, изобразительные знаки, музыка и т. д.), а также технического канала передачи значений (телевидение, радио, интернет) [12, р. 166]. И. Раевски отмечает, что любые феномены, пересекающие

¹Мбари – художественная практика народа ибо, представляющая собой возведение «дома из образов», архитектурного строения со скульптурами и муралами. Эта практика подразумевает празднование мира и жизни через искусство [8, р. 51]. Геледе – художественная практика народа йоруба, представляющая собой традицию танцев с масками. Данная практика вызывает к высшим силам мира, используя эстетическую силу скульптуры, костюма, песни, танца и сопровождается социальным комментарием [8, р. 56].

²Романы «В Аркадии» и «Век магии» не переведены на русский язык.

границы разных медиумов, попадают под категорию интермедиальности в широком смысле, но требуют разделения на субкатегории, поскольку они слабо сопоставимы между собой (например, чтение кинематографического текста невозможно сравнить с просмотром фильма-адаптации ни по масштабу произведения, ни по приемам и способам реализации) [11, р. 50]. Для продуктивного анализа интермедиальных явлений в литературе и других видах искусства исследователь предлагает следующую классификацию, в которой каждая субкатегория группирует их по соответствующим интермедиальным качествам: медиальная транспозиция (*medial transposition*), медиальная комбинация (*medial combination*), интермедиальные референции (*intermedial references*).

Первая группа (медиальная транспозиция) объединяет явления, с помощью которых осуществляется переход из пространства одного медиума в производственные рамки другого медиума (например, экранизация и новеллизация) [11, р. 51]. Необходимо заметить, что современные исследования в этой области отходят от постулата о вторичности адаптации. Она все чаще рассматривается как взаимовлияние, «взаимоадаптация всех медиаучастников»³ [13, р. 271]. Ко второй субкатегории (медиальная комбинация) И. Раевски относит синтетические виды искусства (оперу, кинематограф, театр, перформанс, комиксы и др.), в которых материально представлены как минимум два явно различаемых медиума, одинаково участвующих в создании конечного продукта [11, р. 51]. Третья и самая обширная группа (интермедиальные референции) включает в себя факты «цитирования» – отсылки к произведению другого медиума через тематизацию или мимикрию его черт, подражание специфическим медиальным средствам, при этом материально представленным оказывается только один, «цитирующий» медиум [11, р. 53]. Например, автор литературного текста пишет так, будто бы снимает фильм, но на самом деле он не может ни приближать изображение, ни резать кадры: он всегда остается в пределах своего словесного медиума [11, р. 55]. К интермедиальным референциям относятся кинематографизм, экфрасис, музыкализация литературы и другие способы «вызывания к жизни» элементов одного вида искусства в семиотической системе другого.

Согласно В. Вольфу и И. Раевски объектом интермедиальной референции может выступать как конкретный артефакт, произведение, созданное в другом медиуме, так и отдельный жанр, медиальная субсистема. Помимо этого, интермедиальность может проявляться через вовлечение в литературный текст семиотической системы другого медиума (например, кинематографа) или отдельных ее элементов [10, р. 47; 11, р. 53].

Теория интермедиальности, применяемая для исследования фактов медиального пересечения в художественных текстах, открывает новый взгляд на проблему гибридности авторского нарратива. В области изучения постколониальной литературы стоит обратить внимание на попытки объединить теорию интермедиальности с методологией постколониальных исследований. Литературные тексты, как и другие формы искусства, вписаны в более обширные культурные, политические и социальные конфигурации. Интермедиальный анализ должен учитывать этот аспект, факт диалога, столкновения, отсылки не только к другому медиуму, но и к культурной логике, в которой данный медиальный продукт («цитируемый» текст) был создан и носителем элементов которой он является.

Как отмечает исследователь постколониальной англоязычной литературы Б. Нойманн, в сферу изучения интермедиальности попадают такие проблемы, как динамичная роль медиумов в конструировании разных форм социального и культурного знания, проблема самоидентификации, «другости», легитимности медиумов и культурная репрезентация. Интермедиальность направлена на поиски медиальной и эстетической гибридности. Она бросает вызов гомогенным системам, что обуславливает актуальность применения этого концепта в постколониальных исследованиях [14].

Кроме того, Б. Нойманн подчеркивает сходство эстетических функций интермедиальности и постколониальной гибридности, а именно смешение различных художественных парадигм и разрушение бинарных оппозиций. Понятие гибридности прочно укрепились в постколониальном дискурсе благодаря одному из ведущих теоретиков в этой сфере – Х. Бабе. В эссе 1980–90-х гг., собранных в книге «Местонахождение культуры» («The location of culture», 1994), он описывает пространство гибридности как зону посредничества между четко очерченными оппозициями *Запад – Восток, центр – периферия, колонизатор – угнетенный, Я – Другой*. Таким образом, пространство гибридности – это зона «между», находящаяся на пересечении культурных и художественных систем и становящаяся полем для выработки новых стратегий индивидуального и коллективного самоопределения [15, р. 2]. Б. Нойманн, обращаясь к терминологии Х. Бабы, пишет, что зона интермедиальности является очередным «пространством “между”, которое возникает на стыке различных медиальных систем» [14, р. 514] и создает продуктивную динамику между медиумами, где нет прямого перевода с одного медиума на другой, но есть трансформационный процесс, меняющий всех участников.

³Здесь и далее перевод наш. – Е. Ж.

Отдельного внимания заслуживает комментарий исследователя об имперском прошлом текстуального медиума. Б. Нойманн отмечает, что основными инструментами культурного подчинения на колонизированных землях стали письмо и печать (главные медиумы колониального образования), а печатный текст оказался средством и символом борьбы с традиционной культурой, преимущественно устной [14, p. 515]. С этой точки зрения важно рассматривать, как внутри постколониального произведения строятся отношения с другими медиумами, присутствует ли в тексте рефлексия о своей медиальности (возможностях и ограничениях при передаче смыслов на письме).

Важным событием в области междисциплинарных исследований последних лет стал выход в свет издания по интермедальности под редакцией Г. Риппл [16]. Оно охватывает многочисленные формы взаимодействия англоязычного художественного текста и различных видов искусства, таких как живопись, фотография, кинематограф, театр и др. Продолжая разрабатывать связи между интермедальными и постколониальными исследованиями, Г. Риппл совместно с Б. Нойманн выпустили монографию «Вербально-визуальные конфигурации в постколониальной литературе: интермедальная эстетика» («Verbal-visual configurations in postcolonial literature: intermedial aesthetics», 2020) [17], в которой рассмотрели эстетику визуального в творчестве С. Рушди, М. Ондатже, Н. Булавайо и др. Отдельные главы работы посвящены фотографическому экфрасису и отношениям текста с медиакультурой в произведениях англоязычных нигерийских романистов Ч. Н. Адичи и Т. Коул. Исследователи выявили, что транскультурные авторы используют визуальные модусы письма, уделяя особое внимание направлению взгляда (*gaze*) и экфрасису как способам зафиксировать фрагментарные истории постколониального субъекта или диаспоры [17, p. 2]. Интермедальная эстетика, по мнению ученых, подчеркивает опыт чувственного восприятия инаковости, столкновения с *Другим* и «обнаруживает связи между видением и бытием в постколониальной модерности» [17, p. 13].

Проблемы гибридной идентичности и национального самоопределения, диалога культур и культурной памяти, поднимаемые в творчестве Ч. Ачебе, Ч. Н. Адичи, К. Исигуро, Дж. М. Кутзее, Б. Окри, З. Смит, Э. Тан и других писателей, все чаще становятся предметом исследования на постсоветском пространстве. Начало этой тенденции положила монография М. В. Тлостановой [18], посвященная мультикультурной литературе США, а также труды С. П. Толкачева [19] и О. Г. Сидоровой [20], определяющие особенности британского постколониального романа. Однако интермедальность редко становится предметом исследования в постколониальных и мультикультурных текстах. Тем не менее можно отметить возрастающий интерес к интермедальному аспекту литературы диаспор и роли интермедальной поэтики в осмыслении пограничной фигуры изгнанника, эмигранта. Особого внимания в этом контексте заслуживает монография Л. В. Первушиной, в которой подробно рассматривается интермедальность произведений сербско-американской писательницы Д. Галич Барр [21]. Разбирая роман «Колокола и ветер» («Bells and wind», 2006), Л. В. Первушина указывает, что музыкальная и визуальная составляющие текста призваны объединить фрагментарное повествование героев, пытающихся выстроить и рассказать свою историю, соединить прошлое (жизнь до эмиграции) с настоящим, а «связь музыки и этничности воссоздает культурно-историческую память, которая сама становится предметом исследования в романе» [21, с. 115]. Интермедальная эстетика как стратегия репрезентации культурной идентичности в творчестве афроамериканских авторов является предметом научного интереса Н. А. Полищук [22] и Ю. А. Афанасьевой [23]. В частности, Ю. А. Афанасьева, анализируя музыкальное начало в романах З. Н. Херстон, приходит к выводу, что элементы джаза, блюза и других характерных музыкальных направлений выступают для писательницы «средствами репрезентации своей этнической полноценности» [23, с. 48] и способствуют созданию образа афроамериканской диаспоры в романах.

Результаты и их обсуждение

В рассматриваемых текстах Б. Окри создает образы словесной реальности, обращаясь к мифу об Аркадии и его отображению в искусстве. По сюжету команда кинематографистов из Великобритании отправляется в путешествие на полуостров Пелопоннес, чтобы снять фильм об утраченном рае, образ которого восходит к пасторальной Аркадии Вергилия – воображаемому пространству, где влюбленные и пастухи живут под покровительством древнегреческого бога Пана. Однако участники проекта поглощены своими личными проблемами и профессиональными неудачами, к идее фильма они относятся цинично. Единственное, что они видят в работе, – это возможность сбежать от себя, от ужасающего чувства пустоты и утраты того, что никто из них не может идентифицировать, но смутно связывает с образом детства. По мере продвижения съемок один за другим герои погружаются в символическое пространство знаков и интерпретаций, которые ведут их к внутреннему покою, к их личной Аркадии. Это духовное преобразование развивается параллельно с путешествием через Ла-Манш в Париж, в Лувр, к картине французского живописца Н. Пуссена «Аркадские пастухи» («Et in Arcadia Ego»).

Аркадия, будучи сквозным образом в дилогии, с одной стороны, отсылает к мифологеме потерянного рая, а с другой – является аллюзией на знаменитую картину Н. Пуссена. Помимо этого, Аркадия фигурирует в романах в качестве названия телевизионного проекта, над которым работают герои. Жанр этого проекта можно охарактеризовать как документальный фильм или фильм-дневник путешествия.

Картина Н. Пуссена, на которой изображены аркадские пастухи, наткнувшиеся на безымянную могилу, является основным сюжетом и смыслообразующим началом дилогии. Характеризуя экфрасическое повествование Б. Окри, необходимо указать, что предметом рассмотрения в тексте становятся не только система образов и визуальный код картины, но и такие метаэстетические категории, как направление взгляда и видение. Связь экфрасиса с данными категориями отмечает Л. Геллер, акцентируя внимание на том, что экфрасис переводит в слово не сам художественный объект, «а восприятие объекта и толкование кода», а также передает «последовательность движений глаз и зрительных впечатлений» [24, с. 10]. Ученый подчеркивает, что экфрасис создает «иконический (в том смысле, какой придавал этому слову Ч. Э. Пирс) образ не картины, а видения, постижения картины» [24, с. 10]. Б. Окри представляет картину Н. Пуссена как шифр и описывает ее в совокупности с различными ключами прочтения. Читатель превращается в зрителя и наравне с героями приобретает опыт чувственного восприятия и интеллектуального постижения картины, а процесс чтения оказывается неотделимым от процесса разглядывания. Автор, словно экскурсовод в музее, рассказывает об экспонате и в первую очередь обращает внимание и героев, и читателей на начертанные на надгробии слова *Et in Arcadia Ego*. По одной из интерпретаций, высказывание, которое Б. Окри переводит как *I too have lived in Arcadia* [25, p. 257] ‘Я тоже жил в Аркадии’, принадлежит безымянному человеку, покоящемуся в могиле, а по другой – самой Смерти.

Перевод латинской надписи, который приводит Б. Окри, не совсем верен с точки зрения грамматики. Один из крупнейших теоретиков искусства Э. Панофски в детальном разборе исторических истоков картины Н. Пуссена проследил эволюцию интерпретации фразы *Et in Arcadia Ego* и установил, что грамматически корректный перевод с латыни должен звучать следующим образом: «И в Аркадии – я» [26, с. 344]. Соответственно, фраза не может принадлежать усопшему человеку, жившему в Аркадии, поскольку она относится не к прошедшему, а к настоящему времени. Следовательно, автором высказывания выступает Смерть. Оригинальное значение фразы, в которой Смерть напоминает о своем присутствии в идеальном мире Аркадии, запечатлено на картине итальянского художника Дж. Ф. Гверчино. Живописец изображает двух аркадских пастухов, наткнувшихся на каменную плиту с черепом, как бы «говорящим» о неотвратимости конца. Э. Панофски отмечает, что на своей картине Дж. Ф. Гверчино продолжает средневековую традицию назидательности, используя мотив *temento mori*, а череп, будучи символическим воплощением смерти, предупреждает пастухов о быстротечности человеческой жизни [26, с. 345].

На картине Н. Пуссена череп исчезает и появляется безымянная могила. Французский художник пренебрегает средневековой традицией и вместо удивления и шока от столкновения с фактом собственной смертности, которые передает картина Дж. Ф. Гверчино, показывает спокойное созерцание, меланхолическую тоску по прошлому. Как пишет Э. Панофски, «обитатели Аркадии уже не столько встревожены неумолимым будущим, сколько погружены в сладостное раздумье о прекрасном прошлом» [26, с. 349]. Замена черепа (олицетворение смерти) могилой (образ-память о погибшем человеке) влечет сдвиг в восприятии адресанта высказывания.

Когда Б. Окри сравнивает картины Дж. Ф. Гверчино и Н. Пуссена, он приходит к выводу о том, что главное их отличие заключается не в смене фигуры говорящего, а в направлении взгляда смотрящих. У Дж. Ф. Гверчино надпись на надгробии не является центральным компонентом композиции. На этой картине доминантой выступает эмоциональное состояние пастухов. У Н. Пуссена загадочная надпись приковывает внимание как зрителей, так и персонажей. В интерпретации Б. Окри на картине Н. Пуссена надгробие с латинским изречением как раз указывает на присутствие пятого персонажа – Смерти. Б. Окри пишет: *The inscription stands alone. / The removal of a name makes it ambiguous. / The tomb could be Everyman, could be any one of us. / Or it could be no one. / It could just be the house of Death, the fact of Death, the reality of Death. / But it hints also that it is only here, in Arcadia, in mortality, in life, on earth, that Death has its home, its dominion* [25, p. 264] ‘Надпись выделяется. / Безымянность могилы делает ее двусмысленной. / Могила может оказаться чей угодно, может принадлежать любому из нас. / Или не принадлежать никому. / Это может быть просто дом Смерти, факт Смерти, реальность Смерти. / Но надпись также указывает, что только здесь, в Аркадии, в конечности существования, в жизни, на земле, только здесь Смерть чувствует себя как дома, в своих владениях’. Б. Окри подмечает еще одну важную деталь – тень на надгробии, напоминающую фигуру с косой, – и подчеркивает неразрывность образов

жизни и смерти в Аркадии: *And so Arcadia and death are inextricably intertwined. Immortality and death are conjoined. Beauty and death are linked, happiness and death are coupled* [25, p. 259] 'Итак, Аркадия и смерть неразрывно переплетены. Бессмертие и смерть неотделимы друг от друга. Красота и смерть связаны, счастье и смерть идут парой'.

Мотив смерти в Аркадии приобретает у Б. Окри особое звучание, поскольку он перекликается с темой изгнания. Рассуждая об искусстве, главный герой Лао замечает, что оно существует в ситуации потери чего-либо. По его мнению, люди придумали миф об Аркадии только потому, что потеряли ее, отгородились от природы, перестали понимать связи между вещами. Искусство, в свою очередь, подчеркивает эту тоску, отчуждение и ощущение утраты: *And so it would seem that art is a condition of unease, of dislocation, of being out of all, an exile* [25, p. 98] 'По-видимому, искусство – это состояние тревоги, дезориентации, нахождения вне, изгнания'.

Во время поездки по железнодорожному туннелю под проливом Ла-Манш в поезде царит мрачная атмосфера обреченности, Лао посещают мысли о самоубийстве, а один из пассажиров совершает попытку суицида. Показательно, что мысли о смерти возникают у героев в «переходной зоне»: они не только находятся между Великобританией и континентальной Европой, но и ощущают внутреннюю трансформацию, участвуют в съемке фильма (пребывают между реальным и кинематографическим мирами), а также пытаются определить, чем для них является Аркадия. Лао, будучи единственным чернокожим участником в проекте, ощущает особую отчужденность в ожидании встречи с пограничным контролем: *For now he had to ford human perception. He had to cross a terrain in the minds of people. He had to submit to one of his life's endless trials – the trial of colour* [25, p. 125] 'Сейчас ему необходимо было переправиться через поток человеческого восприятия. Ему нужно было пересечь границы в умах людей. Ему пришлось явиться на одно из бесконечных разбирательств в своей жизни – суд по цвету кожи'. Состояние, в котором находится Лао, подобно смерти, поскольку враждебный взгляд представителя миграционного контроля уничтожает его самость, стирает его личность как поэта, мыслителя и свободного человека, низводя героя до подозрительного субъекта. Лао отмечает, что его *Я* складывается в основном из абстрактных категорий, категорий духа: он воспринимает себя через то, что любит, о чем мечтает и тревожится. Его личность наполняют фильмы, книги, музыка – составляющие художественных миров, сферы идей. Реальность, в свою очередь, требует от Лао «материализации в цвете», осознания своей «другости», самоидентификации через различие. Чтобы сохранить целостность своего *Я*, герой выбирает бытие в себе, отгораживается от мира с помощью маски циника, вынужденно уходит во внутреннюю изоляцию: *He had found this truce effective, this de-materialisation useful, this exile within England practical, this exile from colour grading a liberation, so that his mind could wander and be strong, and not burn with rage and self-doubt externally induced...* [25, p. 126] 'Он нашел это перемирие действенным, эту дематериализацию полезной, это изгнание в пределах Англии практичным, это изгнание из цветовой градации освобожденческим, так что его ум мог блуждать и быть сильным, а не гореть от ярости и сомнений в себе, вызванных извне...'. Познание себя через диалог с *Другим* является для Лао разрушительной практикой, поскольку ограничивает возможности самоопределения, сводит *Я* к категории цвета и расовым предрасудкам. Примечательно, что взгляд *Другого* уподобляется взгляду камеры – инструменту, способному распознавать и интерпретировать мир исключительно через цвет. Так, Лао чувствует себя под взглядом пограничников как под взглядом камеры: *...reducible to colour, only to colour, defined only by colour, to a place on the spectrum, a light impression negative on eyes that in the hearts register such negation* [25, p. 127] '...сведенным к цвету, только к цвету, определяемым цветом, положением на спектре, световой волной, превращенной в негатив во взгляде тех, чьи сердца представляют мир черно-белым'. Это невидимое испытание – суд по цвету кожи – не существует для других членов команды. Данный процесс призван выявлять отличия, указывать некоторым людям на их чужеродность. Как отмечает Лао, в момент столкновения с пограничным контролем он переживает ужас изгнанника, насильно вырванного из Эдема.

Если в первой части дилогии, в романе «В Аркадии», герои постоянно находятся в движении, то во второй части дилогии, в книге «Век магии», команда практически все время, за исключением дороги в Швейцарию, остается на месте. Обосновавшись у Фирвальдштетского озера в окружении центрально-швейцарских Альп, съемочная группа делает перерыв от работы, и каждый участник направляет взгляд вглубь себя, максимально приближаясь к состоянию внутреннего спокойствия и умиротворения, к своей личной Аркадии: *...Lao and Mistletoe felt like Adam and Eve in an alternative Genesis. They did not eat of the apple. They had not been cast out to wander, as Adam and Eve had, for millennia in what Jacob Böhm called the fury and wrath of nature* [27, p. 176] '...Лао и Омела чувствовали себя Адамом и Евой из альтернативной Книги Бытия. Они не вкушали яблоко. Они не были изгнаны, они не скитались, как Адам и Ева, на протяжении тысячелетий под яростью и гневом природы (по Якобу Бёму)'. Прогуливаясь по городским

окрестностям в просветленном состоянии, герои, словно аркадские пастухи, натываются на могилы. Надгробные плиты из мрамора и гранита, горящие лампадки, лилии, фуксии и розы, растущие на могилах, не вызывают ни страха перед неумолимым будущим, ни сожаления об ушедшем прошлом. Кладбище становится образом увековеченной памяти (*a communal work of memory* [27, p. 179] ‘коллективным произведением памяти’, *grieving as an art* [27, p. 179] ‘гореванием как искусством’). Столкновение со смертью усиливает в героях чувство, сопровождающее их на протяжении всей дороги, – тоску по дому (*homesickness* [27, p. 181]), символом которого и является Аркадия. Б. Окри использует мотив смерти в Аркадии, чтобы подчеркнуть состояние изгнанничества и неутолимое желание вернуться домой, где дом – вневременное и внегеографическое понятие, обозначающее состояние внутреннего покоя: *...exile ends when we sense that home is everywhere that the soul can sing from* [25, p. 283] ‘...изгнание заканчивается, когда мы ощущаем, что дом повсюду, где может петь душа’.

Такие элементы, как направленность взгляда и акцентуация на образе смерти, которые выделяет Б. Окри на картине Н. Пуссена, раскрываются в романах через еще одну интермедийную технику – подражание визуальному языку псевдодокументального кино, известного как мондо, или шокументари. «Аркадия» – это в том числе название документального проекта, над которым работают герои. Сценарий фильма является продуктом творческого кризиса и не содержит ни одной оригинальной мысли. Клишированная постановка проблем современного общества в стиле «все прогнило» и «миром правят деньги» навязывает тривиальное решение этих проблем – съемку пафосного фильма об утраченной невинности и возврате в лоно природы. Б. Окри постоянно подчеркивает ироническое несоответствие между профессиональными навыками, мировоззрением героев и поставленными перед ними творческими задачами. Команда кинематографистов, которые не замечают в жизни ничего, кроме ужасов, призвана снять вдохновляющую картину о поиске рая на земле. С одной стороны, кинопроект «Аркадия» становится инверсией классического мондо, а с другой – уподобляется ему, так как он построен на эксплуатации зрительских переживаний и темы изображения. Естественно, что вместо шока и ужаса превалирующей зрительской эмоцией должна стать сентиментальная тоска об утраченном счастье.

Кинокритик Т. Алёшичева характеризует мондо как жанр, «который начал сознательно эксплуатировать тему жестокости и смерти в кадре, поставив онтологическую непристойность на поток»⁴. Родоначальником жанра считается итальянский режиссер Г. Якопетти, снявший шокументари с говорящими названиями: «Собачий мир» («Mondo cane», 1962), «Прощай, Африка» («Africa addio», 1966) и «Шокирующая Азия» («Shocking Asia», 1974). В этих картинах были собраны кадры кровавых ритуальных убийств животных, казней людей, сцены геноцида в Конго и Руанде и другие проявления необоснованной жестокости, снятые преимущественно в странах Азии и Африки. Как правило, участники шокументари фиксируют всевозможные реальные и постановочные события с целью впечатлить зрителя и вывести его на эмоции.

Несмотря на заявленную документальность, реальность в шокументари искажается под избирательным взглядом оператора с помощью монтажа и дистанцирования от предмета изображения, реальных людей в кадре, испытывающих боль и страдание в прямом эфире. Т. Алёшичева отмечает, что наличие зрительской дистанции подразумевается в названии жанра: «В самом слове “мондо” (итал. “мир”), давшем жанру название, содержится коннотация зрительского отчуждения от происходящего на экране: все эти странности и ужасы происходят “где-то в мире”, их совершает другой и не здесь»⁵. Во многих фильмах этого жанра зрительское отчуждение имеет ориенталистскую направленность, предполагающую, что «цивилизованный» зритель не может не противопоставлять себя «дикарю» на экране, как, например, в шокументари «Прощай, Африка» и «Шокирующая Азия». В аннотации к фильму «Прощай, Африка» на самой крупной русскоязычной киноплатформе «Кинопоиск» можно увидеть такие строчки: «После просмотра “Прощай, Африка” остается ощущение: на этом континенте нет и не будет ничего, кроме дикости и жестокости»⁶. Показательно, что ожидаемая зрительская реакция уже включена в метаописание фильма. Зрителю мондо не нужно составлять собственное мнение об изображаемых странах и людях, поскольку он не увидит ничего, за исключением тщательно отобранных кадров псевдоэтнической направленности. Художественный критик Д. Ву обращает внимание на логику таких фильмов, как «Шокирующая Азия», указывая на неоправданное отождествление поведения отдельных сообществ с поведением целых рас: «Противоречивые фрагменты из жизни экзотизированных культур, от поедания собак в Тайбэе до

⁴Алёшичева Т. В документальном кино умирают дважды // Сеанс : сайт. URL: <https://seance.ru/articles/v-dokumentalnom-kino-umirayut-dvazhdy/> (дата обращения: 08.02.2025).

⁵Там же.

⁶Прощай, Африка (1965) // Кинопоиск: сайт. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/186111/?utm_referrer=www.google.com (дата обращения: 13.10.2024).

ритуальной охоты на людей в Новой Гвинее, выставлены как доказательства варварства целых рас»⁷. Классические фильмы мондо, снятые в 1960-х гг. (даже если опустить их колониальную и расистскую направленность), повествуют о специфической точке зрения на человека и общество, которую выдают за правдивое изображение действительности. В названии самой первой картины Г. Якопетти «Собачий мир» заложена основа жанра – «собачий» взгляд на мир с гиперфиксацией на ужасах, жестокости и смерти.

Именно подобный взгляд на мир становится предметом критического осмысления в диалогии Б. Окри. Все информационное поле заполнено шокирующими новостями, что неоднократно подмечают герои: *Newspapers walking or hurrying past me bore notices of murders, serial killers, suicides, sex scandals, ministers entangled in fraud or corruption or vice, children sexually molested by teachers or parents or priests or strangers, or nuclear waste leaking into the world's drinking water and poisoning the rivers, or acid rain devouring nature, of robberies, muggings, assaults on old ladies, or new space missions sent out to investigate distant planets, or racial murderers set free by blind justice, of genocides and perversions, or government cover-ups and dangerous scientific experiments* [25, p. 52] 'Газетчики, проходившие мимо меня, несли сообщения об убийствах, серийных убийцах, самоубийствах, сексуальных скандалах, министрах, замешанных в мошенничестве, коррупции или преступности, о детях, подвергшихся сексуальному насилию со стороны учителей, родителей, священников или незнакомцев, или о ядерных отходах, попадающих в питьевую воду мира и отравляющих реки, или о кислотных дождях, пожирающих природу, о грабежах, разбоях, нападениях на пожилых женщин, о новых космических миссиях, отправляемых для исследования далеких планет, или об убийцах-расистах, освобожденных слепым правосудием, о геноцидах и извращениях, или о правительственных заговорах и об опасных научных экспериментах'. Современный новостной поток, который, по наблюдению Т. Алёшичевой, сам является формой производства шокументари «сверху»⁸, в диалогии представлен как доминирующая точка зрения, конструирующая взгляд героев на мир.

Рассказчик Лао, профессиональный ведущий, которому предстоит быть лицом «Аркадии» (хотя он ненавидит стоять перед камерой), имеет функцию наблюдателя и закадрового комментатора. Что бы ни происходило в дороге, взгляд Лао, словно сливаясь со взглядом камеры в руках оператора шокументари, возвращается к отвратительным проявлениям жизни, социальным несправедливостям, людскому горю и страданиям: *All over the world famines and wars are in great unholy feasts, gobbling up the bodies of men and women and children, with young babies left to starve, and young men wildly roaming the countryside full of hate, and death growing luxuriantly in fields and breeding in refugee camps* [25, p. 63] 'По всему миру бушуют войны и голод, пожирая тела мужчин, женщин и детей, младенцы брошены умирать от истощения, юноши дико бродят по округе, полные ненависти, и смерть расцветает в поле и размножается в лагерях беженцев'. Внутренние монологи героя, перескакивающие с темы на тему, с одной жуткой истории на другую, бросающие в читателя шокирующие примеры, словно сенсационные заголовки газет, повторяют логику новостного нарратива. Б. Окри показывает, как циркуляция жестоких кадров из разных уголков мира заполняет эфирное время подавляющего большинства медиаплатформ, формируя лишь один, апокалиптический взгляд на мир: *Sometimes it feels as if the planet is in its very last days, as if it is in a terminal spin, with everything screaming of an impending apocalypse. Nightmare stories on the news; nightmare stories wandering around in broad daylight. Our sleep clogged with horrors. Our waking hours crowded with despair. Death, decay, and destruction have taken over the air we breathe. We breathe in death, and breathe out neurosis* [25, p. 52–53] 'Иногда кажется, что планета переживает свои последние дни, находится в предсмертном вращении, и все кричит о надвигающемся апокалипсисе. Кошмарные истории в новостях; кошмарные истории, бродящие среди бела дня. Наш сон забит ужасами. Часы нашего бодрствования полны отчаяния. Смерть, упадок и разрушение заполнили воздух, которым мы дышим. Мы вдыхаем смерть и выдыхаем невроз'. Несмотря на то что героев тревожат беспричинное насилие, бедственное положение маргинализированных групп и другие мировые проблемы, они остаются безынициативными наблюдателями, чей ужас и шок не сменяются действием, более того, эмоциональный выплеск чувств и ирония замещают любое действие.

Персонажи в диалогии одержимы образами смерти, они стремятся к саморазрушению. Так, режиссер Джим считает, что лучшее, что он может сделать, – это умереть посреди съемок и тем самым избежать провала. Он признается, что построил свою карьеру на фильмах совсем другого толка, абсолютно противоположных проекту об Аркадии: *I tell you, I'm the least equipped person to make a journey to Arcadia, to notions of earthly paradise. I'm better equipped to lead folks on a journey to hell, to inferno, the worst bingo club in the world... I've got hell in me* [25, p. 110] 'Говорю тебе, я наименее подходящий человек для путешествия в Аркадию, к представлениям о земном рае. Я лучше подхожу для того, чтобы вести народ в преисподнюю,

⁷ Wu D. C. Spencer Yeh's «Shocking Asia» // ArtAsiaPacific : website. URL: <https://artasiapacific.com/shows/c-spencer-yeh-s-shocking-asia> (date of access: 08.01.2025).

⁸ Алёшичева Т. В документальном кино умирают дважды // Сеанс : сайт. URL: <https://seance.ru/articles/v-dokumentalnom-kino-umirayut-dvazhdy/> (дата обращения: 08.02.2025).

во мрак, в худший бинго клуб в мире... Я ношу в себе ад'. В то же время оператор Сэм считает, что настоящее искусство рождается из страдания. По его мнению, страдание обладает аутентичностью, и только произведения о боли и несчастьях являются подлинным «высоким» творением: *He claims to read only prison literature, the literature of concentration camps, if there is such a thing. And the literature of true-life horror stories, the literature of pain* [25, p. 60] 'Он утверждает, что читает только тюремную литературу, литературу концлагерей, если такой жанр существует. И страшилки, основанные на реальных событиях, истории о боли'. Ради хорошего кадра Сэм готов довести себя до нервного истощения. Эта одержимость героев ужасами, болью и разрушением соотносится с психоэмоциональным состоянием зрителей при просмотре шокументари. Современные фильмы в жанре мондо эволюционировали в эмоциональный монтаж, состоящий из завораживающих кадров крушений, катастроф, убийств и изображений тел погибших [28]. Снятые на полицейскую или дорожную камеру реальные или постановочные образы смерти становятся доминантой подобных картин. Подборки в жанре мондо являются ответом на страх и желание саморазрушения, воплощая фантазии о физическом умирании тела, уничтожении реального и воображаемого экранного *Другого*: «"Реальное" уничтожение *Другого* в мондо способствует переживанию мимолетной преисполненности в себе – возвращения к себе как к целостной и единой сущности, всегда воображаемой, но недостижимой» [28, p. 187]. В этом смысле тяга героев к смерти объясняется стремлением к трансформации, перерождению своей личности в новом качестве: *But to make that crossing to a possible future, a death must take place. The old self must die* [27, p. 59] 'Но чтобы совершить этот переход в возможное будущее, должна произойти смерть. Старое Я должно умереть'.

Во время съемок Джим составляет список вещей, которые ненавидит, и с каждой творческой неудачей этот список пополняется новыми наименованиями. Фокусируясь на мелочах, делающих его жизнь невыносимой, Джим формирует неприглядную реальность вокруг себя, отказываясь замечать что-либо хорошее: *His lists were never about what he loved, what he wanted. He had made his life a mirror of dissatisfactions, a veil of evils, and that was why the journey to Arcadia appealed to him. <...> He wanted to love life again* [27, p. 142] 'Его списки никогда не были о том, что он любил, чего он хотел. Он создал из своей жизни зеркало неудовлетворенности, завесу зла, и в этом была причина, по которой путешествие в Аркадию привлекло его. <...> Он хотел снова полюбить жизнь'. Для Джима, как и для многих героев, путешествие к личной Аркадии означает смену направления взгляда. Когда герои находятся в Лувре перед картиной Н. Пуссена, они получают мистические наставления от незнакомца, среди которых призыв сменить фокус внимания: *Don't forget that the landscape is greater than the tomb* [25, p. 239] 'Не забывайте, что пейзаж важнее могилы'.

Не случайно Б. Окри обрисовывает своих героев-кинематографистов схематически. Порой их образы и речь становятся неотличимы друг от друга. Функции персонажей сведены до наблюдателей, которые видят окружающую действительность через камеру, а взгляд камеры избирательный, ограниченный и безжизненный. Нарратор отмечает: *It stares on corpses as on flowers with the same mindless equanimity* [25, p. 22] 'Она [камера] одинаково пялится что на трупы, что на цветы с тупым равнодушием'. Камера является глазами механического *Другого*, которого Б. Окри наделяет следующими характеристиками: *an eye that gazes insensibly upon what it witnesses* [25, p. 22] 'глаз, который бесчувственно взирает на то, чему становится свидетелем', *an inflexible point of view* [25, p. 22] 'однобокая точка зрения', *the greatest disseminator of illusions* [25, p. 22] 'величайший распространитель иллюзий'. Объектив камеры – это инструмент, призванный не только фиксировать окружающий мир, но и конструировать образ людей, а также заверять их в реальности своего существования. По словам автора, образ *Другого*, который формирует камера, – это экранный образ (*a monstrous reduction of self from selfhood to visibility-hood* [25, p. 22] 'чудовищное низведение своей сути от самости к видимости'). Б. Окри сравнивает мир с кинофильмом, называя его вселенной на киноплёнке (*celluloid universe* [25, p. 27]). Эту метафору необходимо расшифровывать в контексте платоновского мифа о пещере. Люди видят образ мира, пропущенного через объектив кинокамеры, словно тень на стенах пещеры: *And our world, as on cinema screen, can be one in which messages are flashed, projected* [25, p. 27] 'И наш мир может быть как экран кинотеатра, на котором мелькают, проецируются сообщения'. Если взгляд камеры (*gaze*) подразумевает ограниченное восприятие, способное лишь на искажённую передачу изображений, которые необходимо расшифровать, то противопоставляемое ему интуитивное видение (*intuitions*) оказывается ключом к настоящему познанию.

Находясь в одном из туристических городов у берегов Фирвальдштетского озера, герои узнают, что когда-то это место привлекало поэтов и художников, а затем стало курортом для богачей и знаменитостей. Город испортили тысячи праздных взглядов, он стал, как выражается один из его жителей, разрекламированным и заезженным (*over-run and over-exposed* [27, p. 187]). Массовый туризм погубил вдохновляющую красоту местности, а также простоту и невинность ее обитателей: *Popularity, success, hysteria, killed us. Our town was written about in all the magazines and newspapers across the world. We were*

photographed to death [27, p. 251] 'Популярность, успех и истерия убили нас. О нашем городе писали в журналах и газетах по всему миру. Нас зафотографировали до смерти'. Живописный край превратился в место для развлечений с выпивкой и азартными играми. Каждый день происходили финансовые скандалы, измены и самоубийства, пока молодой горожанин не убил приезжего богача. Когда репутация города была испорчена, о нем забыли. Город, который «зафотографировали до смерти», переродился, стал скрытым от глаз, доступным лишь для тех, кто умеет видеть. Он стал городом-идеей, абстракцией, как и сама Аркадия. Как отмечает Б. Окри, чтобы поверить в идею, ее необходимо постичь более совершенными органами чувств: *The eyes are imprecise instruments of complete vision, he thought. We need higher instruments. The instrument of poetry, the organ of intuition, which could supply to consciousness the highest data* [27, p. 199] '«Глаза – неточные инструменты совершенного видения», – подумал он. Нам нужны высшие инструменты. Инструмент поэзии, орган интуиции, который мог бы снабжать сознание наилучшей информацией'.

Противопоставляя концепции взгляда и видения, Б. Окри предупреждает об опасности ограниченного взгляда камеры, который выхватывает неполные изображения и препарирует картинку, не чувствуя связи с миром в кадре. Фокусируясь на одной-единственной характеристике, такой взгляд упрощает предмет изображения, оценивая человека по цвету кожи, а город с богатой историей по туристическому потенциалу, эксплуатируя образ Аркадии в целях создания поверхностной критики современного мира. Образ камеры у Б. Окри служит метафорой избирательного нарратива, однобокой точки зрения, которая воспроизводит стереотипы. Нигерийская писательница Ч. Н. Адичи метко высказалась по поводу опасности однобокой точки зрения: «...проблема со стереотипами не в том, что они ошибочные, а в том, что они неполные. Они превращают одну из историй в единственную»⁹.

В романах «В Аркадии» и «Век магии» автор подвергает критическому осмыслению апокалиптический взгляд на мир, распространяемый медиаплатформами. Персонажи Б. Окри отчаянно ищут Аркадию внутри себя. Однако, в отличие от аркадских пастухов, они не способны оторвать взгляд от гробницы и, замороженные образами разрушения и смерти, находятся в состоянии парализующей тревоги.

Пока истории личной и социальной катастрофы являются единственными историями, которые герои способны рассказывать друг другу, баланс созидания и разрушения, жизни и смерти, представленный на картине Н. Пуссена, остается недостижимым идеалом.

Заключение

В результате анализа интермедиальных референций в диалогии британско-нигерийского писателя Б. Окри «В Аркадии» и «Век магии» выявлены несколько способов взаимодействия текста и других видов искусств, таких как живопись и кинематограф.

Во-первых, Б. Окри прибегает к экфрасису в качестве повествовательной стратегии, которая формирует мотивную структуру, образы героев и поэтический язык в романах. Объектом интермедиальной референции становится конкретный артефакт, а именно картина Н. Пуссена «Аркадские пастухи». Экфрасистическое описание охватывает непосредственное словесное описание как произведения живописи, так и психоэмоциональных реакций, которые картина вызывает у героев, а также толкование образно-символического содержания изображения и толкование толкований, т. е. разъяснение принятых в искусствоведении интерпретаций данной картины.

Во-вторых, нарратив Б. Окри мимикрирует, пародирует и тематизирует эстетику фильмов в жанре мондо. Объектом интермедиальной референции в данном случае является медиальная субсистема (киножанр), в частности, такие особенности визуального киноязыка мондо, как избирательная точка зрения, гиперфиксация на кровавых событиях, эксплуатация зрительских переживаний.

В-третьих, можно выделить вовлечение в художественный текст элементов нескольких семиотических систем: живописи, кинематографа и новостных медиа. Объектом референции становятся картина и камера как специфические средства производства значений, музеи, съемочный процесс и его агенты (персонажи, являющиеся частью киноиндустрии), информационное поле и т. д.

Включение интермедиальных референций в художественное пространство диалогии способствует раскрытию метамедиальных и метаэстетических концепций взгляда и видения.

Таким образом, в романах Б. Окри «В Аркадии» и «Век магии» текст не только взаимодействует с другими медиумами (как с конкретной картиной-артефактом, так и с целой медиальной субсистемой жанрового кино), но и вступает в диалог с доминирующей логикой современного новостного дискурса, а также рефлексивирует о построении образа *Другого* в различных культурных и медиальных практиках.

⁹Adichie C. N. The danger of a single story // TED conferences : website. URL: https://www.ted.com/talks/chimamanda_ngozi_adichie_the_danger_of_a_single_story/transcript?subtitle=en (date of access: 13.10.2024).

Библиографические ссылки

1. Вавилов ВН. *Проза Нигерии*. Москва: Наука; 1973. 160 с.
2. Котляр ЕС. Национальные истоки современной африканской прозы: дороманные и предроманные формы. В: Никифорова ИД, составитель. *История романых форм в литературах Африки*. Москва: Восточная литература; 2010. с. 7–27.
3. Scheub H. Translation of African oral narrative-performances to the written word. In: Otiono N, Akoma C, editors. *Oral literary performance in Africa: beyond text*. London: Routledge; 2021. p. 99–109.
4. Finnegan R. *Oral literature in Africa*. Oxford: Clarendon Press; 1970. 558 p.
5. Okpewho I. *The epic in Africa: toward a poetics of the oral oerformance*. New York: Columbia University Press; 1979. 288 p.
6. Ce C, Smith C, editors. *Oral tradition in African literature*. Nigeria: Handel books; 2015. 194 p.
7. Otiono N, Akoma C, editors. *Oral literary performance in Africa: beyond text*. London: Routledge; 2021. 300 p.
8. Kalu A. African literature and the traditional arts: speaking art, molding theory. *Research in African Literatures*. 2000;31(4): 48–62. DOI: 10.2979/ral.2000.31.4.48.
9. Коптелова АВ. Развитие романа в литературе Нигерии. В: Никифорова ИД, составитель. *История романых форм в литературах Африки*. Москва: Восточная литература; 2010. с. 531–562.
10. Wolf W. *The musicalization of giction: a study in the theory and history of intermediality*. Amsterdam: Rodopi; 1999. 272 p.
11. Rajewsky I. Intermediality, intertextuality, and remediation: a literary perspective on intermediality. *Intermedialités / Intermediality*. 2005;6:43–64. DOI: 10.7202/1005505ar.
12. Wolf W. Narratology and media(lity): the transmedial expansion of a literary discipline and possible consequences. In: Olson G, editor. *Current trends in narratology*. Berlin: De Gruyter; 2011. p. 146–180.
13. Elliott K. *Theorizing adaptation*. New York: Oxford University Press; 2020. 362 p.
14. Neumann B. Intermedial negotiations: postcolonial literatures. In: Rippl G, editor. *Handbook of intermediality: literature – image – sound – music*. Berlin: De Gruyter; 2015. p. 512–529. DOI: 10.1515/9783110311075-029.
15. Bhabha HK. *The location of culture*. London: Routledge; 1994. Introduction: locations of culture; p. 1–28.
16. Rippl G, editor. *Handbook of intermediality: literature – image – sound – music*. Berlin: De Gruyter; 2015. 691 p.
17. Neumann B, Rippl G. *Verbal-visual configurations in postcolonial literature: intermedial aesthetics*. New York: Routledge; 2020. 296 p. DOI: 10.4324/9781003038818.
18. Тлостанова МВ. *Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН; 2000. 400 с.
19. Толкачев СП. Современная английская кросскультурная литература в поле постколониальной теории. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2011;22:118–151.
20. Сидорова ОГ. *Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2005. 262 с.
21. Первушина ЛВ. *Литература славянской эмиграции США: Дойна Галич Барр*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2023. 164 с.
22. Полищук НА. Литературный джаз как нарративная и экспрессивная стратегия американской литературы (на примере творчества Тони Моррисон). *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2010;4:104–110.
23. Афанасьева ЮА. Музыка в афроамериканской литературе: опыт интермедиального анализа романов З. Н. Херстон. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;3:40–51.
24. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе. В: Геллер Л, редактор. *Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума*. Москва: МИК; 2002. с. 5–22.
25. Okri B. *In Arcadia*. London: Head of Zeus; 2014. 291 p.
26. Панофски Э. Et in Arcadia Ego: Пуссен и элегическая традиция. В: Лепорк АК, редактор. *Смысл и толкование изобразительного искусства*. Симонова ВВ, переводчик. Санкт-Петербург: Академический проект; 1999. с. 333–362.
27. Okri B. *The age of magic*. London: Head of Zeus; 2015. 286 p.
28. Brottman M. Mondo horror: carnivalizing the taboo. In: Prince S, editor. *The horror film*. New Brunswick: Rutgers University Press; 2004. p. 167–188.

Статья поступила в редакцию 21.05.2025.
Received by editorial board 21.05.2025.

УДК 821.111

ЖАНРОВЫЕ МОДИФИКАЦИИ ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ОБ У. ШЕКСПИРЕ В АНГЛОФОННЫХ ЛИТЕРАТУРАХ XXI В.

Я. А. АЛЕКСЕЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Устанавливается специфика историко-биографической прозы об У. Шекспире в англофонных литературах XXI в. Выявляются причины мифологизации личности классика в исторической перспективе и универсальные особенности рецепции его образа в различных национальных литературах (австралийской, английской, американской, ирландской, канадской, шотландской) на примере отдельно взятых текстов. Определяются модификации романов о барде и их жанрообразующие черты. Актуальность темы и теоретическая значимость результатов объясняются необходимостью систематизировать формы документально-художественной литературы и выявить частотные прецедентные тексты для выработки стратегий адекватного перевода романов о драматурге.

Ключевые слова: англофонные литературы; биографический миф; жанровый синкретизм; интертекстуальность; историко-биографический дискурс; рецепция; факт и вымысел.

ЖАНРАВЫЯ МАДЫФІКАЦЫІ ГІСТОРЫКА-БІАГРАФІЧНАЙ ПРОЗЫ АБ У. ШЭКСПІРЫ Ў АНГЛАФОННЫХ ЛІТАРАТУРАХ XXI ст.

Я. А. АЛЯКСЕЕНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Акрэсліваецца спецыфіка гісторыка-біяграфічнай прозы аб У. Шэкспіры ў англафонных літаратурах XXI ст. Выяўляюцца прычыны міфалагізацыі асобы класіка ў гістарычнай перспектыве і ўніверсальныя асаблівасці рэцэпцыі яго вобраза ў розных нацыянальных літаратурах (аўстралійскай, англійскай, амерыканскай, ірландскай, канадскай, шатландскай) на прыкладзе асобна ўзятых тэкстаў. Вызначаюцца мадыфікацыі раманаў пра барда і іх жанраўтваральныя рысы. Актуальнасць тэмы і тэарэтычная значнасць вынікаў тлумачацца неабходнасцю сістэматызаваць формы дакументальна-мастацкай літаратуры і выявіць частотныя прэцэдэнтныя тэксты для выпрацоўкі стратэгіі адэкватнага перакладу раманаў пра драматурга.

Ключавыя словы: англафонныя літаратуры; біяграфічны миф; жанравыя сінкрэтызм; інтэртэкстуальнасць; гісторыка-біяграфічны дыскурс; рэцэпцыя; факт і вымысел.

Образец цитирования:

Алексеев ЯА. Жанровые модификации историко-биографической прозы об У. Шекспире в англофонных литературах XXI в. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;3:17–27.
EDN: GWPOIX

For citation:

Aliakseyenka YaA. Genre modifications of historical and biographical fiction about W. Shakespeare in 21st century Anglophone literatures. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;3:17–27. Russian.
EDN: GWPOIX

Автор:

Янина Алексеевна Алексеев – аспирантка кафедры зарубежной литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент А. М. Бутырчик.

Author:

Yanina A. Aliakseyenka, postgraduate student at the department of foreign literature, faculty of philology.
alexeeenko_1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0007-1430-4880>

GENRE MODIFICATIONS OF HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL FICTION ABOUT W. SHAKESPEARE IN 21st CENTURY ANGLOPHONE LITERATURES

Ya. A. ALIAKSEYENKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article deals with the specifics of historical and biographical fiction about W. Shakespeare in 21st century Anglophone literatures. The reasons for the classic's mythologisation in the historical perspective and the universal features of his image reception in various national literatures (American, Australian, Canadian, English, Irish, Scottish) are distinguished on the example of chosen texts. The modifications of the novels about the bard and their genre-forming features are identified. The relevance of the topic and the theoretical significance of the results are due to the need to systematise the forms of documentary fiction and to determine the most frequent precedent texts in order to develop strategies for the adequate translation of novels about the playwright.

Keywords: Anglophone literatures; biographical myth; genre syncretism; intertextuality; historical and biographical discourse; reception; fact and fiction.

Введение

На рубеже XX–XXI вв. популярность историко-биографических произведений объясняется обострившимся кризисом идентичности, личной и коллективной реабилитацией категории автора в рамках литературы метамодернизма, сохраняющейся релевантностью постмодернистских эстетических и мировоззренческих принципов (тотального деконструктивизма, плюрализма истин, игры с традицией, эпистемологической неуверенности), глобализацией во всех сферах человеческой деятельности (экономической, политической, культурной) и ее повсеместным влиянием на культуру средств массовой информации, телевидения, интернета. В таких пограничных и нестабильных условиях формирование корпуса текстов о значимых в том или ином аспекте личностях становится способом придания коллективной памяти национального характера и (или) его сохранения. Вместе с тем общепринятые нарративы отвергаются полностью или частично под влиянием идей постмодернизма, их подлинность ставится под сомнение, что приводит к появлению таких модификаций историко-биографической прозы, как историографический метароман, беллетризованная (романизованная) биография, альтернативная история, для которых характерны синтез факта и вымысла, жанровый синкретизм (вкрапление элементов готического романа, детектива, любовного романа, семейной хроники, триллера и т. д.). В подобного рода художественно-документальных произведениях рецепция жизненного пути известной личности (писателя, политика, музыканта, художника, ученого и т. д.) оказывается частью рефлексии над значимыми событиями прошлого.

Для литератур Великобритании, ряда стран – членов Содружества наций (Австралии, Индии, Канады) и США универсальным связующим звеном в диалоге культур становится наследие английского классика У. Шекспира. С учетом этого обстоятельства в качестве объектов исследования в рамках настоящей статьи выступают следующие англоязычные произведения представителей различных национальных литератур (австралийской, английской, американской, ирландской, канадской, шотландской) и направлений: романы «Покоренная Британия» Г. Тертлдава [1], «Лондонские сочинители» П. Акройда [2], «Завещание Шекспира» К. Раша [3], «Код Шекспира» («Сердце тигра») Дж. Андервуда (Ю. К. Айреса) [4], «Бастард г-на Шекспира» Р. Б. Райта [5], «Уильям и Сюзанна: тайны семьи Шекспира» Л. Е. Пембрук [6], «Небеса» С. Ньюман [7], «Гамнет» М. О'Фаррелл [8]. Цель исследования – выявление специфики историко-биографической прозы об У. Шекспире в англофонных литературах XXI в. на примере избранных романов.

Жанровая динамика выступает одним из релевантных признаков литературного процесса начала XXI в., поэтому исследование системы жанров, сочетающее как литературоведческие, так и социокультурные подходы к анализу художественной репрезентации глобальных сдвигов в обществе, является приоритетным направлением современного литературоведения. Деконструкция канонических жанров биографии и исторического романа приводит к возникновению качественно новых экспериментальных художественных текстов, которые не представлены в отечественной критике. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обозначить основные направления переосмысления образа У. Шекспира в ряде национальных литератур, определить жанровые модификации историко-биографической прозы, выявить наиболее частотные прецедентные тексты английского классика для выработки стратегий адекватного перевода романов о драматурге на русский и белорусский языки, установить роль шекспировского

кода в межкультурной коммуникации. Научная новизна работы заключается в применении жанрового подхода к феномену рецепции жизни и творчества У. Шекспира с обращением к примерам трансформации как традиционных моделей, так и образцов массовой литературы, а также использованием методов компаративистики при изучении произведений англоязычных писателей, представляющих различные национальные литературы (английскую, австралийскую, американскую, ирландскую, канадскую, шотландскую), с выявлением общих составляющих историко-биографической прозы XXI в. на примере отдельно взятых текстов. В основе методологии данного исследования лежат сравнительно-исторический, культурно-исторический и структурно-семиотический подходы (теоретическую базу составляют работы Р. Барта [9], М. М. Бахтина [10], Ю. Кристевой [11], Ю. М. Лотмана [12; 13]) и контекстуальный анализ.

Разработкой теории биографического жанра в белорусском литературоведении занимается, прежде всего, Т. Е. Комаровская [14; 15]. В отдельную группу можно выделить работы М. В. Дубковой¹, В. В. Струкова², А. В. Шубиной³ и др., объектом которых является творчество П. Акройда. Поэтику историографического метаромана рассматривает И. В. Даниленко⁴. Фундаментальной считается монография Л. Хатчеон «Поэтика постмодернизма: история, теория, вымысел» [16]. Необходимо отметить статьи Н. С. Зелезинской, посвященные шекспировскому вопросу и особенностям биографии драматурга [17–19]. К вопросу о специфике альтернативной истории, которая как отдельный жанр формируется в 1990-х гг., обращаются Л. Долежел [20], О. Ю. Осьмухина и Г. А. Махрова [21], М. Шнейдер-Майерсон [22]. Особенности автофикции раскрывают Е. М. Болдырева [23], Е. А. Борисеева [24], М. Левина-Паркер [25] и др. Проблему жанрового определения экзотической затрагивают Т. Н. Амирян [26] и Л. Е. Муравьева [27]. Феминистскую ревизию жанров в творчестве М. Этвуд рассматривает А. В. Янкута⁵. Особенности гиноцентрического романа посвящены исследования А. Э. Воротниковой⁶ и П. П. Ивлиевой [28]. Статус наследия У. Шекспира в постколониальной западной культуре рассматривается многими современными учеными, среди которых Х. Блум [29], К. С. Стерджесс [30], Дж. Шапиро [31], Дж. Г. Сингх [32] и др. Диссертация Х. аль-Гарзи⁷ посвящена шекспировскому интертексту. Представленный обзор литературы подтверждает необходимость систематизации материалов по теории жанров в рамках историко-биографического дискурса.

Результаты и их обсуждение

Для современной культуры характерен повышенный интерес не только к творчеству, но и к личности У. Шекспира. В XXI в. наблюдается тенденция к деканонизации классика и созданию образа барда как выходца из народной среды, приземленной личности, а также к отказу от бардопоклонничества (*bardolatry*). Склонность к пересмотру истории, ремифологизации событий и персоналий, постмодернистская ориентация на множественность возможных версий известных событий, необходимость в пересмотре имеющихся сведений о драматурге обуславливают появление на рубеже XX–XXI вв. корпуса художественных текстов, посвященных его жизни и творчеству, в основу которых ложатся в том числе концепции антишекспиризма. Сомнения в авторстве У. Шекспира можно обнаружить в XVII в., однако активное развитие данные идеи получают во второй половине XIX в. Исследователи жизни и творчества драматурга делятся на стратфордианцев (Г. Брандес, С. Ли, Э. Чемберс и др.) и антистратфордианцев (Д. Бэкон, Дж. Гринвуд, С. Шенбаум и др.). В соответствии с распространенными версиями последних «реальными» авторами пьес и сонетов английского классика могут считаться Ф. Бэкон, К. Марло, Р. Мэннерс и Э. де Вер.

Мифологизации фигуры барда способствуют следующие факторы:

- ограниченное количество исторических сведений о личности классика (корпус свидетельств профессионального характера, отсутствие информации о частной жизни);
- особое положение в рамках литературного процесса XVI–XVII вв. (канонический статус), обособленность от авторов-современников;

¹Дубкова М. В. Трансформация жанра биографии в творчестве Питера Акройда : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. М., 2015. 25 с.

²Струков В. В. Художественное своеобразие романов Питера Акройда: к проблеме британского постмодернизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05. Воронеж, 2000. 23 с.

³Шубина А. В. Проблема биографического жанра в творчестве Питера Акройда : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. СПб., 2009. 30 с.

⁴Даниленко И. В. Французский историографический метароман (на материале произведений М. Турнье, Ж.-П. Шаброля, Д. Литтелла) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. Минск, 2021. 27 с.

⁵Янкута Г. В. Фемінісцкая рэвізія жанраў у творчасці Маргарэт Этвуд : аўтарэф. дис. ... канд. філал. навук : 10.01.03. Мінск, 2018. 24 с.

⁶Воротникова А. Э. Гиноцентрические романы Германии и Австрии 1970–1980-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. Воронеж, 2008. 38 с.

⁷аль-Гарзи Х. Рецепция шекспировского литературного наследия в творчестве Бернарда Шоу : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. Минск, 2017. 23 с.

- значительный временной отрезок между периодом его жизни и работой исследователей;
- изменения в аксиологической системе (постмодернистская ревизия истории, деконструктивизм);
- труды, посвященные жизни и творчеству драматурга, на которые опираются шекспироведы в противовес документальным первоисточникам;
- шекспировский вопрос.

Из-за вышеперечисленных факторов появляются биографические мифы вокруг жизни известной личности в результате либо осознанной автофикционализации, либо коллективного мифотворчества. Существует ряд подходов к данному феномену [33], в связи с чем необходимо дать определение биографическому мифу об У. Шекспире. Он представляет собой сконструированный образ классика в культуре, массовом сознании и коллективной памяти, формирующийся на базе общеизвестных и документально подтвержденных сведений о драматурге, различных интерпретаций его творческого наследия, антистратфордианских теорий, корпуса созданных ранее художественных произведений и распространенных сюжетов о барде, транслирующийся и постоянно переосмысливающийся авторами под влиянием меняющихся мировоззренческих установок и новых научных открытий.

Ревизия образа У. Шекспира сопровождается разрушением традиционной жанровой системы и появлением новых романских форм в эпоху постмодернизма. Необходимо обратиться к канону исторического и биографического романов (последний рассматривается и как самостоятельный жанр, и как разновидность исторической литературы). К наиболее частотным и устойчивым чертам историко-биографической прозы можно отнести линейный (с учетом ретроспекции), логико-хронологический порядок изложения материала, привязку к конкретному хронотопу; повествование от третьего лица (всеведущий автор); фактографичность и достоверность, детальное и масштабное воссоздание исторического контекста для раскрытия связи личности и эпохи, рациональный подход; временную дистанцию между описываемыми событиями и моментом написания художественного произведения; идеализацию исторической фигуры, панегиричность повествования в большинстве случаев (наблюдается развенчание мифов об отдельных личностях).

Важно отметить, что для исторического романа с момента оформления жанра в английской литературе XIX в. характерен прежде всего синтез черт *romance* (герои являются чаще статичными, а не динамичными, что свойственно жанровой массовой литературе; действие развивается в иных, далеких исторических реалиях; присутствуют сказочные мотивы, неожиданные совпадения и развязки, разветвленный сюжет; объем текста относительно небольшой) и *novel* (детальное описание выбранной действительности, достоверность в изложении основных фактов, наличие биографического элемента, простой сюжет с одной ведущей линией) из-за соединения факта и вымысла. В классических образцах произведений данного жанра присутствуют элементы авантюрного, готического и любовного романов, травелога. Формирование классического биографического романа, который обретает популярность одновременно с историческим романом, можно отнести ко второй половине XVIII в. и связать с возникновением интереса к личности, ее способностям и появлением культа гения, что свойственно эпохам Просвещения и романтизма соответственно. Биографическая проза того времени включает черты романа воспитания и семейно-бытового романа. Особенностью историко-биографической прозы XXI в. также является жанровый синкретизм. Модификации затрагивают такие уровни жанрового кода, как система персонажей (вымышленные герои сосуществуют с реально жившими фигурами, авторы делают акцент на чувствах и переживаниях героев (психологизм), создают их психологические портреты (*characterisation*) на основе ограниченного количества документальных свидетельств при помощи обращения к внутренним монологам и снам, придания повествованию исповедального характера, демонстрации особенностей отношений героев с окружающими), сюжет (в центре внимания находится внутренний конфликт как отражение социальной, политической и культурной ситуации, личные истории раскрываются на фоне большого нарратива), нарратив (преобладает использование я-нарратива или чередование повествования от первого лица и повествования от третьего лица (рассказчиков может быть несколько), часто применяются диалоги), хронотоп (многоуровневый с перемещением между временными пластами, локусами и нарраторами, что непосредственно влияет на композицию).

Одна из наиболее распространенных форм рецепции жизни и творчества У. Шекспира в биографическом дискурсе (под дискурсом в широком смысле подразумевается корпус художественных текстов, написанных различными авторами (в данном случае представителями англоязычных национальных литератур), которые реализуют общие стратегии фикционализации действительности, имеют схожие жанровые черты и принадлежат как к одной (преимущественно), так и к нескольким эпохам (синтез синхронического и диахронического аспектов)) в англофонных литературах – беллетризованная биография. Оформление жанра так называемой новой биографии относят к 1910–30-м гг. и связывают с творчеством Л. Стрейчи, С. Цвейга, А. Моруа. Необходимо обратить внимание на разнообразие терминов: наряду

с указанным выше феноменом существуют понятия «романизованная (романизированная) биография», «художественная биография» (термин был предложен во избежание параллелей между прилагательным «беллетризованный» и имеющим несколько негативную коннотацию существительным «беллетристика»), а также «психологизированная биография», «беллетризованный роман» и «художественно-психологизированная проза». В западном литературоведении находим терминологические эквиваленты *fictionalised biography*, *biographical fiction*, *imaginative writing*, *creative fiction* и т. д. Интересно, что каждый вариант содержит отсылки к синкретическому художественно-документальному характеру жанра, соединению факта и вымысла в произведениях данного типа (термин *fictionalised biography* предполагает преобладание реального начала над фикциональным, в то время как остальные варианты допускают присутствие авторской фантазии и вольной интерпретации общеизвестной информации).

Кроме того, наблюдается тенденция к использованию автобиографической и мемуарной моделей в рамках биографического дискурса, в том числе в жанре романизированной биографии, в частности биографии о писателе (писательской биографии), которую можно рассматривать и как самостоятельный жанр, и как разновидность беллетризованной биографии. Специфику этого типа биографии описывает Г. В. Казанцева: «Главные отличия писательской биографии от других видов беллетризованной биографии заключаются в следующем: а) объектом и субъектом изображения становится писатель; б) автор и герой находятся в тесной художественно-эстетической взаимосвязи; в) предметом изображения является не только историческая личность, но и творчество “другого” писателя; г) широко представленное в тексте творчество “другого” писателя, интерпретированное автором биографии, формирует интертекстуальное поле жизнеописания; д) автор и читатель являются носителями культурной памяти о герое-писателе»⁸. С учетом рода деятельности У. Шекспира биография о писателе приобретает особую актуальность, хотя, как важно заметить, рецепция творчества драматурга не ограничивается исключительно этой формой жизнеописания. Так, появляются тексты синкретического типа, в которых соединяются элементы нескольких разновидностей жизнеописательной прозы и массовой литературы (детектив, триллер).

Специфику ревизии образа стратфордского барда в контексте биографического дискурса можно рассмотреть на примере романов «Завещание Шекспира» шотландского писателя К. Раша и «Код Шекспира» («Сердце тигра») американского прозаика Ю. К. Айреса. Сопоставление творческой манеры и художественных методов названных авторов позволяет выделить общие аспекты, касающиеся восприятия жизни и творчества драматурга в рамках двух национальных литератур и культур. Традиционная модель воссоздания фактов из жизни классика сквозь призму его творчества и биографический подход к толкованию канонических текстов, характерный для жанра литературной биографии (*life and works biography*), используются в обоих произведениях. Это обстоятельство обуславливает наличие интертекстуальных включений в указанных романах. Повествование приобретает более субъективный характер, усиливается верификационный эффект, биографические лакуны заполняются вымышленными событиями, чему способствует повествование от первого лица. Важно отметить, что отличительной чертой нарратива в романе «Завещание Шекспира» является диалогичность, так как в обсуждении юридического документа участвует второе лицо – нотариус У. Шекспира, реально существовавшая личность, воплощенная в художественном мире наряду с бардом, что свойственно романизированной биографии. Особую роль играет исторический контекст (реалии елизаветинской эпохи). Главное отличие романа Ю. К. Айреса от «исповеди» К. Раша заключается в том, что американский писатель обращается к антистратфордианской идее о том, что автором шекспировского канона на самом деле является современник барда (скорее, его предшественник) К. Марло, убитый при загадочных обстоятельствах в 1593 г. В этом же году выходит поэма У. Шекспира «Венера и Адонис». Происходит деканонизация фигуры барда под влиянием идей антишекспиризма и теорий заговора, что способствует актуализации жанра детектива в качестве одной из форм рецепции: в тексте есть черты исторической, искусствоведческой и конспирологической разновидностей детективной прозы наряду с базовыми составляющими (расследованием преступления, наличием мотивов загадки, убийства и заговора, присутствием в системе персонажей таких фигур, как преступник и его жертвы, сыщик).

Анализ романов «Бастард г-на Шекспира» канадского писателя Р. Б. Райта, «Гамнет» ирландской романистки М. О'Фаррелл и «Покоренная Британия» американского автора Г. Тертлдава позволяет выявить особенности переосмысления наследия У. Шекспира в рамках историографического дискурса. В первых двух произведениях можно выделить элементы следующих жанровых форм:

- историографического метаромана, для которого характерны переплетение факта и вымысла, наличие историко-биографической основы, многоуровневый хронотоп, интертекстуальная игра, проявление интереса к отдельной личности, существование множества интерпретаций, объединение реальных

⁸Казанцева Г. В. Беллетризованные жизнеописания В. П. Авенариуса в контексте эволюции биографической прозы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. М., 2011. С. 6.

и фикциональных фигур в рамках системы персонажей, обнажение литературных приемов и присутствие героини-писательницы. Метатехники при переосмыслении исторической роли творческой личности используются в романах о драматурге в силу специфики писательской деятельности;

- беллетризованной биографии, которой свойственны синтез факта и вымысла, наличие я-нарратива, исповедальность, психологизм, фрагментарность, многоуровневый хронотоп;

- гиноцентрического романа, для которого типичны присутствие образа самодостаточной женщины в фокусе повествования, описание проблем социального бесправия женщины, отсутствие возможности самореализации в условиях патриархата в силу стереотипов, диалога с героями-мужчинами и детьми, изолированность от социума, наличие замкнутого топоса, женского письма (нелинейность повествования, повторы, эмоциональность, акцент на внутренних переживаниях).

Во второй половине XX в. в американской литературе оформляется как самостоятельный жанр альтернативная история, которую можно назвать относительно новой формой ревизии образа У. Шекспира и его статуса в мировой культуре. Роман «Покоренная Британия» относится к этому жанру в соответствии с такими признаками, как существенное отличие предложенной автором версии событий от общепринятого взгляда на ход истории, наличие точек бифуркации (поворотных моментов) и раскрытие последствий этих поворотных моментов, присутствие в системе персонажей реальных и фикциональных фигур, детальная передача специфики избранного исторического периода, его политических, социально-экономических и культурных особенностей, существование хронологической дистанции между событиями романа и временем его написания, наличие вооруженного конфликта как двигателя сюжета, акцентирование значимости одной или нескольких выдающихся личностей в контексте истории, жанровый синкретизм (используются приемы триллера, шпионского романа, детектива). Мифологизации подвергается и личность жены драматурга. В связи с наличием лакун в биографии барда разрабатываются различные теории относительно его личной жизни, что проявляется в создании фикциональных персонажей. Одной из главных тем становится место женщины в рамках определенной социокультурной ситуации, актуализируется проблема преодоления травматического опыта.

В рамках как исторического, так и биографического дискурсов рецепция жизни и образа У. Шекспира в большинстве случаев сопровождается интертекстуальной игрой с его творчеством, что отсылает к традиционной форме литературной биографии. Среди наиболее часто встречающихся прецедентных текстов необходимо выделить «великие» трагедии («Гамлет», «Отелло», «Макбет», «Король Лир»), иные трагедии («Ромео и Джульетта», «Антоний и Клеопатра»), комедии («Как вам это понравится», «Виндзорские насмешницы», «Двенадцатая ночь, или Что угодно», «Сон в летнюю ночь»), исторические хроники («Ричард III», «Генрих IV», «Генрих V»), ряд произведений современников барда, прежде всего К. Марло («Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста», «Дидона, царица Карфагена», малоизвестная поэма «Геро и Леандр»). Основная форма интертекстуальной игры – прямое и косвенное цитирование (аллюзии и реминисценции). Маркирование прецедентных текстов осуществляется с помощью упоминания авторства, названий пьес и имен действующих лиц, использования деталей оригинальных сюжетов. Среди других интертекстуальных компонентов стоит отметить английские пословицы, отсылки к библейским и мифологическим сюжетам (имена, предметы, детали фабулы). В англофонных литературах XXI в. факты из биографии У. Шекспира, историко-культурный контекст рубежа XVI–XVII вв. и межтекстовые пересечения формируют шекспировский код. Писатели стремятся не только создать целостный образ драматурга и заполнить биографические лакуны, но и отразить атмосферу елизаветинской эпохи, что свидетельствует о равноценном взаимодействии факта и вымысла в рамках фикционализации личности и истории в историко-биографической прозе о классике английской литературы.

В ряде случаев однозначная атрибуция романов об У. Шекспире затруднена или невозможна, так как в тех или иных художественных произведениях может отсутствовать жанровая доминанта в виде исторического или биографического компонентов. В таких ситуациях речь идет о прозе синкретического типа, которая относится к историко-биографическому дискурсу и содержит более-менее равноправные элементы различных кодов. Данный феномен можно рассмотреть на примере романов «Уильям и Сюзанна: тайны семьи Шекспира» австралийской писательницы Л. Е. Пембрук, «Небеса» американской романистки С. Ньюман и «Лондонские сочинители» британского прозаика П. Акройда. Л. Е. Пембрук, которую интересуют национальное прошлое и коллективная память, положение женщины в обществе в исторической перспективе и механизмы человеческих взаимоотношений, вписывает австралийскую литературу в западноевропейский канон и включает ее в постколониальный дискурс, обращаясь к рецепции наследия английского драматурга, мифологизируя его личность и заполняя многочисленные лакуны в частной жизни У. Шекспира, о которой известно гораздо меньше, чем о деловых предприятиях барда. В фокусе внимания писательницы находятся отношения Уильяма с дочерью Сюзанной, в связи с чем

фикциональный компонент, подчеркиваемый с помощью драматизации композиции, в данном случае преобладает над фактологической основой романа, которая включает общеизвестные детали биографии классика и сведения о специфике его социокультурного положения в Англии в эпоху Ренессанса и во времена правления королевы Елизаветы I (1558–1603). В тексте выделяются элементы таких жанров, как семейный роман (автор раскрывает историю трех поколений семьи Шекспир, соблюдает логико-хронологическую последовательность изложения событий), роман воспитания (по мере развития сюжета показываются стадии, предпосылки и условия духовного становления героев, формирования их личности, развития способностей Уильяма к сочинительству и актерскому мастерству), травелог (большое внимание уделяется детальным описаниям иностранных (прежде всего итальянских) реалий и впечатлений персонажей от увиденного, путешествие является основным сюжетообразующим принципом и способом организации повествования, мотив пути (дороги) имеет как прямое, так аллегорическое значение), исторический любовный роман (реализуются несколько концепций любви и межличностного взаимодействия, описывается историко-культурный контекст, в котором развиваются отношения, доминирует мотив сказочности, нереальности происходящего, создаются образы Прекрасной Дамы и идеального страдающего героя). Так, Л. Е. Пембрук придерживается британской традиции в ревизии образа драматурга и мифологизирует его личность в романе «Уильям и Сюзанна: тайны семьи Шекспира».

Американская писательница С. Ньюман в романе «Небеса» создает двухмерный универсум, в котором переплетаются реалии елизаветинской Англии (рубеж XVI–XVII вв., Лондон) и американская действительность начала нового тысячелетия (2000–2001 гг., Нью-Йорк). Главная героиня Кейт периодически попадает в прошлое в теле поэтессы Э. Ланьер, в образе которой знакомится с молодым У. Шекспиром. Автор придерживается исторической теории о том, что придворная дама является прототипом Смуглой леди сонетов (*Dark Lady of the sonnets*). Мотив перемещения во времени как сюжетообразующий компонент и структурно-композиционный прием позволяет отнести названный роман к хронофантастике, или темпоральной фантастике. Следует заметить, что в настоящее время нет единого взгляда на феномен фантастики: она рассматривается исследователями либо как система жанров, мегажанр или сверхжанр (содержательный уровень), либо как художественный метод, прием или мотив (формальный уровень). В данной работе реализуется синкретический жанровый подход к такого рода литературе, так как фантастический элемент является доминантой и затрагивает элементы жанрового кода одновременно на формальном (хронотоп, система персонажей, нарратив, композиция) и содержательном (сюжет, проблемно-тематическое поле) уровнях.

Хронофантастику причисляют к научной или авантюрной (авантюрно-философской) жанровым разновидностям (в соответствии с классификациями, предложенными Е. Ю. Козьминой (фантастический авантюрно-исторический роман) [34; 35] и Ю. С. Коробейниковой [36]). В романе «Небеса» сочетаются характеристики двух типов: 1) фантастический компонент, правдоподобие художественной действительности, рациональная мотивация событий (сны, искажение восприятия из-за психического заболевания), наличие героя-ученого и *Другого* в системе персонажей, установка на потенциальную возможность трансформации реальности в силу временных сдвигов, равноценное взаимодействие факта и вымысла в тексте, прогностический элемент, масштабность социально-философской проблематики; 2) лежащие в основе сюжета путешествия в прошлое, мотив эффекта бабочки, преодоление героями (одиночками, «другими») испытаний и внутренних конфликтов (динамичность персонажей), детальные описания исторической эпохи (локусы как верификаторы достоверности повествования), принятие и перенятие «иных» реалий, восприятие темпоральных перемещений как части реальности.

Кроме того, в романе присутствуют составляющие таких жанров, как альтернативная история (смерть драматурга от чумы в 1593 г. становится точкой бифуркации, в результате чего будущее меняется), детектив (наличие тайн и загадок), любовный роман (сказочные элементы, фокус на отношениях героев). Характерными чертами текста являются многоуровневая организация хронотопа (два временных пласта и ряд выбранных локаций), развитая система персонажей (двойственность образа Кейт (Эмили), соединение вымышленных фигур и реально существовавших исторических личностей), сложность нарратива (в повествование от всеведущего автора вплетаются диалоги, прямая и косвенная речь, авторские ремарки, отступления), интертекстуальные включения (отсылки к Библии и античной литературе, трагедиям («Ричард III», «Ромео и Джульетта», «Король Лир») и проблемной пьесе «Укрощение строптивой» У. Шекспира, сочинениям Р. Грина и Т. Уайетта). В качестве маркеров прецедентных текстов используются имена авторов и действующих лиц, названия произведений, суггестивные детали сюжета. С. Ньюман ремифологизирует личность барда, создавая образ неизвестного и рано умершего поэта, и одновременно утверждает канонический статус наследия классика, оказавшего исключительное влияние на становление западноевропейской литературной традиции.

Французский писатель, критик и литературовед С. Дубровски (Дубровский) в 1977 г. в предисловии к роману «Сын» вводит в употребление термин «автофикция» (*autofiction*), тем самым определив феномен

смешения фикшн и нон-фикшн в биографической литературе постмодернизма (установка на переписывание истории и традиции, сомнения в объективности автобиографии в силу субъективного взгляда на события) и положив начало непрекращающимся спорам о жанровом статусе автофикциональной прозы. В 2011 г. на очередной волне популярности документально-художественной беллетристики в противовес автофикции прозаик и журналист Ф. Вассе предлагает неологизм «экзофикция» для определения корпуса текстов гибридной природы, принадлежащих к историко-биографическому дискурсу и отличающихся очевидным смешением правды и вымысла в содержательном плане. По мнению исследователя, к экзофикции можно отнести любое художественное произведение, в котором автор обращается к рецепции внешнего мира, а не к саморепрезентации, как в случае с автофикцией, и смешивает реальное и вымышленное. Так, необходимо обозначить основные составляющие жанрового кода двух разновидностей, которые в настоящее время выходят за рамки французского литературного процесса и реализуются в других национальных контекстах.

Некоторые подходы к феномену автофикции разбирает Е. М. Болдырева. Она отмечает: «Автофикция, по его [В. Колонны] мнению, играет своим сходством с романом от 1-го лица, который никогда не заявляет о своей фикциональности, поскольку она есть априорное свойство жанра; автофикция же при этом представляется реальной историей, а не воображаемой, фактическим, а не фикциональным рассказом. Более точно было бы сказать, что автофикция – это автобиография, в которой автобиографический пакт искажен референциальными неточностями, которые касаются и событий реальной жизни автора, и нарративного тождества “автор – повествователь – персонаж”, определенного Ф. Леженом в книге “*Le geste autobiographique*”» [23, с. 41]. Исходя из сказанного, можно говорить о таких компонентах жанрового кода автофикции, как создание писателем собственного вымышленного образа; осознанное и очевидное для читателя смешение факта и вымысла, постмодернистская игра; несовпадение категорий автора, нарратора и героя; вывод индивидуального начала на универсальный уровень проблематики; наличие многоуровневого сложного хронотопа; ведение повествования, как правило, от первого лица (однако встречается и модус третьего лица); присутствие экстратекстуальных связей, акцент на авторском присутствии в тексте, на процессе его написания.

Подчеркивая разницу между модификациями, Т. Н. Амирян пишет: «Пытаясь определить особенности экзофикционального жанра, теоретики литературы утверждают, что это новый способ фикционализации биографии известного исторического персонажа, отличающийся от прежних форм художественной или беллетризованной биографии. В отличие от уже известных близких жанровых форм, экзофикция всегда остается в границах художественного романического письма, а сюжетные линии выстроены вокруг реально существующего персонажа, отличного от автора, но не вымышленного» [26, с. 157]. Для экзофикциональной прозы характерны наличие реально существовавшего героя, исторической фигуры, опора на установленные факты и документальные свидетельства, превалирование фикционального компонента над действительным, метатекстуальность, интертекстуальные взаимодействия, реализация категорий личного, национального и универсального в образе той или иной личности, использование я-нарратива и повествования от третьего лица, исповедальные элементы, нетождественность категорий автора, рассказчика и персонажа, создание биографического мифа, фокус на судьбе одного человека, жанровый синкретизм (черты нон-фикшн, автофикции, альтернативной истории, историографического метаромана, детектива, триллера, авантюрного романа, травелога, романа воспитания, семейной биографии), реализация постмодернистских принципов игры, релятивизма и множества истин.

Пример рецепции жизни и творчества У. Шекспира в форме экзофикции – роман «Лондонские сочинители» британского романиста П. Акройда, сюжетным стержнем которого становится реальная история У. Айрленда, известного на рубеже XVIII–XIX вв. фальсификатора рукописей от лица барда. Оригинальное название – «*The lambs of London*» – отсылает к семье литератора Ч. Лэма и его сестры Мэри, авторов детских рассказов-адаптаций на основе шекспировских сюжетов. В эпиграфе писатель подчеркивает, что, хотя история с подделками абсолютно реальна, роман представляет собой художественное произведение, не претендующее на достоверность. Взаимоотношения героев, истории членов семьи Лэм и других персонажей являются вымышленными, следовательно, роман можно атрибутировать как экзофикцию. Более того, сходство образа фальсификатора Уильяма с самим П. Акройдом, известным мистификатором, позволяет говорить о наличии некоторых черт автофикции.

В тексте встречаются самоцитирование и сюжетные параллели с романами «Чаттертон», «Большой лондонский пожар», «Последнее завещание Оскара Уайльда». В качестве прецедентных текстов выступают многочисленные произведения У. Шекспира: трагедии «Гамлет» (в том числе в связи с образом мистера Лэма, отца Чарльза и Мэри, рассудок которого помутился после перенесенного инсульта), «Отелло», «Макбет», «Король Лир», «Ромео и Джульетта», комедии «Как вам это понравится», «Сон в летнюю ночь» (цитируя эту комедию, П. Акройд создает трехмерную театральность, пьесу в пьесе в романе (герои репетируют постановку)), «Много шума из ничего», «Виндзорские насмешницы» и др.,

историческая хроника «Генрих IV». Главная форма интертекстуальной игры, к которой прибегает П. Акройд, – прямое и косвенное цитирование. В романе есть отсылки к библейским и мифологическим сюжетам, всемирной литературе, произведениям английских авторов XVII–XVIII вв. («Энеида» Вергилия, «Дон Кихот» М. де Сервантеса, «Философский словарь» Вольтера, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, рассуждения Чарльза о творчестве Дж. Мильтона, Дж. Драйдена и А. Поупа и т. д.).

Следующим образом характеризует данный жанр Я. С. Гребенчук: «...при определении жанровой разновидности “филологического романа” подчеркивается ее содержательный аспект (выбор в качестве героя творческой личности, наличие разнообразных текстов, вставленных в авторское повествование и имеющих важное значение для раскрытия образов персонажей, постановка собственно филологических и – шире – эстетических проблем, отражение разнообразных литературоведческих теорий). Если говорить о формальном аспекте, то он связан с особой организацией сюжета как расследования тайны, связанной с фигурой героя, перерастающего в постижение его личности, налицо также развитие действия в различных хронологических планах, что позволяет взглянуть на героя и его творчество с высоты временной дистанции»⁹. Так, роман П. Акройда соответствует парадигме филологического романа по ряду признаков: главными героями являются прозаики и поэты, творческие личности, исследователи, для которых характерен внутренний конфликт; автором выступает писатель и литературовед; интертекстуальность представляет собой одну из ключевых составляющих текста (отсылки к реальным и фикциональным произведениям, использование пьесы «Вортигерн» как пасташи из шекспировских претекстов); литературоведческая проблема находится в центре внимания; в произведении присутствует детективный элемент, выполняющий функцию сюжетного стержня; имеет место синтез факта и вымысла.

Кроме того, в романе присутствуют черты историографического романа (*novel about the historicity of history*): постмодернистский взгляд на историю как на текст, интертекстуальная игра, возможность различных интерпретаций известных фактов и общепринятых истин, детальная передача социокультурного контекста эпохи, смешение временных пластов (шекспировский код в романе как проводник другой эпохи и универсальный компонент), фокус на судьбы отдельных индивидов, противопоставление факта и вымысла, художественного мира и истории, наличие «иных», неординарных героев, сосуществование реальных личностей и вымышленных персонажей, присутствие интереса к прошлому. Выбор литераторов в качестве главных героев обуславливает наличие признаков метапрозы в романе «Лондонские сочинители» (тематизация творческого процесса, герой – двойник автора, реализация приема «текст в тексте»). В связи с тем, что британский прозаик обращается к рецепции шекспировского образа и канона посредством переписывания истории У. Айрленда, затрагивает идеи антишекспиризма и актуализирует категорию автора, можно рассматривать объект исследования как пример романов о культурном наследии (*heritage narratives, heritage fiction*) [37]. Таким образом, роман П. Акройда представляет собой экзотификцию, ключевыми составляющими которой являются жанровый синкретизм (автофикция, детектив, историографический метароман, филологический роман), интертекстуальность, синтез факта и вымысла.

Заключение

На основании результатов исследования можно сделать следующие выводы.

1. К основным факторам, способствующим мифологизации личности У. Шекспира, относятся ограниченное количество исторических сведений о драматурге (корпус свидетельств профессионального характера, отсутствие информации о частной жизни), особое положение барда в рамках литературного процесса XVI–XVII вв. (канонический статус), обособленность от литераторов-современников, распространение антистратфордианских идей и конспирологических теорий (главными претендентами на звание «реальных» авторов шекспировских пьес и сонетов являются Ф. Бэкон, К. Марло, Р. Мэннерс и Э. де Вер), существование корпуса работ, посвященных жизни и творчеству классика, количество которых значительно превышает количество документальных первоисточников, влияние постмодернистского мировоззрения на современную культуру (установка на пересмотр истории и традиции), наличие значительной временной дистанции между годами жизни барда, последующими научными открытиями и переосмыслением образа У. Шекспира в искусстве (литературе, кинематографе).

2. Для рецепции наследия У. Шекспира как основы западного литературного канона в англофонных литературах XXI в. (австралийской, американской, английской, ирландской, канадской, шотландской) характерны следующие универсальные компоненты: существование интереса к шекспировскому вопросу и антистратфордианским теориям (в связи с этим детектив становится одной из самых популярных

⁹Гребенчук Я. С. Проблема «филологического романа» в английской литературе («Попугай Флобера» Дж. Барнса, «Чаттертон» П. Акройда, «Одержимость» А. Байетт) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. Воронеж, 2008. С. 19.

жанровых форм), мифологизация и деканонизация фигуры драматурга (субъективизация нарратива, создание психологических портретов), ревизия классических моделей биографического и исторического романов (жанровый синкретизм, использование кодов массовой литературы), взаимодействие компонентов факта и вымысла (фактологическая основа биографий, воспроизведение исторического контекста, наличие реальных и вымышленных персонажей), наличие внимания к семейной жизни барда и личности его жены (фикционализации подвергается не только фигура классика, но и личность Э. Хэтэуэй, что способствует применению элементов гиноцентрической прозы и изменению проблемно-тематического поля произведений), интертекстуальная игра с творчеством У. Шекспира и его современников (главной формой являются прямое и косвенное цитирование), многоуровневость пространственно-временной организации и нарратива в романах.

3. Жанровая ревизия историко-биографической прозы на рубеже XX–XXI вв. под влиянием синтеза этических и эстетических принципов постмодернизма и метамодернизма затрагивает такие уровни поэтики художественного текста, как система персонажей (в произведении присутствуют вымышленные герои наряду с реально существовавшими фигурами, авторы стремятся передать чувства и переживания героев, психологизм и многогранные образы становятся важнее достоверности и хронологической точности), сюжет (авторы фокусируются на специфике отношений героев с окружающими, в центре внимания находятся моральные дилеммы персонажей, которые отражают социальную, политическую и культурную ситуацию эпохи; в текст активно включаются внутренние монологи, сны, исповедальные элементы, что способствует созданию психологических портретов и правдоподобных образов), нарратив (преобладают использование я-нарратива и чередование повествования от первого и третьего лица, часто встречается несколько рассказчиков, автор обращается к модели диалога), хронотоп (он может быть многоуровневым, с перемещением между временными пластами, локусами и нарраторами, что выражается в усложнении структурно-композиционной организации романов), проблемно-тематическое поле (присутствуют феминистские мотивы, акцент делается на межличностных отношениях, пересматривается роль человека в истории, актуализируется вопрос о преодолении травматического опыта).

4. Для биографического дискурса в современных англофонных литературах характерно, прежде всего, обращение к жанру беллетризованной биографии, в основе которой лежат реальные факты, однако в отличие от классического типа жизнеописания присутствует большая доля вымысла. Беллетризованной биографии свойственно слияние черт различных видов жизнеописаний (автобиографии, мемуаров, литературного портрета), вкрапление элементов детектива и гиноцентрической прозы. Одной из наиболее популярных жанровых модификаций в соответствии с родом деятельности У. Шекспира является писательская биография, или биография о писателе.

5. В историографическом дискурсе на первый план выходит историографический роман, написанный с использованием метатехник при переосмыслении роли творческой личности в историческом процессе. В конце XX в. в американской литературе как самостоятельный жанр оформляется альтернативная история, которая становится новой формой рецепции образа У. Шекспира и его статуса в мировой культуре и включает элементы детектива и триллера.

6. Для историко-биографического дискурса в XXI в. характерно обращение к жанру хронофантастики в контексте пересмотра традиционных взглядов на историю и значение канонических персоналий. Новейшей формой реализации биографического мифа в историческом контексте становится экзофикция, основными компонентами кода которой являются жанровый синкретизм (соединение нон-фикшн, автофикции, альтернативной истории, авантюрного романа, детектива, историографического метаромана, любовного романа, триллера, травелога, романа воспитания, семейной хроники, филологического романа), преобладание вымысла над фактом, я-нарратив, наличие реальной личности в качестве главного героя, использование мета- и интертекстуальности.

7. Рецепция наследия У. Шекспира в большинстве случаев сопровождается интертекстуальной игрой с каноном. К наиболее часто встречающимся прецедентным текстам относятся «великие» трагедии («Гамлет», «Отелло», «Макбет», «Король Лир») и иные трагедии («Ромео и Джульетта», «Антоний и Клеопатра»), комедии («Как вам это понравится», «Виндзорские насмешницы», «Двенадцатая ночь, или Что угодно», «Сон в летнюю ночь», «Много шума из ничего»), исторические хроники («Ричард III», «Генрих IV», «Генрих V»), проблемная пьеса «Укрощение строптивой», а также ряд произведений современников барда, прежде всего К. Марло («Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста», «Дидона, царица Карфагена», малоизвестная поэма «Геро и Леандр»). Основной формой межтекстовых взаимодействий являются прямое и косвенное цитирование (аллюзии и реминисценции). В романах встречаются английские пословицы, отсылки к библейским и мифологическим сюжетам, мировой литературе.

8. Помимо интертекстуальных элементов, к которым относятся цитаты, аллюзии и реминисценции, особенности сюжета, специфика системы персонажей и образов, проблемно-тематическое поле прецедентных текстов, шекспировский код содержит детали биографии (биографический миф) и вопрос

об авторстве, историко-культурный контекст елизаветинской эпохи, отличительные черты жанровых моделей (проблематика, конфликт, композиция), прежде всего трагедии, комедии и проблемной пьесы.

Результаты исследования позволяют углубить осмысление специфики современного литературного процесса, систематизировать актуальные формы рецепции наследия и образа У. Шекспира в англоязычных национальных литературах XXI в.

Библиографические ссылки

1. Turtledove H. *Ruled Britannia*. New York: New American Library; 2002. 309 p.
2. Ackroyd P. *The lambs of London*. London: Vintage; 2005. 216 p.
3. Rush C. *Will*. Edinburgh: Polygon; 2014. 496 p.
4. Ayres EC. *A tiger's heart*. Burlington: Speaking Volumes; 2021. 446 p.
5. Wright RB. *Mr. Shakespeare's bastard*. Toronto: Harper Collins; 2010. 342 p.
6. Pembroke LE. *William and Susanna: Shakespeare's family secrets*. Melbourne: Lothian Custom Publishing; 2016. 186 p.
7. Newman S. *The heavens*. New York: Grove Press; 2019. 218 p.
8. O'Farrell M. *Hamnet*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group; 2020. 320 p.
9. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс; 1989. 616 с.
10. Бахтин ММ. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература; 1975. 502 с.
11. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. *Вестник МГУ. Серия: Филология*. 1995;1:97–123.
12. Лотман ЮМ. *Культура и взрыв*. Москва: Гнозис; 1992. 273 с.
13. Лотман ЮМ. *Структура художественного текста*. Москва: Искусство; 1970. 384 с.
14. Комаровская ТЕ. *Творчество Ирвинга Стоуна*. Минск: Издательство БГУ; 1983. 144 с.
15. Комаровская ТЕ. *Исторический роман США XX века*. Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; 2019. 238 с.
16. Hutcheon L. *A poetics of postmodernism: history, theory, fiction*. New York: Routledge; 1992. 288 p.
17. Зелезинская НС. Шекспир: биография с комментариями. *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки*. 2017;2:50–57.
18. Зелезинская НС. О соотношении фактов и вымысла в современных биографиях У. Шекспира. В: Уланович ОИ, редактор. *Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире. Сборник статей по итогам III Международной научно-практической конференции; 26–27 октября 2017 г.; Минск, Беларусь. Часть 1*. Минск: Издательский центр БГУ; 2018. с. 48–53.
19. Зелезинская НС. Новый историзм и шекспироведение сегодня: экскурс в теорию и практику исторически ориентированных биографий У. Шекспира. В: Воробьева ОА, редактор. *Актуальные проблемы гуманитарного образования. Материалы V Международной научно-практической конференции; 18–19 октября 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 447–454.
20. Dolezel L. *Possible worlds of fiction and history: the postmodern stage*. Baltimore: John Hopkins University Press; 2010. 172 p.
21. Осьмухина ОЮ, Махрова ГА. Специфика жанра романа альтернативной истории (на материале отечественной прозы 1990-х–2000-х гг.). *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2013;4(1):50–58.
22. Schneider-Mayerson M. What almost was: the politics of the contemporary alternate history novel. *American Studies*. 2009; 3–4:63–83.
23. Болдырева ЕМ. Дифференциация фактуальных и фикциональных жанров автобиографической литературы конца XX – начала XXI в. *Верхневолжский филологический вестник*. 2018;4:34–44.
24. Борисеева ЕА. «Обещание на рассвете» Романа Гари как автофикция. В: Лапунова ОВ, редактор. *Романия: языковое и культурное наследие – 2019. Материалы I Международной научно-практической конференции; 16 мая 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 138–142.
25. Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction. *Новое литературное обозрение*. 2010;3:12–40.
26. Амирян ТН. Поэтика жанра экзотификции: между фактом и вымыслом. *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2021;3:153–165.
27. Муравьева ЛЕ. Экзотификшн и энактивистские нарративы в современной французской литературе. *Studia Litterarum*. 2022;3:30–51.
28. Ивлиева ПД. Три портрета в контексте гиноцентрического романа (И. Бахман, И. Моргнер, К. Вольф). *Российский гуманитарный журнал*. 2013;2(2):186–194.
29. Блум Х. Шекспир как центр канона. *Иностранная литература*. 1998;12:194–213.
30. Sturges KC. *Shakespeare and the American nation*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. 234 p.
31. Shapiro J. *Shakespeare in a divided America: what his plays tell us about our past and future*. New York: Penguin Press; 2020. 320 p.
32. Singh JG. *Colonial narratives/cultural dialogues: «discoveries» of India in the language of colonialism*. London: Routledge; 2005. 174 p.
33. Хамидуллина ГЛ, Шанина ЮА. Понятие биографического мифа в отечественном литературоведении. *Вестник Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы*. 2022;1–2:75–78.
34. Козьмина ЕЮ. Инвариант фантастического авантюрно-исторического романа. *Новый филологический вестник*. 2015; 2:24–43.
35. Козьмина ЕЮ. Фантастика начала XX века в жанровом освещении. *Научный диалог*. 2017;6:148–157.
36. Коробейникова ЮС. О фантастике и фантастической литературе. *Мир науки, культуры, образования*. 2022;6:507–509.
37. Childs P. History and heritage: the English novel's persistent historiographical turn. In: Caserio RL, Hawes C, editors. *The Cambridge history of the English novel*. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. p. 840–855. DOI: 10.1017/cho19780521194952.054.

Статья поступила в редакцию 27.05.2025.
Received by editorial board 27.05.2025.

ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ «КОНИССКОВЕДЕНИЯ» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С. Э. СОМОВ¹⁾

¹⁾Духовно-просветительский центр им. святителя Георгия Конисского,
ул. Архиерейский Вал Конисского, 3, 212030, г. Могилёв, Беларусь

Аннотация. Анализируются основные направления современной исследовательской практики в отношении жизни, деятельности и творчества на восточнославянских, прежде всего на белорусских, землях Георгия Конисского – архиепископа Могилёвского и Белорусского, одного из выдающихся деятелей эпохи Просвещения. Отмечается, что интерес современных светских и церковных ученых обращен в большей степени к исторической роли святителя Георгия в отстаивании прав православных христиан Речи Посполитой на свободное вероисповедание во второй половине XVIII в., а также в возможности возвращения белорусских униатов в православие. Указывается, что с филологической точки зрения текстовое наследие Георгия Конисского остается малоизученным в связи с труднодоступностью текстов, являющихся библиографической редкостью. Отдельные исследователи изучают языковой состав произведений архиепископа, включающих, помимо общерусской лексики, элементы украинского, польского и белорусского языков.

Ключевые слова: Георгий Конисский; просветитель; православие; историография; филология; философия; богословие; литературоведение.

ВЕКТАРЫ ДАСЛЕДЧАЙ ПРАКТЫКІ Ў ВОБЛАСЦІ «КАНІСКАЗНАЎСТВА» НА СУЧАСНЫМ ЭТАПЕ

С. Э. СОМАЎ^{1*}

^{1*}Духоўна-асветніцкі цэнтр імя свяціцеля Георгія Каніскага,
бул. Архірэйскай Вал Каніскага, 3, 212030, г. Магілёў, Беларусь

Анатацыя. Аналізуюцца асноўныя напрамкі сучаснай даследчай практыкі ў адносінах да жыцця, дзейнасці і творчасці на ўсходнеславянскіх, перш за ўсё на беларускіх, землях Георгія Каніскага – архіепіскапа Магілёўскага і Беларускага, аднаго з выдатных дзеячаў эпохі асветы. Адзначаецца, што цікавасць сучасных светскіх і царкоўных вучоных звернута ў большай ступені да гістарычнай ролі свяціцеля ў адстойванні праў праваслаўных хрысціян Рэчы Паспалітай на свабоднае веравызнанне ў другой палове XVIII ст., а таксама ў магчымасці вяртання беларускіх уніятаў у праваслаўе. Указваецца, што з філалагічнага пункту гледжання тэкставая спадчына Георгія Каніскага застаецца малавывучанай у сувязі з цяжкадаступнасцю тэкстаў, якія з’яўляюцца бібліяграфічнай рэдкасцю. Асобныя даследчыкі вывучаюць моўны склад твораў архіепіскапа, якія ўключаюць, акрамя агульнарускай лексікі, элементы ўкраінскай, польскай і беларускай моў.

Ключавыя словы: Георгій Каніскі; асветнік; праваслаўе; гістарыяграфія; філалогія; філасофія; багаслоўе; літаратуразнаўства.

Образец цитирования:

Сомов СЭ. Векторы исследовательской практики в области «кониссковедения» на современном этапе. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2025; 3:28–33.
EDN: FSRNTG

For citation:

Somov SE. Vectors of research practice in the field of «konis-skovedenie» at the present stage. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2025;3:28–33. Russian.
EDN: FSRNTG

Автор:

Сергей Эдуардович Сомов – кандидат филологических наук, доцент; директор.

Author:

Sergey E. Somov, PhD (philology), docent; director.
somov72@mail.ru

VECTORS OF RESEARCH PRACTICE IN THE FIELD OF «KONISSKOVEDENIE» AT THE PRESENT STAGE

S. E. SOMOV^a

^a*Spiritual and Educational Centre named after St. Georgy Konissky,
3 Arhirejski Val Kaniskaga Street, Magiliow 212030, Belarus*

Abstract. The main directions of modern research practice concerning the life, activities and creativity in the East Slavic, primarily Belarusian, lands of Georgy Konissky, Archbishop of Mogilev and Belarus, one of the outstanding figures of the Enlightenment era, are analysed. It is noted that the interest of modern secular and ecclesiastical scientists is largely focused on the historical role of Saint Georgy in defending the rights of Orthodox Christians of the Polish-Lithuanian Commonwealth to freedom of worship in the second half of the 18th century, as well as in the possibility of the return of Belarusian Uniates to Orthodoxy. It is pointed out that, from a philological perspective, the textual heritage of Georgy Konissky remains little studied due to the inaccessibility of texts, which are bibliographical rarities. Some researchers examine the linguistic composition of the Archbishop's works, which include, alongside common Russian vocabulary, elements of Ukrainian, Belarusian and Polish languages.

Keywords: Georgy Konissky; educator; Orthodoxy; historiography; philology; philosophy; theology; literary criticism.

Введение

Православный просветитель Георгий Конисский (в миру Григорий Осипович Конисский) большую часть своей активной деятельности провел на территории Беларуси в должности архиепископа Могилёвского и Белорусского (1717–1795). Он представляется выдающейся личностью эпохи Просвещения, проявившей себя в разнообразных научных и творческих устремлениях. Святитель Георгий, подобно многим деятелям XVIII в., был выраженным гуманитарием. Он получил хорошее для своего времени образование в Киево-Могиланской академии, владел восемью современными и древними языками, был профессором кафедр красноречия, философии и богословия, создал масштабные труды в этих направлениях, руководил академией как ректор, а также написал ряд историографических, юридических и литературно-художественных произведений в разных жанрах (школьная драма, элегия, слово, речь и др.). В связи с этим обширное текстовое наследие просветителя представляло и представляет интерес для специалистов в различных областях научного знания.

В XIX в. о Георгии Конисском говорили прежде всего как об ораторе эпохи Просвещения, выдающемся церковном проповеднике. В XX в. в связи с сугубо религиозной деятельностью архиепископа о нем практически не было упоминаний, за исключением посвященных святителю кратких статей в энциклопедиях, серьезных работ по философии [1] и церковной историографии [2]. Период с конца XX по начало XXI в. ознаменовался ростом научного интереса к личности и трудам Георгия Конисского. Частично на эту ситуацию повлияло его прославление в лике святых сначала Белорусской православной церковью как местночтимого святого (1993), а затем Русской православной церковью как общепочитаемого святого (2017) в связи с 300-летием со дня рождения архиепископа. С конца 1990-х гг. пробудился интерес к духовно-религиозной стороне отечественной философии, истории и литературы, который уже не ограничивался категорическими рамками советской атеистической идеологии. В научный обиход вернулись десятки имен религиозных философов, писателей, церковных и общественных деятелей, среди которых было и имя Георгия Конисского.

Материалы и методы исследования

В качестве материалов исследования выступили публикации специалистов в различных областях гуманитарного знания (философия, историография, юриспруденция, лингвистика, литературоведение, богословие), написанные в конце XX – начале XXI в. и посвященные жизни, деятельности и творческому наследию Георгия Конисского. Основными методами при выполнении работы стали метод историко-литературоведческого анализа, метод научного описания и сравнительно-сопоставительный метод. Теоретическую базу исследования составили труды А. Н. Веселовского, Б. В. Томашевского и М. М. Бахтина, описывавших функциональную природу тропики художественной литературы, философские подходы к изучению произведений литературы с религиозным содержанием.

Результаты и их обсуждение

Энциклопедичный характер деятельности Георгия Конисского обусловил многовекторное исследование его творчества и места в истории. Одним из современных направлений развития научного знания является светская и церковная историография. Его представителям свойственно очевидное стремление к непредвзятому описанию и оценке роли архиепископа Георгия в сложных межконфессиональных, межгосударственных и просветительских процессах второй половины XVIII в., происходивших на территории Украины, Российской империи и Речи Посполитой. Среди таких исследователей можно назвать В. Часовникова [3], Г. А. Алексейченко [4], И. Н. Грабовскую [5], Ю. А. Лабынцева [6], А. И. Лойко [7], В. Наумчика [8], Н. Синенького [9], Я. И. Фощана [10] и др. Отсутствие на современном этапе выраженного идеологического давления, которое наблюдалось в советский период в связи с доминированием атеистической идеологии, дает возможность наиболее адекватно оценить деятельность архиепископа Георгия не только в сфере религиозного просветительства, но и во взаимоотношениях церкви и государства в названный исторический период.

Ученые, занимающиеся исследованием церковной историографии, стремятся комплексно и детально изучить деятельность Георгия Конисского в период бурно развивавшихся межконфессиональных отношений. Поскольку речь идет о действиях официально прославленного церковью и почитаемого многими верующими святителя, их внимание сосредоточено на исторической роли архиепископа Георгия в защите свободы совести в Речи Посполитой, а именно на его борьбе за права польских религиозных диссидентов, к которым, помимо православных, относились протестанты, а также на воссоединении униатов с православной церковью. С религиозной точки зрения данная деятельность Георгия Конисского является очевидным исповедничеством, поскольку он твердо стоял за свою православную веру во времена тяжелых гонений, связанных с опасностью для жизни (имеются в виду покушения на жизнь святителя и изгнание в 1768–1772 гг. в Смоленск). Среди публикаций, посвященных церковной истории, выделяются работы Г. Е. Колыванова [11], В. Н. Дышиневиц, В. А. Тепловой и С. Э. Сомова¹, А. А. Романчука [12], Н. Ю. Суховой [13], а также концептуальные по своему характеру исследования заведующего кафедрой церковной истории и церковно-исторических дисциплин Минской духовной академии профессора В. А. Тепловой [14–17].

Ряд ученых определяют духовно-религиозный потенциал художественных и художественно-публицистических произведений архиепископа Георгия. Среди них присутствуют как светские, так и церковные деятели: П. Ивашкевич [18], Р. С. Масловский [19], А. Миронович [20]. Многоаспектно оценить содержание текстового наследия Георгия Конисского стремится доцент кафедры философии и культурологии Национального университета «Черниговский колледжиум» имени Т. Г. Шевченко доктор философских наук А. В. Царенок. Исследователь анализирует догматические и философские смыслы произведений святителя, в частности его драматургии [21; 22].

Для литературоведческих изысканий историографические работы интересны тем, что они являются базой для более точного определения обстоятельств появления литературных трудов Георгия Конисского. Его произведения связаны с различными этапами бурной подвижнической жизни: учебой и служением в Киеве, 40-летним служением в Могилёве, встречами с представителями высшей власти в Москве, Петербурге и Варшаве, вынужденным изгнанием в Смоленск и т. д.

Современные исследователи, за исключением автора данной статьи, почти не пишут о Георгии Конисском в историко-литературном отношении. Это обстоятельство объясняется, с одной стороны, труднодоступностью публикаций его произведений, которые являются большой библиографической редкостью, поскольку относятся к XIX в., а с другой – историческим статусом архиепископа Георгия, который соотносится в современном научном сообществе не столько с историей литературы, сколько с историей православной церкви и религиозной философии. Тем не менее за последние годы появилось несколько интересных филологических работ белорусских ученых, которые обратили внимание на синкретическую структуру языка произведений святителя. Он состоит из нескольких пластов лексики, а именно из украинизмов, свойственных просветителю по происхождению; полонизмов, отразившихся в его произведениях в связи с официальными контактами и перепиской в Речи Посполитой; белорусизмов, вошедших в творчество архиепископа в период 40-летнего служения на Могилёвской архиерейской кафедре. К таким работам относятся публикации И. В. Саверченко [23], И. И. Короткевич [24] и Т. А. Кожуриной [25]. Библиографические особенности текстового наследия Георгия Конисского в контексте книгоиздательского процесса эпохи Просвещения изучают Л. Л. Щавинская [26] и Н. И. Романова [27; 28].

¹Дышиневиц В. Н., Теплова В. А., Сомов С. Э. Георгий (Конисский Григорий Осипович) // Православ. энцикл. : в 74 т. Т. 10. Второзаконие: Георгий. М. : Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2005. С. 662–664.

Для литературоведческого анализа творчества архиепископа Георгия важны историко-биографические исследования, которые создают фактологическую базу для описания и характеристики обстоятельств появления отдельных произведений, связанных с судьбой автора и общественно-политическими событиями времени, в котором он жил. Выявленные философские и богословские особенности наследия Георгия Конисского могут быть использованы для характеристики мировоззренческих основ литературного творчества просветителя, этапов эволюции его убеждений. Однако ближе всего к задачам литературоведческого характера стоит исследование языка художественных и художественно-публицистических текстов автора. По этой причине для развития научных представлений о святителе Георгии как писателе наиболее интересны немногочисленные работы профессиональных лингвистов. Среди них выделяются доценты И. И. Короткевич и Т. А. Кожурина, которые в 2018–2020 гг. исследовали языковые особенности произведений белорусского просветителя.

Т. А. Кожурина сосредоточена на языковом выражении религиозной картины мира в творчестве Георгия Конисского [25]. И. И. Короткевич исследует белорусский элемент в языке его литературно-публицистических произведений – храмовых слов и речей, что представляется весьма важным, поскольку именно с белорусским Поднепровьем связано 40-летнее служение святителя на Могилёвской архиерейской кафедре [24]. Продолжая деятельность И. Плаксина – одного из первых исследователей ораторского наследия Георгия Конисского, И. И. Короткевич обращает внимание на языковую двойственность текстов просветителя, выражающуюся в разных способах оформления мыслей при обращении к различным слоям населения – образованным аристократам (монархам) и необразованным простолюдинам. Действительно, словам и речам архиепископа, обращенным к российской императрице Екатерине II или королю польскому Станиславу Августу Понятовскому, свойственны высокий слог и книжная лексика, тогда как проповедям для широких слоев местного населения просветитель придает сниженный стиль, допускающий употребление просторечий и даже грубых выражений. Это обстоятельство характеризует Георгия Конисского как грамотного оратора, верно оценивающего конкретную коммуникативную ситуацию для достижения максимального мировоззренческого и эмоционального эффекта от речи.

И. И. Короткевич делает важный вывод о языковой и стилевой разности в произведениях святителя: «Такая дваістасць стала прычынай таго, што царкоўнаславянская мова пропаведзяў утрымлівае пэўныя рэгіянальныя (дакладней, паўночна-ўсходнія і агульнабеларускія) элементы. Архіепіскап Георгій (Каніскі)... паходзіў з Чарнігаўшчыны, рэлігійную асвету таксама атрымаў на ўкраінскай тэрыторыі, свае пропаведзі складаў царкоўнаславянскай мовай, аднак гады жыцця на Магілёўшчыне не маглі не пакінуць адбітак на яго публічным маўленні. Беларускія рэгіянальныя рысы на розных узроўнях пранікалі ў яго пропаведзі. Гэта сведчыць, на нашу думку, пра адкрытасць канфесійнага і свецкага пісьма адносна беларускай гаворкі, неабмежаванасць гэтай гаворкі толькі сялянскім побытам.

Натуральна, што ўспрыманне Георгіем Каніскім беларускай гаворкі адбывалася паступова і з рознай частотнасцю на розных моўных узроўнях» [24, с. 399–400].

Ученый прослеживает проявления регионального белорусского компонента на морфологическом, грамматическом и лексическом уровнях языка ораторской прозы Георгия Конисского и приводит большое количество конкретных примеров из его слов разных годов. И. И. Короткевич отмечает: «...найбольш паказальнай у адносінах да насычанасці прамой Георгія Каніскага мясцовымі моўнымі элементамі з'яўляецца, безумоўна, значная колькасць лексічных беларусізмаў. На пачатку дзейнасці Георгія Каніскага на тэрыторыі Беларусі ў яго прамовах беларусізмы сустракаліся адзінкава: *година* 'гадзіна' (*Пробъѣжать вѣки цѣлые, какъ години*, с. 60; *даже въ одномъ днѣ томъ хотя одну годину*, с. 65) – 1755 год; *куница* 'жалезны ланцуг з ашыйнікам' (*закована бывши при костелѣ, в кунцуу*, с. 91) – 1767 год.

Адносна слова *куница* маецца спасылка з тлумачэннем у самой кнізе (*жельзная цёпъ съ ошейникомъ*, с. 91). Выдаўцы палічылі за неабходнае семантызаваць гэтую этнаграфічную лексему для больш поўнага разумення тэксту. Гэтае ж слова маецца і ў згаданым слоўніку І. І. Насовіча з пашыраным тлумачэннем як беларускай адметнай з’явы: “Куница. 1) Платеж помѣщику за дѣвицу, выдаваему въ замужество, а особливо въ чужое имѣніе. Въ древности куницы, или куньи шкурки, употреблялись вмѣсто денегъ. *Заплаци куницу, дакъ и возмешь дѣвку*. 2) Кандалы. Въ старину при каждой церкви находилась прикованная къ стѣнѣ, близь входа, желѣзная цѣпь съ таковымъ же наручникомъ, или наножникомъ, или ошейникомъ, называвшаяся куницею, которую надѣвали на явныхъ грѣшниковъ, присужденныхъ къ публичному покаянiю. Даже въ началѣ XIX столетiя видны были еще въ древнихъ бѣлорусскихъ православныхъ церквахъ такъ называемыя куницы, наводившія страхъ на простолюдиновъ. Нынѣ нигдѣ нѣтъ куницъ; но слово это еще живеть въ говорѣ простолюдиновъ какъ историческое. *Гетакихъ бывало въ куницу саживали и били веревкою отъ звону*”» [24, с. 400–401].

Исследователь указывает, что с течением времени количество белорусизмов в проповедях Георгия Конисского нарастало, его произведения все более насыщались белорусскими элементами, причем

не только языковыми, но и этнографическими, в частности обрядовыми, элементами, о которых архиепископ не раз упоминал в своих выступлениях с Могилёвской архиерейской кафедры. За этими языковыми явлениями И. И. Короткевич справедливо усматривает более глубокое проникновение высокообразованного просветителя в культуру и литературу народа, которому он был призван самоотверженно служить долгое время: «Ягоная цікаўнасць да этнаграфіі краю спалучалася са знаёмствам з рознастылёвымі пісьмовымі тэкстамі на мове гэтага краю, з якімі ён мог мець справу за гады свайго пастырскага служэння. І паколькі такія тэксты неабходныя яму былі для штодзённага выкарыстання, для складання пранікнёных прамоў да прыхаджан, то, хутчэй за ўсё, яны былі складзены таксама пісьменнымі адукаванымі людзьмі ў гэтыя ж гады (хаця, магчыма, страчаны пазней). Гэтае меркаванне дапускае сумнеў у існаванні перарыву ў гісторыі беларускай літаратурнай мовы або, прынамсі, мінімізуе яго» [24, с. 402].

Приведенные выше выводы современных лингвистов позволяют осуществить более глубокий литературоведческий анализ текстового наследия Георгия Конисского. Его проведение возможно не только с точки зрения использования просветителем инструментального аппарата классической риторики или литературной тропики, создания оригинального авторского стиля, но и с культурологической точки зрения, выявляющей серьезное проникновение писателя в особенности культуры украинского, русского, польского и белорусского народов, в среде которых он жил, учился, трудился, а потому, будучи мыслящей личностью и христианским подвижником, не мог оставаться к ним безучастным.

Заключение

В настоящее время из нескольких ведущих исследовательских направлений в области «конисковедения» историко-биографическое направление, предполагающее изучение жизни и деятельности Георгия Конисского, разработано наиболее полно. Вместе с тем большая часть его эпистолярного наследия (письма, донесения и рапорты в Синод Русской православной церкви и министерские коллегии) требует анализа. В этих документах присутствует объемная фактография биографии архиепископа Георгия и конфессиональной истории белорусского православия в 1755–1795 гг. С филологической точки зрения пристального внимания требуют художественные и художественно-публицистические произведения Георгия Конисского, созданные им в жанрах школьной драмы, интерлюдии, элегии, псалма, надписи, эпитафии, слова, речи и др. Они интересны не только в содержательном, но и в языковом отношении, поскольку просветитель Георгий в процессе своей научной и пастырской деятельности усваивал лексику и стилистику нескольких родственных, в частности русского, польского и белорусского, языков, что обогатило его творчество в художественно-стилистическом отношении, придало ему неповторимые черты.

Библиографические ссылки

1. Кашуба МВ. *Георгий Конисский*. Москва: Мысль; 1979. 173 с.
2. Буглаков МИ. *Преподобный Георгий Конисский, архиепископ Могилёвский: курсовое сочинение студента Ленинградской духовной академии священника Михаила Буглакова*. Минск: Минский Свято-Духов кафедральный собор; 2000. 653 с.
3. Часовников В. Пастырь православной Белоруссии. *Наши современники*. 2007;12:256–260.
4. Алексейченко ГА. На ниве духовного служения и просвещения: Г. Конисский и И. Григорович. В: Мезга НН, редактор. *Православие: история и современность. Сборник научных статей*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины; 2017. с. 44–50.
5. Грабовская ИН. Деятельность епископа Г. Конисского в контексте духовно-религиозной и политической жизни могилёвской общины XVIII ст. У: Баццокоў МА, Пушкін ІА, укладальнікі. *Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. Зборнік навуковых прац удзельнікаў X Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 25–26 мая 2017 г.; Магілёў, Беларусь*. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання; 2017. с. 257–260.
6. Лабынцев ЮА. Белорусское актовое собрание архиепископа Георгия Конисского. *Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем*. 2016;1:96–104. EDN: ZUIMPJ.
7. Лойко АИ. Георгий Конисский и Александр Дембовецкий: преемственность духовной деятельности. В: Шейбак ВВ, Изергина ЕН, Кнурева ЯС, составители. *Жизнь и творческое наследие А. С. Дембовецкого: к 180-летию со дня рождения. Материалы Международной научно-практической конференции; 13 марта 2020 г.; Могилёв, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2021. с. 64–66.
8. Наумчик В. Подготовка и образовательный уровень преподавательского состава Могилёвской духовной семинарии времен святителя Георгия (Конисского). В: Акимов С, Слесарев АВ, редакторы. *Церковная наука в начале третьего тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции; 2 ноября 2016 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Издательство Минской духовной академии; 2017. с. 282–290.
9. Синенький Н. Архиепископ Георгий Конисский как религиозный, политический и культурный деятель. В: Кириенко ВВ, Елизаров СА, Михайлов МИ, Сычёва НВ, Карчевская ЕН, Капубо СП и др., редакторы. *Беларусь в современном мире. Материалы XV Международной научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых; 19–20 мая 2022 г.; Гомель, Беларусь*. Гомель: Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого; 2022. с. 33–36. EDN: ISGBUP.

10. Фощан ЯИ. Архиепископ Могилёвский Георгий Конисский и межконфессиональные отношения на землях Беларуси второй половины XVIII столетия. У: Бацюкоў АМ, Пушкін ІА, укладальнікі. *Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. Зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 25–26 чэрвеня 2015 г.; Магілёў, Беларусь. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання; 2015. с. 369–374.*
11. Колыванов ГЕ. Святитель Георгий (Конисский) и его время. *Угрешский вестник*. 2007;4–5:160–172.
12. Романчук АА. Деятельность святителя Георгия (Конисского) по воссоединению униатов в контексте конфессиональной политики императрицы Екатерины II. В: Коваленя АА, редактор. *Государство, общество и Церковь в истории Беларуси: к 500-летию издания Франциском Скориной печатной Библии и 300-летию со дня рождения святителя Георгия Конисского, архиепископа Могилёвского. Материалы Международной научно-практической конференции; 12–13 октября 2017 г.; Минск – Жировичи, Беларусь*. Минск: Издательство Минской духовной академии; 2018. с. 59–63.
13. Сухова НЮ. Роль епархиальных архиереев в подготовке пастырей: преосвященные Георгий (Конисский) и Парфений (Сопковский). В: Коваленя АА, редактор. *Государство, общество и Церковь в истории Беларуси: к 500-летию издания Франциском Скориной печатной Библии и 300-летию со дня рождения святителя Георгия Конисского, архиепископа Могилёвского. Международная научно-практическая конференция; 12–13 октября 2017 г.; Минск – Жировичи, Беларусь*. Минск: Издательство Минской духовной академии; 2018. с. 7–10.
14. Теплова ВА. Архиепископ Могилёвский Георгий Конисский – историк. *Научные труды Республиканского института высшей школы*. 2011;11(часть 1):253–258.
15. Теплова ВА. История православия в трудах архиепископа Могилёвского Георгия Конисского. *Ведомости Минской митрополии*. 2017;9:50–53.
16. Теплова ВА. Пастырь добрый, строгий и милосердный. *Ступени*. 2017;3:21–24.
17. Теплова ВА. Пастырь добрый, строгий и милосердный. *Ступени*. 2017;4:44–47.
18. Ивашкевич П. Книга «Слова и речи» святителя Георгия (Конисского) 1861 г. издания: информационный потенциал. В: Тупеко В, редактор. *1030-летие православной церкви в Беларуси: история и современность. Сборник статей участников Международной научной конференции; 9 июня 2022 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Издательство Минской духовной академии; 2023. с. 251–259.
19. Масловский РС. Святитель Георгий Конисский, архиепископ Могилёвский. В: Сыманович ТН, Гавриловец ЛВ, Брель ОГ, редакторы. *Нравственные ценности и будущее человечества. Материалы IV Туровских епархиальных образовательных чтений; 27 октября 2017 г.; Мозырь – Калинковичи, Беларусь*. Мозырь: Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина; 2018. с. 100–102.
20. Миронович А. Значение образования в посланиях владыки Георгия (Конисского). В: Вабищевич АН, редактор. *Религиозно-нравственное воспитание детей дошкольного и школьного возраста. Сборник материалов региональной научной конференции; 24 ноября 2017 г.; Брест, Беларусь*. Брест: Брестский государственный университет; 2018. с. 73–94.
21. Царенок АВ. Догматичні сэнс драмы святителя Георгія (Коніскага) «Вокресіння мёртвых». *Філасофскі абрії*. 2021; 45:79–95. DOI: 10.33989/2075-1443.2021.45.243034.
22. Царенок А. Драма святителя Георгия (Конисского) «Воскресение мертвых»: связь с евангельскими притчами. *Вестник Харьковской духовной семинарии*. 2020;11:27–34.
23. Саверчанка ІВ. Спадчына Георгія Каніскага ў лёсе ўсходніх славян. В: Коваленя АА, редактор. *Государство, общество и Церковь в истории Беларуси: к 500-летию издания Франциском Скориной печатной Библии и 300-летию со дня рождения святителя Георгия Конисского, архиепископа Могилёвского. Международная научно-практическая конференция; 12–13 октября 2017 г.; Минск – Жировичи, Беларусь*. Минск: Издательство Минской духовной академии; 2018. с. 3–6.
24. Караткевіч П. Рэгіянальныя асаблівасці ў моўным афармленні публіцыстыкі св. Георгія (Каніскага). У: Лакотка АІ, Арловіч ВА, Баразна МР, Бондар ЮП, Гусакоў УР, Дулава КМ і др., рэдактары. *Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў. Зборнік навуковых артыкулаў Міжнароднага навуковага кангрэса; 10 верасня 2020 г.; Мінск, Беларусь. Выпуск 3. Мінск: Права і эканоміка; 2022. с. 399–402.*
25. Кожурина ТА. Языковая картина мира Георгия Конисского. *Государство, общество и Церковь в истории Беларуси: к 500-летию издания Франциском Скориной печатной Библии и 300-летию со дня рождения святителя Георгия Конисского, архиепископа Могилёвского. Международная научно-практическая конференция; 12–13 октября 2017 г.; Минск – Жировичи, Беларусь*. Минск: Издательство Минской духовной академии; 2018. с. 63–67.
26. Щавинская ЛЛ. Начало издательской деятельности архиепископа Георгия Конисского в Белоруссии. *Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем*. 2016;1:105–111. EDN: ZUIMPT.
27. Романова НИ. Памятники книжной культуры из библиотеки преосвященного Георгия Конисского (по фондам НББ). У: Дзем’яновіч ТА, Доўнар ЛЛ, Самайлюк ТА, укладальнікі. *Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры. Зборнік навуковых артыкулаў Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 7–8 лютага 2006 г.; Мінск, Беларусь. Частка 1. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў; 2006. с. 88–93.*
28. Романова НИ. Судьба библиотеки преосвященного Георгия Конисского (по материалам Национальной библиотеки Беларуси). У: Рошчына ТІ, укладальнік. *Рэха беларускіх кнігазбораў: лёсы прыватных бібліятэк. Зборнік артыкулаў. Суша АА, рэдактар. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі; 2018. с. 86–95.*

Статья поступила в редколлегию 07.10.2025.
Received by editorial board 07.10.2025.

«ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛЬНОГО» КАК ФАКТОР ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.

Д. Л. БАШКИРОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается проблема литературно-эстетической системы в рамках развития русской литературы XIX в. – реализма. Большинство вопросов, связанных с реализмом, группируются вокруг монологической природы европоцентрической модели развития культуры, которая лежит в основе изучения и понимания художественных явлений, что противоречит сущности уникального духовного феномена – восточнославянской письменности. Предлагается новый взгляд на эту проблему, суть которого отражает понятие «воплощение идеального». На формирование художественно-эстетических принципов русской литературы повлияли возникшие внутри просветительской деятельности Кирилла и Мефодия («перевод») движение смыслов и поток сгущенных связей, которые на восточнославянской почве образовали письменность, представлявшую собой «ядро». Совокупность динамических проявлений «ядра» в культурно-историческом окружении создало архитектуру ценностно-эстетических отношений – «воплощение идеального».

Ключевые слова: письменность; «ядро»; реализм; смысл; литературное направление; «перевод»; «воплощение идеального».

«УВАСАБЛЕННЕ ІДЭАЛЬНАГА» ЯК ФАКТАР МАСТАЦКА-ЭСТЭТЫЧНАГА РАЗВІЦЦА РУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ XIX ст.

Д. Л. БАШКІРАЎ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналіз. Разглядаецца праблема літаратурна-эстэтычнай сістэмы ў рамках развіцця рускай літаратуры XIX ст. – рэалізму. Большасць пытанняў, звязаных з рэалізмам, групуюцца вакол маналагічнай прыроды еўрапацэнтрычнай мадэлі развіцця культуры, якая ляжыць у аснове вывучэння і разумення мастацкіх з’яў, што супярэчыць сутнасці ўнікальнага духоўнага феномена – усходнеславянскай пісьменнасці. Прапануецца новы погляд на гэту праблему, сутнасць якога адлюстроўвае паняцце «ўвасабленне ідэальнага». На фарміраванне мастацка-эстэтычных прынцыпаў рускай літаратуры паўплывалі рух сэнсаў і плынь згушчаных сувязей, якія ўзніклі ўнутры асветніцкай дзейнасці Кірыла і Мяфодзія («пераклад») і ўтварылі на ўсходнеславянскай глебе пісьменнасць, што з’яўлялася «ядром». Сукупнасць дынамічных праяў «ядра» ў культурна-гістарычным асяроддзі стварыла архітэктоніку каштоўнасна-эстэтычных адносін – «ўвасабленне ідэальнага».

Ключавыя словы: пісьменнасць; «ядро»; рэалізм; сэнс; літаратурны напрамак; «пераклад»; «ўвасабленне ідэальнага».

Образец цитирования:

Башкиров Д.Л. «Воплощение идеального» как фактор художественно-эстетического развития русской литературы XIX в. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2025;3:34–44.
EDN: BUXVIF

For citation:

Bashkirau DL. «Embodiment of the ideal» as a factor in the artistic and aesthetic development of Russian literature of the 19th century. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2025; 3:34–44. Russian.
EDN: BUXVIF

Автор:

Дмитрий Леонидович Башкиров – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской литературы филологического факультета.

Author:

Dzmitry L. Bashkirau, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Russian literature, faculty of philology.
bashkirou_dl@mail.ru

«EMBODIMENT OF THE IDEAL» AS A FACTOR IN THE ARTISTIC AND AESTHETIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN LITERATURE OF THE 19th CENTURY

D. L. BASHKIRAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The issue of the literary and aesthetic system within the development of Russian literature of the 19th century (realism) is examined. Most questions related to realism revolve around the monological nature of the Eurocentric model of cultural development, which underpins the study and understanding of artistic phenomena, contradicting the essence of the unique spiritual phenomenon – East Slavic literacy. A new perspective on this problem, the essence of which reflects the concept of the «embodiment of the ideal», is proposed. The formation of the artistic and aesthetic principles of Russian literature was influenced by the movement of meanings and the flow of condensed connections that arose within the enlightening activities of Cyril and Methodius («translation»), which on East Slavic soil formed a literacy that represented the «core». The totality of the dynamic manifestations of the «core» in the cultural and historical environment created the architectonics of value-aesthetic relations – the «embodiment of the ideal».

Keywords: writing; «core»; realism; meaning; literary trend; «translation»; «embodiment of the ideal».

Введение

Важной составляющей понятия «реализм» представляется завершение синхронизации русской литературы с европейской культурой. Реализм, усвоивший в готовом, результативном виде структурность и системность восприятия литературных явлений, определяет модальность долженствования. Он должен был появиться как звено причинно-следственных связей. Устремленность русской классики «за пределы этой реальности» [1, с. 27] – следствие наличия родовой черты реалистической концепции, в рамках которой мир и человек воспринимаются в закономерностях развития. Русская литература, воспринимая их в полноте, приводит закономерности к перенапряжению, пороковому состоянию, апофатическому художественному итогу.

Названная выше особенность русской литературы XIX в., в частности на том уровне ценностно-эстетического отношения к действительности и его художественного воспроизведения, который зафиксирован в понятии «реализм», ставит вопрос о его связи с христианством. Он решается в рамках европоцентрической культурной модели, важной характеристикой которой являются отношения светского и религиозного начал. Отличительная черта русской литературы XIX в. в восприятии мира и человека, состоящая в преодолении ограниченности современности как пространства осуществления индивидуального начала, не может быть понята на этом уровне, но именно к синтезу светской и православной культур восходит вопрос о христианском, православном, духовном реализме, поставленный в литературоведении в конце XX в. [2, с. 11]. Симптоматичны размышления о христианском реализме (В. Н. Захаров). Под ним понимается эстетический принцип, который «явлен в Евангелии» [2, с. 10].

Участие православной традиции в формировании художественных особенностей русской литературы раскрывает ее сущностные характеристики. Однако их соединение с реализмом проблемно. Духовный элемент неслучайно включается в строение культуры, которое усвоено через европейское влияние. Смысл, который вкладывается в понятие «христианский реализм», относится к широкому кругу вопросов, связывающих православие с русской литературой как способом его бытования в действительности, не приобщенной к полноте веры, которой является Церковь. Однако понятие «реализм» включает христианство в качестве религиозного пласта в светскую культуру и делает элементом ее структуры. Вместе с тем художественное явление, определяемое этим понятием, может быть полноценно воспринято только через отношение к христианству.

Попытки рассмотреть художественные особенности русской литературы в рамках европоцентрической культурной модели вступают в противоречие с сущностью уникального духовного феномена – восточно-славянской письменности. В литературоведении этот факт обращал на себя внимание указанием, что письменность пришла в славянскую культуру в качестве «целостного письменно-словесного произведения» [3, с. 21], создавая для определенного содержания (Евангелие). Однако наблюдение находит применение в рамках противоборства понятий «словесность» и «литература» «как ключевых для западного и русского типов художественного сознания» [3, с. 18]. Возникшая на стыке усвоения греческой традиции и предрасположенности к ней славян в гипотетических языческих верованиях первичность для славянской письменности слова, а не знаков, из которых оно состоит [3, с. 22], верно указала на отношение славянской письменности к идее членения (В. Гумбольдт). Здесь мы в самом общем виде вступаем в область полемики с ней как существенной чертой европоцентрической культурной модели.

Идеи членения явлений культуры не актуальны в том смысле, что внутри просветительской деятельности Кирилла и Мефодия («перевод») они стали катализатором движения смыслов, образующего поток сгущенных связей, которые на восточнославянской почве создали «ядро» – особую форму бытования христианства в качестве письменной культуры. «Ядро» определяется внутренней направленностью перевода церковной книжности и сохранения себя в этом качестве в ситуации вовлечения в социально-исторические процессы и пограничные контакты со светским образом жизни. Совокупность динамических проявлений «ядра» в культурно-историческом окружении создает архитеконику ценностно-эстетических отношений, которую мы называем «воплощение идеального». По сути, это исходящий из «ядра» мощный апофатический импульс, который приводит к выделению из выразительной природы традиционной системы литературно-эстетических взглядов, описывающей индивидуальное строение человека, личностного начала, погруженного в сферу воплощения.

Результаты и их обсуждение

«Ядро» – конечная восточнославянская фаза бытования «перевода», на которой образуется древнерусская письменная культура. Здесь возникает область полемик. Господствующая концепция связи древнерусской и византийской литератур (Д. С. Лихачев, Н. С. Трубецкой) подверглась сомнению в рамках утверждения, что в древнерусской культуре «отсутствует оппозиция светской и духовной культур» [4, с. 321], вследствие чего «в сфере литературы и культуры вообще не устанавливаются какие-либо четкие внутренние подразделения» [4, с. 322]. Эти суждения затрагивали вопрос о жанрах в древнерусской литературе, так как сфера членения культурного пространства была их основанием. По этой причине их корректировало отнесение древнерусской литературы к литературам риторического типа: риторика, выступая в качестве творческого принципа, позволяла сделать вывод о том, что «под действием этого принципа развивалась и средневековая литература у восточных славян как часть европейской христианской культуры» [5, с. 168]. Центром риторических литератур является готовое слово (А. Н. Веселовский). Недопустимость применения данного понятия объясняется «ядерной» архитектурикой восточнославянской письменности, обусловленной генезисом «перевода» и его определяющим отношением к слову.

В архитектурике религиозной культуры, которая сложилась на восточнославянской почве под воздействием создания письменности для перевода Евангелия на славянский язык («перевод») (шире под влиянием кирилло-мефодиевского наследия), выделяются два образующих ее уровня. Первичный импульс письменности – «славить Бога на славянском языке» (сформулирован в житии Кирилла) – носит сугубо внутреннюю церковную направленность. Славянская письменность находится исключительно в смысловом поле Евангелия, возникая из Священного Писания и воплощаясь в нем в целостности и полноте. Затем она переносит первичный импульс на явления письменной культуры, пересоздавая действительность на основе архитектурического принципа сокращения дистанции между смыслами или их сворачивания. Эта ситуация обусловлена нахождением «перевода» в поле воздействия масштабных культурно-исторических сдвигов, сопровождавших начавшееся разделение восточной и западной ветвей христианства, что являлось реакцией на его вовлечение в активность светской культуры. В перспективе эти процессы привели к отделению католичества от православия, а также к гибели Византии. Данную внешнюю историческую перспективу «перевод» соотносил с церковным пространством, обращенным исключительно к внутреннему строю человека. Отношение «перевода» к исторической ситуации позволяет видеть в нем феномен православной культуры, который находится в продолжении распространения христианства.

В восточнославянской культуре христианство представляло собой не культурный пласт, взаимодействовавший с другими пластами с разной степенью интенсивности, а «ядро», контактировавшее с окружением. В данном аспекте светская культура в своем заимствованном виде, порождавшем дихотомические ряды чужого и самобытного, оригинального и переводного, в первую очередь выступала в качестве внешней оболочки «ядра», вбирая в этом значении весь узел мировоззренческих проблем. Само сосуществование «ядра» и оболочки создавало пространство связей, к которому и было направлено культурное поле в словесном проявлении.

Архитектоника «ядра» образована сущностью церковного пространства, в котором смыслы обращены внутрь, а не вовне и творения которого фундаментально определяли сущность письменности на славянском языке в полемике Кирилла с его противниками. Формируется отношение к текущей действительности, состоящее не в разворачивании исторических, социальных процессов, а в их сворачивании, реализации принципа сокращения смысловой дистанции между моментом бытия и евангельской истиной.

Деятельность Кирилла и Мефодия была связана с важнейшими движениями в истории и культуре. Помимо конкретных фактов, воздействовавших на нее в данном аспекте, из их множественности и значимости выкристаллизовывается сама природа связей, которая стала неотъемлемой чертой «перевода». Четко обозначенная, во многом вытекающая из политических и исторических целей Византийской

империи задача миссии – создать письменность для славян – решалась под воздействием внутреннего императива, которым руководствовались равноапостольные братья. Отношения внешнего и внутреннего создавали ситуацию притяжения, при которой сконцентрированное в вечности внутреннее начало притягивало и организовывало стремящиеся к рассеиванию пространственно-временные слои. Из данных отношений складывался прототип архитектоники «ядра» и его окружения. В результате важнейшие явления и события истории и культуры, которые наделяются смыслом в развернутом виде, фиксировались в свернутом, изменяющем их качество значении, при котором одно оказывалось не напротив или в продолжении другого, а возле него. «Перевод» стал не производной от окружавших его процессов, а их центром, средоточием судьбы христианства в уже христианском мире.

В Византии отношения светской и религиозной культур перешагнули границу преобразования античного наследия и вступили в область богословского и интеллектуального взаимодействия. Параллельно усиливались противоречия между Византией и Римом, которые обострялись их олицетворением со стороны выдающихся деятелей. Внутренние и внешние факторы в рамках развития византийской христианской культуры, если привести к общему знаменателю их догматическую направленность, решали проблему правильно славить Бога (православие), что в аспекте «языка» пересекалось с концепцией «перевода» «славить Бога на славянском языке». Она делала актуальной не современные тенденции византийского богословия, а ту сторону греческого православия, внутри которой создавался символ веры [6, с. 429] во всем объеме связанных с ним догматических вопросов борьбы с ересью. Приведение сложнейших догматических понятий к ясности, потребовавшей напряжения всех уровней христианской богословской традиции (патристики), греческой культуры и языка, – та сфера, в рамках которой протекала деятельность Кирилла и Мефодия. Они оставляли в стороне современные тенденции, в том числе круг интересов, который включается в понятие «фотиевский ренессанс». Данный выбор выходил за рамки личных предпочтений и стал образующим «ядро» началом, которым определялись его автономное положение по отношению к светской культуре и апофатический характер связи с ней. Последнее проявилось не в недостаточности светского компонента, а в его избыточности. Находившееся на стадии зарождения, становления, развития в зоне притяжения «ядра», оно оказывалось в состоянии предвосхищения результата. Светская и христианская культуры существовали в измерениях постоянного и относительного, вечного и изменяющегося. Это свойство «перевода» в полной мере устанавливается по его проявлениям в «ядре» и образованной им древнерусской письменной культуре, в которой нет оппозиции светской и духовной культур и производных от нее внутренних подразделений (В. М. Живов) в литературе. В данном аспекте «ядро» – круг переводов первоучителей и образованная им письменность, связанные отношениями сущности, которая возникает в сфере личностного начала, и пронизывающего ее смысла, которыми устанавливается направленность переводческой деятельности и ее воздействия на развитие книжной культуры. По этой причине внутренние подразделения художественного пространства втягиваются «ядром», в котором нет границ и проблемы непрерывности. В «ядре» все находится в свернутом виде именно потому, что явления действительности даны в своей полноте, совершенности. Систематизация и классификация – та сторона, которой они обращены вовне, в развитие. Для «ядра» характерна степень пронизываемости смыслом сущности, т. е. воплощение. В полемике со сторонниками «трехязычной» ереси Кирилл, активно опираясь на Второе послание к коринфянам, определяет славянскую письменность как язык Священного Писания отношениями внутренних и внешних, которыми закладываются уровни проявления «ядра».

Для характеристики кирилло-мефодиевского наследия, которое привело к образованию «ядра» на восточнославянской почве, необходимо указать, что оно связано с историей христианства. В ней выделяются следующие этапы: распространение (проповедование) Евангелия как последнее установление Спасителя, мученичество и иночество. Они определяют единство открытости, всемирности христианства и его внутренней направленности – «бегства от мира». Открытость, обращенная внутрь, – архитектура христианской культуры, которой обусловлены формы ее бытования. Христианство вбирает в себя мир и преобразует его. Сосуществование светской и церковной культур в христианской Византийской империи пронизано идеей-выбором «бегства от мира», движением монашества [7, с. 86–87], а также экспансией светской культуры. Падение Константинополя в 1453 г. является результатом этого сосуществования.

Иная форма нахождения двух культур складывается в рамках восточнославянского конгломерата, а именно в Древней Руси. «Ядерный» культурный тип устанавливался в три этапа. Первый этап (концептуальный) связан с созданием славянской письменности и переводом Священного Писания и богослужебных книг Кириллом и Мефодием. Второй этап (исторический) характеризуется бытованием и развитием письменности на славянском языке на западнославянской (Моравия, Паннония) и южнославянской (Болгарское царство) почвах. Третий этап (культурно-типический) связан с переносом письменности на церковнославянском языке в Древнюю Русь, что обусловило ее освоение, сформировавшее культурное пространство.

На первом этапе закладываются основы существования христианской культуры в «ядерном» состоянии и формируется состав, который в силу особенностей принимает вид «ядра» в своей предельной концентрированности и неделимости. «Ядерное» строение отражает характер религиозной, исторической и общекультурной ситуации, окружавшей деятельность Кирилла и Мефодия. Это была реакция на критическое состояние сосуществования светской и религиозной культур в Византии. Данная критическая точка в развитии ознаменована тем, что каждый элемент в развернутом виде наделен максимальными возможностями истолкования и понимания. Переводческая деятельность первоучителей славян была результатом предельного сгущения и сжатия культурного поля, которое из окружающего и воздействующего на этот акт явления претворяется в вобранную им внутреннюю сущность.

На втором этапе бытования «перевода» вне личностных центров его создателей Кирилла и Мефодия он попадает в пространство исторического и культурного влияния Византии, где он обогащается ее духовными и литературными возможностями, а также определяется в своей национальной самобытности. На данном этапе «перевод» еще не сложился в «ядро». Он вовлекается в сферу интересов Византийской империи, вступает во взаимодействие с различными пластами греческой культуры. Его устойчивость определяется не внутренним моментом, а внешней идеей национальной самобытности.

На третьем этапе «перевод» переносится на восточнославянскую почву в качестве церковной книжности (Священное Писание, Священное Предание, богослужебные книги), что приводит к созданию письменной культуры. Феномен ее формирования выступает катализатором возникновения «ядра». Прослеживаются несколько внутренних стадий его становления, которые в основном совпадают с этапами развития древнерусской словесности, но основной принцип контактов с окружающим культурным пространством и сущностные черты складываются сразу. «Ядро» – особая форма бытования христианства в качестве культуры, сохраняющая его внутреннюю направленность как вероучения и учитывающая ситуации вовлечения в социально-исторические процессы и пограничные контакты со светским образом жизни. Появляется особое культурное пространство, где есть непроницаемое извне «ядро», которое воздействует на окружение посредством силового поля, создаваемого критическим значением свернутых в нем смыслов. Это выделение христианства из «ядра» как энергии связей формирует ценностно-эстетическую художественную ситуацию в светской культуре, при этом «ядро» не испытывает никакого воздействия извне и не образует пограничных зон. Все моменты проникновения религиозных тем и образов в светскую сферу при становлении ядра на древнерусском этапе являются исключениями из правил. Их основная часть связана с европейским влиянием Нового времени.

Создаваемую «ядром» особую художественно-эстетическую ситуацию-архитектуру мы называем «воплощение идеального». Под «идеалом» понимается сохраняемый «ядром» образ человека и мира, который явлен в Евангелии совокупностью смыслов, пронизывающих все стороны бытия, и дан в непрерывности своего становления. К нему и определяющему его содержанию не применимы понятия «идеальная норма» и «образец» с их представлением о законченности, совершенстве и ограниченности. Процессы, происходящие в «ядре», определяются их внутренней направленностью, являются связью как таковой, не выступают частями целого и поэтому не представляются структурно. «Ядро» обращено вовне не сущностью, а своими проявлениями, т. е. оно фиксируется с динамической стороны в оболочке. Перенос «перевода» на восточнославянскую почву не является трансплантацией [8, с. 15–23; 9, с. 175]. Во-первых, происходит формирование самого «ядра». Во-вторых, в совокупности динамических проявлений оно создает художественно-эстетическую ситуацию, которая определяется понятием «воплощение». В ее центре в качестве художественной данности находится личностное понимание человека как непрерывно становящейся в Боге человечности, которая является открытой, будучи направленной на саму себя. В данном аспекте воплощение отлично от выражения, которое характеризуется индивидуальностью как антропологической законченностью и завершенностью-ограниченностью, направленной в этом значении вне себя.

«Перевод» устремлен к первообразу, но в значении «лицо», а не «текст». Проблема перевода Священного Писания на национальные языки не случайно пересеклась с полемикой с представителями иконоборчества. На вопрос о том, какое изображение Спасителя подлинно при множественности и несхождении образов между собой, патриарх Фотий указывал на множественность и разность форм и знаков букв, с помощью которых «изготавливается» (евангелие) на различных языках [10, с. 276]. На древнерусской почве данная ситуация переносится на отношения личного и индивидуального. Владимир Мономах размышлял об общей природе людей и отмечал, «как разнообразны человечески лица, если и всех людей собрать, не все они на одно лицо, но каждый на свой облик, по Божьей мудрости» [11, с. 166]. По отношению к внешним проявлениям лицо находится в апофатической позиции («чуду дивимся»), определяющей эстетическое событие воплощения («если и всех людей собрать»), в котором личность

являет себя и которое отличается по своей направленности от силы выражения, характеризующей индивидуальность. Личность обнаруживается не в том, что отличает, а в том, что связывает.

Множественность и разность, т. е. буквальность как текст, отнесены к сфере изготовления, не предшествующей евангельскому содержанию, а возникающей из него. Данная ситуация обратной перспективы – сущностная черта «перевода». Он максимально приближен к Евангелию в том аспекте, что греческая культура, внутри которой он возникает, находится в ситуации восхождения образа к первообразу, движения от буквальности, знаковости к смыслу. Внутри «перевода» смысл проникает буквальность, максимально точно реконструируя евангельский сюжет: нисхождение Спасителя, а не восхождение к нему.

Славянский язык, созданный для перевода христианской книжности, определялся тем, что в нем смысл предшествовал буквальности. В религиозной культуре, в которой складывается «ядро», явление дана на уровнях закона и благодати. Для «ядра» актуален второй уровень. В оригинале, с которого делается «перевод», язык предваряет содержание, в «переводе» ситуация иная: письменный язык возникает из содержания. В первом случае буква претворяет дух, знак – смысл, и, соответственно, освоение опирается на первые позиции, выступающие проводниками. Во втором случае смысл распространяет себя на знак, если не отождествляется с ним, то наделяет смысловой свободой. Она активизирует возможности, усвоенные славянской письменностью от языка культуры Византии, и вместе с тем ставит их в позицию закона. В рамках этого отношения возникает то понимание эстетических категорий, которое, как аномалия в сложившейся системе художественных взглядов, прослеживается в русской литературе и отражает ее сущностные особенности. В данном контексте эстетический слой (буква) восходит к уровню раскрытия смысла, данного законом как «служение смертоносным буквам, начертанным на камнях» (2 Кор. 3:7). Написанное отождествляется с тем, на чем написано. Над ним апостол Павел, на которого ориентированы в своем служении просветители славян, выстраивает явление полноты смысла: «...вы – письмо Христово, чрез служение наше написанное, не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2 Кор. 3:3). В первом случае написанное отождествлено с материалом, который обращен к верующим. Во втором случае оно соотносено с сердцем, которое представляет собой чистый смысл, не ограниченный знаками. Выражение становится воплощением. Если для языка оригинала актуальна ситуация, отраженная в апофатических образах «не чернилами», «не на скрижалях», то «перевод» вбирает в себя «способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3:6).

Славянское Евангелие возникло в литургическом значении [12, с. 134]. Последующее развитие Евангелия-апракос в книгу для чтения и формирование письменности на славянском языке сохранили внутри себя как сущностную черту эту обратную направленность, которая отразилась в отношении к слову. Оно напрямую обращено к сердцу (человеку), отождествляясь с ним внутри церковного пространства. Литургическое слово, становясь словом для чтения, формализуется, погружается в буквальность, материальное окружение, но не обнаруживает себя в этой оболочке, а воздействует на нее полнотой первоначального смысла. Он выступает именно в качестве словесности в бессловесности окружения, выстраивая эстетическую ситуацию образов нисхождения (воплощения), которые определяются понятием «софийность».

Один из первых эпизодов жития Кирилла – видение, в котором он выбирает себе в невесты Софию, «то есть Мудрость» [13, с. 72], – обращен к фундаментальному смыслу в деятельности первоучителей славян. Здесь важны обнаруживаемые через сопряжение с образом Софии, Божественной премудрости, принципы архитектоники, образующие «ядро». Религиозно-символическая природа видения как общего места в агиографии сопрягается с социальными впечатлениями в экспозиции сна: «...стратиг, собрав всех девушек нашего града» [13, с. 71–72]. Иконописная, «окрыленная и огненно-лика» [14, с. 358] София, Божественная премудрость, не выводится за круг земной жизни, а вводится в него. Создается ситуация не ограничения, а расширения жизненного пространства, которое приводит к состоянию выбора: «...увидел одну прекраснее всех» [13, с. 72]. Формализация общим местом вселенского масштаба земного и небесного предельно концентрируется и сжимается в лаконичной структуре высказывания, связывающей ситуации выбора и красоты. В них узнаются два опорных начала древнерусской культуры, отраженные в сюжете выбора веры в Повести временных лет.

С ценностно-эстетической точки зрения выбор и красота в их софийном значении восходят к принципу воплощения как нарастания духовного напряжения внутри «мирового здания». Восходящий к притче Соломона образ Софии, Божественной премудрости («Премудрость созда себе дом» [12, с. 302–303]), отражен в христианской богословской, литургической, иконописной традиции под знаком догмата о воплощении Спасителя в его христологическом и богодическом аспекте. Здесь представлен диапазон смысла в его культурно-историческом развертывании, о котором в заключительной строфе Евангелия от Иоанна

написано: «...но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь» (*Ин. 21:25*). Образ мира, который не может вместить написанных книг, – апофатическое определение славянской письменности, началом которой стала строка, открывающая Евангелие от Иоанна: «...и тогда сложил письмо, и начал писать слова Евангелия: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”» [13, с. 87]. «Перевод» с точки зрения софийности приводит написанные книги разворачивающегося смысла к архитектонике воплощения (явленности в красоте и духовности в выборе) в первоначале, которой определяется его позиция целостности и единственности («ядро») с точки зрения культурно-исторического развития.

Внутренней направленностью «перевода» устанавливается отношение христианского вероучения как постоянного смысла к действительности как сфере изменения, когда слово пребывает в состоянии материала, инструмента и содержания, определяющего человека. На этом уровне «перевод» в своем религиозном значении преобразуется в культурный акт, обнаруживая человека в его сущностной пограничности, а именно в качестве индивидуальности и личности. «Перевод», складываясь в завершающей фазе развития в «ядро», создает культурную ситуацию, в центре которой находится личностное начало, тогда как окружающая его культура отражает индивидуальную сторону человека. С художественной точки зрения индивидуальное и личностное оказываются не в отношениях внешнего и внутреннего как форма и содержание («форма, обывая содержание извне, овнешняет его, то есть воплощает» [15, с. 33]), а создают пограничную ситуацию внутри слова, образуя сферы выражения и воплощения. Первая сфера, исходя из утилитарной, коммуникативной функции слова, рассматривает его как материал и инструмент для создания визуальных образов, воспринимая на уровне знаков и жестов, имитирующих смыслы. Вторая сфера погружена во всеобъемлющую природу слова как пространство осуществления человека и смысла бытия.

При осмыслении словоцентричности художественного пространства произведений А. С. Пушкина в контексте полемики об уместности использования в светской культуре религиозных тем и образов святитель Игнатий (Брянчанинов) пришел к различению природы слова и выделил благодатную и благоустроенную его природу [16, с. 260]. Последней соответствует внешнее слово. В романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» это различие прослеживается на уровне художественных модусов выражения и воплощения, сопутствующих точкам зрения автора и Максим Максимыча: «...в сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге» [17, с. 305]. Им соответствуют отношения буквы и духа в аспекте их направленности, в рамках которой выражение есть движение от внешней стороны явления к смыслу, привносящее в него свою ограниченность, а воплощение – проничание смыслом материи, образующее, организующее ее с точки зрения связей. Во втором случае наблюдается связь с препозицией славянской письменности внутри «ядра» – «перевода» евангельского содержания. Ситуация не определяется вопросом о символе как отношения низшего и высшего пластов бытия [18, с. 324], а имеет культурно-историческую обусловленность. П. А. Флоренский, приводя книгу в качестве примера символа, замечал, что «связь между смыслом, с одной стороны, и бумагой и чернилами, с другой, необъяснима, а что она существует – это очевидно и бесспорно» [18, с. 325]. Таким образом, традиционная направленность движения от буквы к духу бесспорна как факт и, соответственно, закономерна, но необъяснима.

Апофатическая ситуация проничания письменности внутри «ядра» смыслом, наоборот, не закономерна, но объяснима. На уровне русской классической литературы отношения буквы и духа, выступая в качестве автора и героя, рассказчика «на словах и на бумаге» и «в сердцах простых», фиксируют момент своей секулярной трансформации, при которой внешнее слово возникает не в продолжении внутреннего, а является направленным на него, подменяет его собой. Модус автора и его слово исключаются из действительности, оказываясь не внутри, а напротив нее, что в рамках секулярного сознания представляется своего рода художественной нормой эстетического события. Ее нарушает аномальное воздействие «ядра», художественный след которого прослеживается в замкнутости и ограниченности сознания в сфере эстетического воспроизведения действительности, не повышающей ее значимости, а нивелирующей образы письменности. Они низводятся до негативного подобия автора как рассказчика «на словах и на бумаге». Тождественность слова бумаге – ситуация автора, сообразующая его со средой полной бессловесности. Он обнаруживает себя в сфере буквальности как двоякой вненаходимости, пребывая вне зоны смысла и в состоянии абсолютной выраженности. Параллельно второй элемент этого воздействия – «в сердцах простых» – возвращает письменность в ее первичную позицию, в рамках которой эстетическое переживание – «чувство красоты и величия» – наделяет ее значением «живее во сто крат». В результате на месте «вненаходимости автора героя» [19, с. 18], возникающей внутри секулярного сознания, оказывается проничание смыслом как внутренняя установка «ядра». Она проявляется в движении не от автора к герою, а от героя к автору, от сферы «сердца» к пространству «на словах

и на бумаге», что повышает его значение, когда на первый план выходит не бессмысленность бессловесности, а не проявленный, скрытый смысл.

В поле воздействия «ядра» эстетическая ситуация «восторженного рассказчика» в ее направленности вовне, определяемой ценностной ориентацией, корректируется «чувством красоты и величия», которое имеет внутреннюю направленность, но как предмет изображения автора открывается им. На уровне слова происходит поворот от видимого и созерцаемого к сокровенному, скрытому, внутреннему. Эти позиции слова – нейтральная, секулярная позиция у рассказчика и позиция скрытого смысла у духовных интуиций – обнаруживают себя в значении «письмена», связывающем их с первичной готовой позицией полного смысла («сердца»), в котором оно выступает в «ядре». Путь от созерцания (эстетического события-объекта) к духовной реальности, воплощенной в славянской письменности, и есть та сфера художественности («воплощение идеального»), которая пролегает между образами и первообразом, определяя сущность русской литературы. Это не зазор [6, с. 123–124, 126] между преходящим и вечным, образом и первообразом, знаком и значением, а восстановление непрерывной связи, воплощения, при котором материя в эстетическом, живописно-пластическом понимании не разделяется на определенные периоды, а обнаруживает себя как целое в разной степени проницаемости смыслом (первообразом).

В традиционном модусе развития культур (античной, византийской, средневековой, новоевропейской) зазор представляет собой подвижное, неустойчивое поле, реагирующее на изменяющуюся действительность. Это разрыв в сущности явлений, приводящий к тому, что он постоянно заполняется «сдвигом всех смыслов» [6, с. 138] на уровне аллегоричности и иносказательности на закате Античности и западного Средневековья, а также построением подобий, «начиная с эпохи Возрождения и почти до наших дней» [18, с. 56]. Последнее принимает вид смены литературных направлений под знаком общей установки (идеологической и в определенной мере психологической) расценивать «всемирную историю по степени близости ее явлений к явлениям второй половины XIX века» [18, с. 56] и уподоблять все в истории искусства современности в ее изменяющемся от эпохи к эпохе значении. Зазор – это уже не «сдвиг всех смыслов», вызывающий литературно-художественную реакцию, а зияние, «перескакиваемое первый раз творящим разумом художника, а потом разумом, сотворчески воспроизводящим в себе картину» [18, с. 88]. Здесь речь идет о перспективном изображении, образующем разрыв между искусством и действительностью, которую определяет «некоторая субъективность, сама лишенная реальности» [18, с. 93]. Однако перенесение акцента с художественно-эстетического содержания, наполнения на направленность, упорядоченность, системность и структурность для преодоления (оформления) зияния – ось понятия «литературное направление». Возникают не связи и отношения, а границы, означенные автором и читателем. В аспекте словесного творчества можно говорить о ситуации бессловесности, обращенной не к смыслам, а к знакам.

Характерная черта «воплощения идеального» как производного от славянской письменности явления – отсутствие зазора между буквой и смыслом. Такова природа «ядра». Весь массив филологических интересов, сопутствовавший деятельности патриарха Фотия [6, с. 340; 10, с. 346–354], к которой был приобщен Константин Философ, свернулся в духовном акте: «Пошел же Философ и по старому обычаю стал на молитву и с иными помощниками» [13, с. 87]. Особенностью центрального события в истории славянской письменности является то, что акт открытия букв переходит в их сложение в слова. «Буквы для языка» являются погруженными в ход развития византийской культуры, представляя собой «синопсис, дающий в единой совместить множество точек зрения» [18, с. 145–146], и одновременно заостряются, выхватываются из него в молитвенном обращении Кирилла. Этот поворотный момент образно подготовлен и воплощен центральным дописанным сюжетом жития, организованным диалоговой ритмической стихией вопросов и ответов, множественность которых одновременно открывается как единственность – путь, обращенный в пространство человеческого существа [18, с. 145]. Письмена становятся своего рода кульминацией, откровением полного смысла и поворотом к сложению как новой архитектонике культуры. Из совмещения измерений, в которых существуют письма (явить и сложить в общем качестве «славить»), возникает «ядро». Его влияние описывается понятием «воплощение идеального». «Ядро» образует вектор движения, направленный не вовне, а внутрь, к собственно церковной культуре как сущности и преодолению сопротивления внешних факторов. Точное определение данного феномена, способного благодаря своей церковно-библейской составляющей «восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, осязаемой непонятливейшего человека» [20, с. 360], стоит за смыслом, который Н. В. Гоголь вкладывал в понимание русского языка. В этом определении содержания русской литературы, акцентированном на способности языка связывать полярные стороны бытия своим смысловым проницанием, писатель выстраивает архитектонику не высокого и низкого (зазора и обусловленных им «внутренних подразделений» в культуре), а духовного как понятного – проявления «ядра» в рамках «воплощения идеального».

Уже на литературном материале эти взгляды были развиты Ф. М. Достоевским в понятии «всемирная отзывчивость». Прилагательное «всемирная» обращено к культурному многоязычию А. С. Пушкина в его направленности на добро и зло как две крайности бытия. В этом смысле способность говорить на многих языках культуры вмещает в себя значение «понятность» и переходит в него в качестве «пророчества» (1 Кор. 14:2–4). Художественная образность произведений А. С. Пушкина как понятность – погружение в сферу «перевода», не порывающее с реальностью, в которой находится автор. В рамках компонента «отзывчивость» объем и масса языкового, исторического и культурного материала фокусируется на способности к отзывчивости, относящейся к сердцу. В нем внешняя сторона слова преобразуется во внутреннюю. В данном аспекте «всемирная отзывчивость», как принцип художественной архитектуры русской литературы, восходит к присущей «переводу» динамической природе внешних проявлений слова как реакции на импульсы, исходящие от неизменного и постоянного смыслового центра.

Обособление художественно-эстетических принципов в рамках определенных литературных концепций, принимавших вид направления, глубинно не совпадало с природой культурного поля, которое воспринимало действительность не в разрывах и образованных ими границах, а в связях и отношениях. В данном аспекте постромантическая ситуация (реализм) как необходимое звено поступательного движения стала своего рода вехой. В ней принцип восприятия явления в его направленности на уровне художественных образов изменяется в обратное видение через погружение в пространство связей по мере приближения к «ядру», попадания в поле его притяжения. В связи с этим развитие русской литературы в русле европейских заимствований являлось перевернутым отражением сущностных черт древнерусской литературы. Данная позиция светской культуры была моментом ее объективного присутствия в потоке действующего литературно-эстетического сознания. Положительная, перспективная направленность заимствования на уровне понимания существа человека как центра усилий творческого акта обнаруживала в себе отрицательный или обратный (древнерусский) культурный импульс.

У истоков древнерусской словесности тоже стоит заимствование результатов. Наблюдается повторение модели при полной противоположности сущности. Если в первом случае речь идет об исключительно религиозных, церковных заимствованиях, то во втором случае – о светских заимствованиях, причем подчеркнуто атеистических и антирелигиозных, чем стало русское вольтерианство XVIII в. [21]. Одновременно заимствование христианской письменности сопровождало отсутствие интереса к современной византийской литературе, переживавшей возрождение и расцвет, и, наоборот, поток светских заимствований в Новое время протекал под знаком современности.

Рациональное определение и чувственное определение человека в художественных практиках конца XVIII в. в творчестве Г. Р. Державина и Д. И. Фонвизина с метафизической и психологической точек зрения пришли к восприятию человека в середине бытия и жизни. В данном аспекте середина является не нахождением между, а сжатием положительных усилий европейского вектора развития под воздействием отрицательного момента древнерусского влияния. Определение человека Г. Р. Державиным в оде «Бог» как «ничто», при котором становится возможен следующий акт – «сияние», у Д. И. Фонвизина в воспоминаниях «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» развернуто в «половину жизненного поприща», в рамках которого обозначает себя сокровенный центр человеческого существа – «тайны сердца» [22, с. 81]. Мотив чистосердечности становится точкой сжатия, к которой приходят установки европейского культурного влияния. Чистосердечность определяет архитектуру художественного образа. Положительная направленность европейского влияния на уровне всех установок художественного пространства («подвиг», «Руссо», «показать человека во всей истине природы, изобразив одного себя») получает отрицательное значение: «...не будет в признаниях моих никакого другого подвига, кроме раскаяния христианского» [22, с. 81]. Внутри художественного пространства происходят изменения в его структуре, которая становится буквальным повторением строения Поучения Владимира Мономаха в главной его характеристике – различении биографического, естественного и духовного начал на словесно-смысловом уровне, в рамках которого внутреннее пространство воплощается с помощью цитат на церковнославянском языке. Она, в свою очередь, обусловлена критической фазой архитектуры человеческого существа, подходящего к пределу своей бедности: «сидя на саях» (перед смертью) у Владимира Мономаха и «одержим будучи трудною болезнью» у Д. И. Фонвизина. В этот ряд встраивается категория «вдохновение», которая приводит Г. Р. Державина к тому же результату в видении человека. Вдохновение у поэта опускается к своему первоначальному религиозному значению и занимает равнозначное с болезнью, повседневностью положение. Положительная направленность европейского влияния корректируется отрицательным импульсом, который проявляется как очищение и освобождение, протекающие на всех уровнях творческого акта: мировоззренческом, образном, словесно-изобразительном, стилевом уровнях. В данном аспекте восприятия человека прослеживается тенденция тяготения не к выражению, а к воплощению.

Заключение

В рамках развития русской литературы реализм имеет критическое, пороговое значение. Европоцентричность, задававшая ему логику движения, не совпадала с принципами художественного осмысления мира и человека. В данном состоянии проявилась двойственность реализма как метода и направления, его эстетически-гносеологической и векторной составляющих. Метод и направление различаются по своему генезису. Реализм определяется совокупностью литературно-эстетических взглядов, которые возникают при сближении русской литературы с европейской и носят перспективный характер, тогда как с методической точки зрения он вступает в более глубокие и разносторонние связи и отношения, которые обуславливаются национальной спецификой в ее ориентированности на православную традицию. Когда Ф. М. Достоевский определяет свою творческую установку триединством понятий «зовут психологом: неправда», «реалист», «в высшем смысле» [23, с. 65], он вычленил себя прежде всего из направления. Речь не идет о противопоставлении русской и европейской линий развития. Из внешней первая становится внутренней, включаясь в более широкий круг понятий. «Непсихолог» указывает на апофатическое отношение к индивидуальному строению человека как единственно возможному в европейской культуре. Ее ограниченность он детализирует в понятиях «реалист» и «в высшем смысле». Первое понятие как момент буквальности восприятия явления ставится в ситуацию смысловой проницаемости, т. е. находится в поле притяжения «ядра». Направление и метод производны от символа-метафоры пути, но если метод ставит реальность в ситуацию проницания смыслом и выступления, воплощения в нем, то направление является развернутым во времени, группирует свои усилия вокруг смещающейся точки отсчета, современности. Ее смысловая данность или актуальность реализуется через сближение с индивидуальным сознанием, образуя хронотопический уровень художественного пространства.

В реализме современность выступала в качестве «ворот хронотопов» [15, с. 406], поэтому его сопровождает понятие «переходная эпоха» в том значении, что «никакая эпоха не имеет никакого самостоятельного смысла сама по себе» [24, с. 19]. Это понятие восходит к «эсхатологическим ожиданиям» (П. Г. Паламарчук), зафиксированным в первых проявлениях индивидуального сознания в древнерусской культуре. В историко-литературном аспекте реализм определялся границами, которыми, в свою очередь, обеспечивалась систематичность культурного акта [15, с. 25]. В русской литературе она представляла собой критическую, находящуюся на грани апофатического переосмысления фазу художественного осуществления непрерывности жизни в индивидуальном опыте бытия человека.

Архитектонический принцип, который наблюдается в отношениях автора и героя, можно рассматривать как возникающую внутри индивидуального сознания сферу личностного бытия, первично определяющуюся принципом «множественных сознаний». Именно «множественным сознаниям» как художественно-архитектоническому образованию предшествует сфера современности, в рамках которой ситуация понимания возникает из смыслов в их текущем значении, формирующем общность сознаний. С точки зрения художественной структуры на уровне общности сознаний возникает модус читателя и завершается образованием триады *автор – герой – читатель*. Общность сознаний выступает в качестве типического как важнейшей черты реалистической образности, появляясь через вертикальное рассечение пространства современности индивидуальным началом в его выразительной динамике.

На уровне общности сознаний прослеживается аномальное поведение реализма в русской литературе в рамках базовой аксиомы его определения – историко-типологической связи с реализмом европейских литератур с указанием на ярко выраженные особенности [25, с. 28]. В русском реализме современность, выступая в значении не мировоззренческой константы, а текущей, преходящей действительности, погружала ценностно-эстетические установки в ситуацию вневременности. Именно ей определяется позиция религиозной культуры. Христианство несло истину, обращенную к настоящему и действительному. Именно в зоне настоящего, в которое пересоздавалось современное, православие и русская литература входят в контакт, минуя логику взаимодействия культурных пластов, продиктованную европейским влиянием. На силу выразительности, восходящую к индивидуальному строю человека и характеризующую реалистическую концепцию в ее традиционном понимании, воздействует момент переживания вечности в ее личной определенности, которая оформляется в эстетическое событие – воплощение. Прежде всего это выражалось в том, что поступательная смена литературно-эстетических концепций подспудно преобразовывалась в ситуацию возвращения к началу, т. е. к той художественной системе, которая не будет основываться на отрицании предыдущей. В контексте проблемы русского реализма особенность «поэтики начал», возникающей в рамках «воплощения идеального» как проявления «ядра», заключается в ее отношении к человеку. Русский реализм не погружен в богатство и разнообразие индивидуальной природы – он исчерпывает ее, приводит к тому общему знаменателю, который лежит в основании индивидуальности. Из духовного аспекта бедности возникает ее эстетическая сторона, в рамках которой «идея формального обогащения», «дар формы» [19, с. 83–84] есть сам момент рождения человека в человеке, индивидуальность воплощается в личность и в этом качестве не созерцается, а узнается другим в своем начале.

Библиографические ссылки

1. Маркович ВМ. Вопрос о литературных направлениях и построение истории русской литературы XIX в. *Известия РАН. Отделение литературы и языка*. 1993;52(3):26–32.
2. Захаров ВН. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы). *Проблемы исторической поэтики*. 2001;6:5–20. EDN: RUYKSF.
3. Моторин АВ. «Словесность» и «литература». Духовные основы русского и западноевропейского отношения к словесному творчеству. *Проблемы исторической поэтики*. 2008;8:17–36. EDN: RUYMDD.
4. Живов ВМ. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. Москва: Языки славянских культур; 2002. 760 с. (Studia Philologica). EDN: PXNNKP.
5. Бочаров СГ, Гей НК, Михайлов АВ, Сазонова ЛИ, Сквозников ВД, Смирнова НН и др., редакторы. *Теория литературы. Том 3, Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении)*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН; 2003. 592 с.
6. Аверинцев СС. *Поэтика ранневизантийской литературы*. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2004. 480 с.
7. Казанский ПС. *История православного монашества на Востоке. Часть 1*. Москва: Паломник; 2000. 463 с.
8. Лихачев ДС. *Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили*. Ленинград: Наука; 1973. 256 с.
9. Лотман ЮМ. *О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993)*. Санкт-Петербург: Искусство; 1997. 845 с.
10. Россейкин ФМ. *Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского*. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры; 1915. 491 с.
11. Кузьмин АГ, Карпов АЮ, составители. *Златоструй: Древняя Русь X–XIII вв.* Москва: Молодая гвардия; 1990. 302 с.
12. Рыбаков БА, Жуковская ЛИ, Князевская ТБ, Макарова ТИ, Подобедова ОИ, Розов НН, редакторы. *Изборник Свято-слава 1073 г.* Москва: Наука; 1977. 314 с.
13. Удальцова ЗВ, Королюк ВД, Рогов АИ, Жаворонков ПИ, Осипова КА, Самодурова ЗГ и др., редакторы. *Сказания о начале славянской письменности*. Флори БН, переводчик. Москва: Наука; 1981. 200 с.
14. Флоренский ПА. *Сочинения. Том 2*. Трубачев АС, редактор-составитель. Москва: Мысль; 1996. 878 с.
15. Бахтин ММ. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература; 1975. 504 с.
16. Брянчанинов И. *Творения святителя Игнатия. Том 8, Собрание писем*. Москва: Издательство Сретенского монастыря; 2003. 784 с.
17. Лермонтов МЮ. *Собрание сочинений. Том 4, Проза. Письма*. Андроников ИЛ, Благый ДД, Оксман ЮГ, редакторы. Москва: АН СССР; 1959. 826 с.
18. Флоренский ПА. *У водоразделов мысли. Том 2*. Москва: Правда; 1990. 448 с.
19. Бахтин ММ. *Эстетика словесного творчества*. Бочаров СГ, составитель. 2-е издание. Москва: Искусство; 1986. 445 с.
20. Гоголь НВ. *Собрание сочинений. Том 6, Статьи*. Москва: Художественная литература; 1986. 543 с.
21. Заборов ПР. *Русская литература и Вольтер: XVIII – первая треть XIX в.* Ленинград: Наука; 1978. 246 с.
22. Фонвизин ДИ. *Собрание сочинений. Том 2*. Макогоненко ГП, составитель. Москва: Художественная литература; 1959. 742 с.
23. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 27*. Базанов ВГ, редактор. Ленинград: Наука; 1984. 459 с.
24. Лосев АФ. *Миф. Число. Сущность*. Тахо-Годи АА, составитель; Тахо-Годи АА, Махоньков ИИ, редакторы. Москва: Мысль; 1994. 914 с.
25. Фохт УР, редактор. *Развитие реализма в русской литературе. Том 1, Просветительский реализм. Утверждение критического реализма*. Москва: Наука; 1972. 351 с.

Статья поступила в редколлегию 01.07.2025.
Received by editorial board 01.07.2025.

УДК 81-13, 81'42, 22.09, 27-1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БИБЛЕЙСКОГО ПОНЯТИЯ «ТЕШУКА» (תְּשׁוּקָה) В КОНТЕКСТЕ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: КОНЦЕПЦИЯ РАВЕНСТВА ПОЛОВ

Т. Н. ЛЕРМОНТОВА¹⁾

¹⁾Минская духовная академия им. святителя Кирилла Туровского,
ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проводится лингвистический и текстологический анализ библейского понятия «тешука» (ивр. תְּשׁוּקָה) в контексте святоотеческой традиции. Исследуются этимология, семантика и контекстуальное употребление этого еврейского слова в Ветхом Завете, в частности в 16-м стихе 3-й главы и 7-м стихе 4-й главы Книги Бытия, 10-м стихе 7-й главы Песни песней. Сравниваются его реализации в синодальном переводе Библии и ее современных русских переводах, а также в переводах Библии на греческий (Септуагинта) и латинский (Вульгата) языки. Выявляются основные механизмы семантической трансформации понятия «тешука» в данных языках. Показывается, как они повлияли на богословские интерпретации. Определяются закономерности передачи смыслов в библейских текстах и особенности их воздействия на экзегетику. Новизна работы заключается в применении комплексного подхода, сочетающего историко-филологический, текстологический и сравнительно-лингвистический методы, что позволяет глубже понять процесс изменения значения религиозных терминов в межкультурном контексте.

Образец цитирования:

Лермонтова ТН. Лингвистический и текстологический анализ библейского понятия «тешука» (תְּשׁוּקָה) в контексте святоотеческой традиции: концепция равенства полов. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;3:45–52.
EDN: BPVSLU

For citation:

Lermontova TN. Linguistic and textological analysis of the biblical concept «teshuqa» (תְּשׁוּקָה) in the context of the patristic tradition: the conception of gender equality. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;3:45–52. Russian.
EDN: BPVSLU

Автор:

Татьяна Николаевна Лермонтова (монахиня Мария) – аспирантка кафедры апологетики. Научный руководитель – кандидат богословия, доктор теологии, протоиерей С. Л. Лепин.

Author:

Tatyana N. Lermontova (nun Maria), postgraduate student at the department of apologetics.
tlermontova1977@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1388-7590>

Полученные результаты могут использоваться при проведении исследований в области библеистики, экзегетики, переводов древних текстов, сравнительной лексикологии и исторической лингвистики.

Ключевые слова: тешука (תְּשׁוּקָה); этимология; семантика; историческая лингвистика; переводы Библии; Септуагинта; Вульгата; экзегетика; святоотеческая традиция.

ЛІНГВІСТЫЧНЫ І ТЭКСТАЛАГІЧНЫ АНАЛІЗ БІБЛЕЙСКАГА ПАНЯЦЦЯ «ТЭШУКА» (תְּשׁוּקָה) У КАНТЭКСЦЕ СВЯТААЙЦОЎСКОЙ ТРАДЫЦЫІ: КАНЦЭПЦЫЯ РОЎНАСЦІ ПАЛОЎ

Т. М. ЛЕРМАНТАВА^{1*}

^{1*}Мінская духоўная акадэмія імя свяціцеля Кірыла Тураўскага,
вул. Зыбіцкая, 27, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Праводзіцца лінгвістычны і тэксталагічны аналіз біблейскага паняцця «тэшук» (іўр. תְּשׁוּקָה) у кантэксце святаайцоўскай традыцыі. Даследуюцца этымалогія, семантыка і кантэкстуальнае ўжыванне гэтага яўрэйскага слова ў Старым Запавеце, у прыватнасці ў 16-м вершы 3-й главы і 7-м вершы 4-й главы Кнігі Быцця, 10-м вершы 7-й главы Песні песень. Параўноўваюцца яго рэалізацыі ў сінодскім перакладзе Бібліі і яе сучасных рускіх перакладах, а таксама ў перакладах Бібліі на грэцкую (Септуагинта) і лацінскую (Вульгата) мовы. Выяўляюцца асноўныя механізмы семантычнай трансфармацыі паняцця «тэшук» ў дадзеных мовах. Паказваецца, як яны паўплывалі на багаслоўскія інтэрпрэтацыі. Вызначаюцца заканамернасці перадачы сэнсаў у біблейскіх тэкстах і іх уздзеянне на экзэгетыку. Навізна работы заключаецца ў прымяненні комплекснага падыходу, які спалучае гісторыка-філалагічны, тэксталагічны і параўнальна-лінгвістычны метады, што дазваляе глыбей зразумець працэс змены значэння рэлігійных тэрмінаў у міжкультурным кантэксце. Атрыманыя вынікі могуць выкарыстоўвацца пры правядзенні даследаванняў у галіне біблеістыкі, экзэгетыкі, перакладаў старажытных тэкстаў, параўнальнай лексикалогіі і гістарычнай лінгвістыкі.

Ключавыя словы: тэшук (תְּשׁוּקָה); этымалогія; семантыка; гістарычная лінгвістыка; пераклады Бібліі; Септуагинта; Вульгата; экзэгетыка; святаайцоўская традыцыя.

LINGUISTIC AND TEXTOLOGICAL ANALYSIS OF THE BIBLICAL CONCEPT «TESHUQA» (תְּשׁוּקָה) IN THE CONTEXT OF THE PATRISTIC TRADITION: THE CONCEPTION OF GENDER EQUALITY

T. N. LERMONTOVA^a

^aMinsk Theological Academy named after St. Cyril of Turov,
27 Zybickaja Street, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Linguistic and textological analysis of the biblical concept «teshuqa» (hebr. תְּשׁוּקָה) is conducted within the context of the patristic tradition. The etymology, semantics and contextual usage of this Hebrew word in the Old Testament, particularly in verse 16 of chapter 3 and verse 7 of chapter 4 of the Genesis, verse 10 of chapter 7 of the Song of Songs, are examined. Its rendering in the Synodal Bible translation and in the modern Russian translations, as well as in the Bible translations into Greek (the Septuagint) and Latin (the Vulgate) is compared. The main mechanisms of semantic transformation of the concept «teshuqa» in these languages are identified. It is demonstrated how they have influenced theological interpretations. Patterns of meaning transmission in biblical texts and their impact on exegesis are determined. The novelty of the work lies in the application of a comprehensive approach combining historical and philological, textological, comparative and linguistic methods, allowing a deeper understanding of the process of meaning change in religious terms within an intercultural context. The obtained results may be used for research in biblical studies, exegesis, ancient text translation, comparative lexicology and historical linguistics.

Keywords: teshuqa (תְּשׁוּקָה); etymology; semantics; historical linguistics; Bible translations; Septuagint; Vulgate; exegesis; patristic tradition.

Введение

Лингвистический анализ библейских текстов выступает основной задачей современной филологии, поскольку позволяет проследить эволюцию значений слов, их влияние на богословскую традицию, а также интерпретацию в различных переводах. Одной из важных идей, воплощенных в тексте Ветхого Завета, является тешука (ивр. תְּשׁוּכָּה). Это понятие имеет сложную семантику, включающую аспекты влечения, стремления, подчинения и зависимости, что делает его предметом многовековых богословских и лингвистических дискуссий. Синодальный перевод Библии, ее современные переводы на русский язык, Септуагинта и Вульгата демонстрируют разные подходы к интерпретации древнееврейского слова, что связано как с особенностями языка перевода, так и с культурно-историческими факторами. По этой причине изучение понятия «тешука» требует историко-филологического анализа, включающего рассмотрение этимологии слова תְּשׁוּכָּה, его семантики и особенностей перевода на другие языки.

Ф. Браун, С. Р. Драйвер и Ч. А. Бриггс составили словарь, в котором содержатся этимологические и семантические сведения о древнееврейских словах, необходимые для толкования библейских понятий¹. Вопросами экзегетики занимались святитель Иоанн Златоуст, преподобный Ефрем Сирийский и богослов Блаженный Августин, интерпретировавшие 16-й стих 3-й главы и 7-й стих 4-й главы Книги Бытия в контексте христианской антропологии. Современные исследователи, включая К. Вестермана, Р. Альтера и Дж. Уолтона, проанализировали изменения в переводе слова תְּשׁוּכָּה и богословских значениях понятия «тешука». М. П. Кулаков и другие авторы современных переводов Библии осмыслили это понятие с социальной и психологической точек зрения. Филологические, текстологические и богословские аспекты воплощения тешуки в Библии и ее переводах остаются недостаточно изученными.

Лексема תְּשׁוּכָּה встречается в трех значимых местах Ветхого Завета (*Быт. 3:16; Быт. 4:7; Песн. 7:10*), но ее перевод и интерпретация существенно отличаются в разных языках. Тешука представляет собой стремление, влечение и одновременно подчинение, зависимость. Эти различия обуславливают появление текстологических и богословских проблем, поскольку влияют на понимание библейской антропологии и отношений между человеком и Богом. В связи с этим актуализируется необходимость установления основных факторов, воздействующих на изменение значений и их интерпретацию, а также на определение филологических причин расхождений в переводах.

Тема различий и равенства полов занимает важное место в святоотеческой антропологии, поскольку важным является вопрос о том, как соотносить провозглашаемое Отцами Церкви онтологическое равенство мужчины и женщины, сотворенных по образу Божию, с исторически сложившимися формами их иерархического подчинения в церковной жизни. Отношения мужчины и женщины, представленных в качестве равноправных, но различающихся ипостасей человеческой природы, рассматриваются через призму Священного Писания и Священного предания. Тешука символизирует ключевые аспекты этих отношений, раскрывая гармонию и иерархию полов. Анализ данного понятия способствует определению того, как оно сформировало богословскую традицию и повлияло на социальные практики.

Цель настоящего исследования – проведение лингвистического и текстологического анализа понятия «тешука», воплощенного в текстах Священного Писания Ветхого Завета, а также выявление механизмов его семантической трансформации и изучение их влияния на библейский перевод и интерпретацию слова תְּשׁוּכָּה. Для достижения цели работы были поставлены следующие задачи: определить этимологию и семантическое поле лексемы תְּשׁוּכָּה; проанализировать контексты ее употребления в Ветхом Завете; провести сравнительный анализ синодального перевода Библии, ее современных переводов на русский язык, Септуагинты и Вульгаты; рассмотреть богословские трактовки изучаемого понятия в трудах Святых Отцов и экзегетов; выявить исторические, лингвистические и богословские причины изменений в интерпретации понятия. В основе методологии исследования лежит историко-филологический подход в сочетании с текстологическим и богословским анализом. Значимость работы заключается в демонстрации актуальности святоотеческого учения для решения современных вопросов равенства полов.

Этимология и значения слова תְּשׁוּכָּה

Еврейская лексема תְּשׁוּכָּה имеет корень קוּשׁ (шук), обозначающий физическое или эмоциональное стремление. С еврейского языка это слово переводится как «страсть, сильное желание, влечение»², «страстное желание»³. Оно обозначает не просто желание, а активную устремленность; динамику напряжения между

¹Brown F., Driver S. R., Briggs Ch. A. A Hebrew and English lexicon of the Old Testament : dictionary. Oxford : Clarendon Press, 1906. 1185 p.

²Еврейско-русский и греческо-русский словарь-указатель на канонические книги Священного Писания : с коммент. на основе слов. Дж. Стронга / сост. Ю. А. Цыганков. СПб. : Библия для всех, 2005. С. 385.

³Brown F., Driver S. R., Briggs C. A. A Hebrew and English lexicon... P. 1003.

субъектом и объектом, который часто остается вне досягаемости. Семантика лексемы является многогранной, включает идеи притяжения, ожидания и напряжения, отражающие драматизм в отношениях субъекта и объекта. Тешука представляет собой не только состояние, но и процесс поиска и достижения желаемого – близости, взаимности, единения с тем, к кому направлено влечение.

Как было указано выше, слово *לְשׁוֹקָךְ* встречается в древнееврейском тексте Ветхого Завета трижды. Приведем соответствующие контексты в русском переводе и проанализируем значения этой лексемы.

Первым контекстом является сюжет о последствиях грехопадения: *...и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой (Быт. 3:16)*. В этом случае перевод слова *לְשׁוֹקָךְ* указывает на изменившуюся динамику отношений между мужчиной и женщиной. Влечение приобретает двоякий смысл: оно является естественным стремлением к близости, с одной стороны, и новой иерархической структурой, в которой женщина оказывается под властью мужчины, с другой стороны. Этот текст рассматривается как указание на изменение гармоничных отношений, существовавших до грехопадения.

Вторым контекстом выступает фрагмент о предупреждении Каину: *...если делаешь доброе, то не поднимай ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя, но ты господствуй над ним (Быт. 4:7)*. В данном случае русский аналог лексемы *לְשׁוֹקָךְ* служит для описания морального выбора, а не межличностных отношений, используется для указания на активность греха, стремящегося овладеть человеком. Грех представляется почти персонифицированной сущностью, которая действует через влечение, провоцируя человека на уступки, что свидетельствует о его всепоглощающем характере. В то же время человеку предписывается господствовать над этим влечением, активно ему противодействовать, что указывает на наличие выбора и потенциал для преодоления греха. Слово *לְשׁוֹקָךְ* в переводе становится выражением конфликта между инстинктивным стремлением к удовлетворению и необходимостью осознанного самоконтроля.

Третий контекст содержится в Песни песней: *Я принадлежу моему возлюбленному, и ко мне его влечение (Песн. 7:10)*. В этом фрагменте русский коррелят лексемы *לְשׁוֹקָךְ* приобретает совершенно иное значение, отражая взаимную любовь и преданность между двумя людьми. Тешука передает идею желания, которое выходит за рамки чисто физической страсти, включает в себя глубинную эмоциональную и духовную связь. Это понятие символизирует взаимное и добровольное стремление к другому, не основанное на иерархии или конфликте, как в предыдущих случаях. В анализируемом контексте оно расширяет свое значение, представляет собой более возвышенную концепцию любви, построенную на равенстве, взаимной привязанности и связанную с фундаментальными аспектами человеческой природы, божественного замысла.

Лингвистический анализ переводов 16-го стиха 3-й главы Книги Бытия

Для более глубокого понимания семантики слова *לְשׁוֹקָךְ* в 16-м стихе 3-й главы Книги Бытия необходимо обратить внимание на события, описанные в 14-м стихе этой главы. Они служат фундаментом для осмысления последствий грехопадения, связанных с воздействием на мир и отношения между человеком, природой и Богом.

Грехопадение оказало значительное влияние на взаимоотношения мужчины и женщины, в которых не существовали дискриминация и подчинение. Из-за греха Бог проклял змея, соблазнившего человека: *И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты... (Быт. 3:14)*. Также подверглись изменению некоторые сферы жизни человека: *Жене сказал: умножая умножу скорбь твою... к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою (Быт. 3:16)*. Исследователи Священного Писания полагают, что, когда в Новом Завете апостол Павел ссылается на заповедь Божию, которая говорит о подчинении женщины мужчине, он подразумевает именно 16-й стих 3-й главы Книги Бытия: *...он будет господствовать над тобою*.

Лингвистический анализ 16-го стиха 3-й главы Книги Бытия раскрывает сложность перевода древнееврейского слова *לְשׁוֹקָךְ* на различные языки. Особенности перевода данного слова играют важнейшую роль в его интерпретации, обуславливают представление последствий грехопадения в культурно-исторической и богословской традициях.

В текстах, основанных на синодальном переводе Библии, лексема *לְשׁוֹקָךְ* интерпретируется как указание на сексуальное влечение женщины к мужчине. Примером может служить новый русский перевод Библии: *Я мучительной сделаю беременность твою: в страдании ты будешь рожать детей. Ты будешь желать мужа, и он будет властвовать над тобою*⁴. В подобном прочтении акцентируется внимание на телесном аспекте отношений и на господстве мужчины как прямом последствии грехопадения. Тешука трактуется как выражение физической и эмоциональной зависимости, что подчеркивает иерархический

⁴Бытие 3:16 НРП // Библия : сайт. URL: <https://www.bible.com/bible/143/GEN.3.16.NRP> (дата обращения: 27.01.2025).

характер новых взаимоотношений мужчины и женщины. Такой же смысл раскрывается в современных переводах Библии на русский язык, например в переводе, сделанном сотрудниками Института перевода Библии имени М. П. Кулакова: *Стремиться будешь мужем своим владеть, а он властвовать над тобою будет* [4, с. 23].

Греческий перевод Библии, известный как Септуагинта, представляет иной взгляд на текст: *Kaì pròs tòν ándra sou ἡ ἀποστροφὴ σου, καὶ αὐτός σου κυριεύσει*⁵ (*Kai pros ton andra sou hē apostrophē sou, kai autos sou kyrieusei*) ‘И к мужу твоему будет обращение твое, и он будет господствовать над тобою’⁶. Здесь слово *קִרְיָהּ* передается лексемой *ἀποστροφὴ* ‘обращение, стремление, поворот’. В греческом языке оно охватывает широкий спектр значений, подразумевая не только физическое или эмоциональное устремление, но и акт волевого выбора или направленности сознания. Сохраняя многозначность еврейского слова, греческий коррелят расширяет его толкование. Он указывает не только на эмоциональную привязанность, направленность и устремленность женщины к мужчине, но и на ее новое положение в социальной и антропологической структуре, возникшее после грехопадения; акцентирует внимание не столько на наличии желания, сколько на изменении динамики отношений, в которых зависимость и связь между субъектом (женщиной) и объектом (мужчиной) становятся основополагающими характеристиками. Ф. Браун, С. Драйвер и Ч. А. Бриггс подчеркивают, что семантика греческой номинации *ἀποστροφὴ* позволяет интерпретировать понятие «тешука» как движение к объекту, определяемое внутренней необходимостью. Такое движение может быть как естественным стремлением, так и выражением новой зависимости, обусловленной нарушением гармонии между человеком и Богом⁷.

В анализируемой греческой фразе важным является слово *κυριεύσει* ‘господствовать’. Оно выражает идею власти и иерархии, вводимой в отношения между полами вследствие нарушения изначальной гармонии творения. Использование данной лексики подчеркивает установленное доминирование мужчины над женщиной в падшем мире, понимаемое в интерпретациях Отцов Церкви как временное.

Можно сделать вывод о том, греческий перевод Библии открывает более системный подход к анализу текста, смещая фокус с индивидуальных стремлений на глобальные изменения, затронувшие человеческую природу.

В Вульгате, т. е. в переводе Библии на латинский язык, еврейское слово *קִרְיָהּ* передано лексемой *desiderium* – желание, страсть, стремление: *Multiplicabo aerumnas tuas et conceptus tuos: in dolore paries filios, et ad virum tuum erit desiderium tuum, et ipse dominabitur tui*⁸ ‘Я умножу страдания твои и зачатия твои; в болезни будешь рождать детей, и к мужу твоему будет стремление твое, и он будет господствовать над тобою’. Святой Иероним в своем комментарии по поводу 16-го стиха 3-й главы Книги Бытия трактует понятие «тешука» как сильное желание женщины к мужчине. Он использует латинское выражение *sub viri potestate eris, et ipse dominabitur tui* [1, р. 206] ‘ты будешь под властью мужа, и он будет господствовать над тобой’, в котором подчеркивается эмоциональный аспект влечения и подчинения. Однако латинская номинация *desiderium* нередко употребляется в средневековой традиции и в значении страстного, порой греховного влечения, что согласуется с католическим учением о последствиях первородного греха, которое подчеркивает взаимосвязь между страстью и подчинением. Блаженный Августин, комментируя рассматриваемый стих, использует латинское слово *concupiscentia* ‘вожделение’, которое также перекликается с лексемой *desiderium* в Вульгате [2, р. 206–207].

Таким образом, латинский перевод 16-го стиха 3-й главы Книги Бытия вносит в его понимание дополнительный оттенок зависимости и неизбежного подчинения, которого нет в древнееврейском тексте.

Богословские аспекты интерпретации

Согласно словарю Дж. Стронга еврейская лексема *קִרְיָהּ*, которая в древнееврейском стихе употреблена с предлогом *לְ* ‘к’, обозначает не только эмоциональное или физическое стремление, влечение, но и животное, находящееся в засаде и нацелившееся на жертву⁹. У. Груден в книге «Библейские основания для мужчин и женщин» отмечает, что понятие «тешука» может означать агрессивное стремление, желание доминировать или даже противостоять мужу, действовать вопреки ему [3, с. 32]. В качестве аргумента он приводит сравнение с другим местом в Священном Писании, а именно с 7-м стихом 4-й главы Книги Бытия, в котором слово *קִרְיָהּ* встречается с предлогом *לְ*. В синодальном переводе Библии

⁵Septuaginta (LXX). Gen. 3:16 // The Deutsche Bibelgesellschaft : website. URL: <https://www.die-bibel.de/en/bible/LXX%2CLU17/> GEN (date of access: 27.01.2025).

⁶Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – Т. Л.

⁷Brown F., Driver S. R., Briggs C. A. A Hebrew and English lexicon... P. 1003.

⁸Biblia Sacra – Vulgatae Clementina (LVC) // Bible in multiple languages : website. URL: <https://lvc.ibibles.net> (date of access: 27.01.2025).

⁹Еврейско-русский и греческо-русский словарь-указатель... С. 385.

отрывок, где Бог говорит Каину, выглядит следующим образом: *...у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним* (Быт. 4:7). В этом контексте грех уподоблен дикому зверю, поджидающему свою жертву у двери и готовому напасть. Этому толкованию соответствует и современный русский перевод 16-го стиха 3-й главы Книги Бытия, выполненный сотрудниками Института перевода Библии имени М. П. Кулакова: *Стремиться будешь мужем своим владеть, а он властвовать над тобою будет* [4, с. 23].

В Септуагинте смысл 16-го стиха 3-й главы Книги Бытия заключается в том, что в результате грехопадения Ева отказалась от исключительной зависимости от Бога и обратилась (повернулась) к своему мужу. Идея, состоящая в том, что женщиной будет управлять стремление к сексуальным отношениям с мужем или другими мужчинами, есть искажение библейского текста. По мнению некоторых исследователей, анализируемый фрагмент имеет следующий смысл: «Ты отворачиваешься [от Бога!] к своему мужу, и [в результате] он будет господствовать над тобой [будет использовать тебя в своих интересах]»¹⁰. Глагол будущего времени не выражает повеление, а всего лишь указывает на будущность.

Святоотеческие интерпретации

Комментируя 16-й стих 3-й главы Книги Бытия, Иоанн Златоуст передает слова Творца, обращенные к Еве, так: «...вначале я создал тебя равночестной (мужу) и хотел, чтобы ты, будучи одного (с ним) достоинства, во всем имела общение с ним, и как мужу, так и тебе вверил власть над всеми тварями...» [5, с. 210]. По мнению святителя, Господь ради пользы женщины установил, чтобы она обращалась к мужу и признавала его господство. Иоанн Златоуст подчеркивает, что это изменение связано с необходимостью обучить женщину смирению и подчинению: «...я уже подчиняю тебя ему и объявляю его твоим господином, чтобы ты признавала власть его; так как ты не умела начальствовать, то научись быть хорошою подчиненною. *К мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет*» [5, с. 210]. Слова *мужу твоему обращение твое* святитель толкует следующим образом: «Он будет для тебя убежищем, пристанью и защитой; при всех встречающихся бедствиях даю право к нему обращаться и прибегать» [5, с. 118].

Ефрем Сирин обращает внимание на духовные и эмоциональные изменения, связанные с грехопадением. Он утверждает, что, нарушив заповедь, Ева сначала испытала радость и эйфорию, почувствовав себя как боги. Однако это пробудило в ней стремление к господству: «*И к мужу твоему обращение твое*, – чтобы быть тебе под его властью, а не самой властвовать, – *и той тобою обладати будет*, потому что ты надеялась после вкушения плодов древа сама возобладать над ним»¹¹. Преподобный подчеркивает, что в данном случае Бог не наказывает болезнью, возникшей в результате грехопадения, а исцеляет ее.

Господство одного человека над другим, в частности мужчины над женщиной, не входит в божественный замысел о творении, а, напротив, свидетельствует о беспорядке и разладе, нарушающих гармонию мира. Профессор Гейдельбергского университета Г. Тилике пишет: «Кажется, что история грехопадения говорит о главенстве мужчины в смысле, расходящемся с рассказами о сотворении: *...он будет господствовать над тобою* (Быт. 3:16). Но здесь имеется в виду не повеление, а прогностическое проклятие: *в болезни будешь рождать детей* (Быт. 3:16); *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3:19). В этом контексте “господство” одного над другим является выражением не порядка творения, а беспорядка, нарушающего мир творения» [6, S. 511].

Немецкий исследователь Ветхого Завета Ф. Крюземан высказывает схожее мнение, утверждая, что фраза *он будет господствовать над тобою* (Быт. 3:16) описывает последствия греха, который нарушил порядок творения, установленный до грехопадения. Ф. Крюземан подчеркивает, что это утверждение не оправдывает угнетения, не прославляет страдания и не утверждает разрушения творения как некоего нового порядка. Наоборот, данный отрывок радикально описывает поврежденное состояние мира и отношений, вызванное грехопадением [7, S. 66–67].

Женщина начинает стремиться владеть своим мужем, а мужчина – властвовать над женою. И вот уже все готово для формирования концепции рабов и господ. Это не божественная перспектива развития человека. Однако Творец говорит, что так будет потому, что это является результатом, закономерностью, логикой развития всех предшествующих событий. Господь определяет последствия поступка, к которому грех привел человека: *...и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3:16). Адаму же он сказал: *...проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе...* (Быт. 3:17–18). В данном случае

¹⁰Трудные отрывки Библии: проклятие женщины [Электронный ресурс]. URL: <https://christian-culture.info> (дата обращения: 07.10.2020).

¹¹Толкования на Бытие 3:16. Ефрем Сирин, прп. // Азбука веры : портал. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Gen.3:16&ru> (дата обращения: 07.10.2020).

зависимость является бивалентной. С одной стороны, это подчинение и все формы зависимости женщины от мужчины. С другой стороны, это очень опасная зависимость, заложником которой является и мужчина. Иными словами, женщина в своей зависимости от мужчины делает зависимым и мужчину, тем самым она нередко ставит его в опасное положение. И чем более женщина зависима, тем ближе она к мужчине и тем опаснее ее влияние. В Книге притчей Соломоновых говорится о непостижимости и загадочности этих отношений: *Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице (Притч. 30:18–19)*. Пунктом сравнения названных образов может быть неприметность их движения, загадочность и непонятность. П. Н. Евдокимов, основываясь на Священном Писании, отмечает, что разделение между мужским и женским составляет не физиологическую или психологическую проблему, а духовную проблему. Она относится к области основной тайны и охватывает человеческое существо в целом [8, с. 152].

После грехопадения человек утратил ту власть и господство над природой, которая обеспечивалась ему до грехопадения в силу его особой близости с Богом. Человек, привыкший властвовать и повелевать, не находит больше повиновения во внешней природе. Природа проклята из-за него, растит ему терния и волчцы вместо зерна. Человек – мужчина и женщина – сохраняет свои амбиции и привычку властвовать, но, не находя полного подчинения во внешней природе, переключает свои властные амбиции на отношения с другими людьми. Таким образом, властность становится выражением внутренней беспомощности. В результате происходит взаимная борьба за власть: мужчина пытается утвердить свое превосходство, а женщина либо осознает свою зависимость, либо начинает проявлять власть более незаметно.

Заключение

Еврейское слово *לְרָצוֹן* в 16-м стихе 3-й главы Книги Бытия получает новое семантическое наполнение. Оно начинает обозначать не просто влечение, а измененные отношения, в которых присутствует элемент власти и зависимости. Повторное употребление этой лексемы в 7-м стихе 4-й главы Книги Бытия указывает на то, что грех представлен как активная сила, стремящаяся овладеть человеком. Данная параллель показывает, что влечение, если оно не обуздано, может превратиться в разрушительный и подчиняющий импульс. Подобно тому как женщина оказывается в зависимости от мужчины (*Быт. 3:16*), человек рискует оказаться в зависимости от греха (*Быт. 4:7*). В обоих контекстах слово *לְרָצוֹן* функционирует как выражение динамики власти, отражающей последствия грехопадения. В 10-м стихе 7-й главы Песни песней номинация *לְרָצוֹן* вновь приобретает положительное значение, указывая на взаимное влечение и гармоничные отношения между возлюбленными. Такая смена контекста может свидетельствовать о возможности восстановления утраченной гармонии, в которой влечение перестает быть инструментом подчинения и вновь становится выражением взаимной любви.

Разная передача слова *לְרָצוֹן* при переводе Библии на различные языки связана не только с лингвистическими нюансами, но и с богословскими представлениями, которые существовали в эпоху создания переводов.

В синодальном переводе Библии представлен такой русский коррелят анализируемого еврейского слова, как лексема *влечение*. Она довольно точно передает оригинальный смысл. Однако в толкованиях акцент делается не на силе желания, а на факте подчинения женщины мужчине. В ряде новых переводов Библии на русский язык тешука интерпретируется как стремление властвовать, что меняет смысл стиха. Такой перевод отражает современные богословские взгляды, согласно которым женщина не только испытывает зависимость от мужчины, но и стремится овладеть им. Эта интерпретация является довольно спорной, так как она не соответствует более ранним переводам.

На греческий язык слово *לְרָצוֹן* было переведено лексемой *ἀποστροφή* ‘обращение, поворот’. Оно потеряло эмоциональную окраску и приобрело смысл изменения направления воли: женщина больше не стремится к Богу, но теперь ее ориентиром является мужчина. В Септуагинте указывается на то, что зависимость женщины от мужчины после грехопадения рассматривается не как страсть, а как изменение вектора ее стремления.

При переводе лексемы *לְרָצוֹן* на латинский язык (*desiderium* ‘желание, страсть, стремление’) она приобрела значение желания, которое женщина испытывает к мужчине. В Вульгате отражается усиление эмоционального аспекта, а также присутствует намек на греховную природу влечения, что согласуется с представлениями средневековой католической традиции.

Различия в переводе еврейского слова *לְרָצוֹן* на различные языки показывают, как исторический контекст и богословские традиции влияли на интерпретацию понятия «тешука». Данный факт доказывает, что понимание библейского текста невозможно без учета языковых, культурных и догматических факторов.

Библиографические ссылки

1. Migne JP. *Patrologia. Tomus 23*. Parisus: [s. n.]; 1845. 1596 p.
2. Sancti Aurelii Augustini. De civitate dei. In: Migne JP. *Patrologia. Tomus 41*. Parisus: [s. n.]; 1845. p. 13–804.
3. Грудом У, редактор. *Библейские основания для мужчин и женщин*. Москва: Благодать; 2011. 398 с.
4. Кулаков МП, Кулаков ММ, редакторы. *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе*. Москва: Издательство Библейско-богословского института святого апостола Андрея; 2015. 1856 с. (Современная библеистика).
5. Иоанн Златоуст. *Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том 1, Беседы на Книгу Бытия*. Москва: Ковчег; 2006. 912 с.
6. Thielicke H. *Theologische Ethik. Band II, Entfaltung. Teil 1, Mensch und Welt*. Tübingen: J. C. B. Mohr; 1959. 511 S.
7. Crüsemann F. «...Er aber soll dein Herr sein» (Genesis 3,16). Die Frau in der patriarchalischen Welt des Alten Testaments. Im: Thyen H, Herausgeber. *Als Mann und Frau geschaffen*. Gelnhausen: [s. n.]; 1978. S. 13–106.
8. Евдокимов ПН. *Женщина и спасение мира: о благодатных дарах мужчины и женщины*. Кырлежев АИ, редактор; Кузнецова ГН, переводчик. Минск: Лучи Софии; 2009. 272 с.

Статья поступила в редколлегию 30.09.2025.
Received by editorial board 30.09.2025.

РЕЧЕВАЯ МОДЕЛЬ «КОНСТРУКЦИИ С МОДАЛЬНЫМИ ЛЕКСЕМАМИ НАДО, НУЖНО, ДОЛЖЕН» КАК СПОСОБ КОСВЕННОГО ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Н. А. МИХАЛЬЧУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Доказывается, что на частоту использования в художественном тексте речевой модели косвенного выражения побуждения «конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*», а также на выбор частных побудительных значений и способов речевого оформления высказываний влияют следующие факторы: тема произведения, разновидность поэтики писателя, тип изображаемых языковых личностей, их социальная принадлежность, историческая эпоха написания произведения, обусловившая общественную систему ценностей, ситуацию в политической, культурной и экономической сферах жизни. Выявляется специфика репрезентации указанной речевой модели в русской прозе XX–XXI вв.

Ключевые слова: непрякая камуникацыя; косвенное выражение побуждения; коммуникативная интенция.

МАЎЛЕНЧАЯ МАДЭЛЬ «КАНСТРУКЦЫІ З МАДАЛЬНЫМІ ЛЕКСЕМАМІ ТРЭБА, ПАВІНЕН» ЯК СПАСАБ УСКОСНАГА ВЫКАЗВАННЯ ПАБУДЖЭННЯ Ў МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ

Н. А. МІХАЛЬЧУК^{1*)}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Даказваецца, што на частату выкарыстання ў мастацкім тэксце маўленчай мадэлі ўскоснага выказвання пабуджэння «канструкцыі з лексемамі *трэба, павінен*», а таксама на выбар прыватных пабуджалых значэнняў і спосабаў маўленчага афармлення выказванняў уплываюць наступныя фактары: тэма твора, разнавіднасць паэтыкі пісьменніка, тып моўных асоб, якія адлюстроўваюцца, іх сацыяльная прыналежнасць, гістарычная эпоха напісання твора, якая абумовіла грамадскую сістэму каштоўнасцей, сітуацыю ў палітычнай, культурнай і эканамічнай сферах жыцця. Выяўляецца спецыфіка рэпрэзентацыі названай маўленчай мадэлі ў рускай прозе XX–XXI стст.

Ключавыя словы: непрамая камунікацыя; ўскоснае выказванне пабуджэння; камунікатыўная інтэнцыя.

Образец цитирования:

Михальчук НА. Речевая модель «конструкции с модальными лексемами *надо, нужно, должен*» как способ косвенного выражения побуждения в художественном тексте. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025; 3:53–64.
EDN: NEJDBB

For citation:

Mikhalchuk NA. Speech model «constructions with modal lexemes *need, must*» as a way of indirect expression of motivation in literary text. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;3:53–64. Russian.
EDN: NEJDBB

Автор:

Наталья Александровна Михальчук – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Natalia A. Mikhalchuk, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology.
n-mihalchuk@list.ru

SPEECH MODEL «CONSTRUCTIONS WITH MODAL LEXEMES NEED, MUST» AS A WAY OF INDIRECT EXPRESSION OF MOTIVATION IN LITERARY TEXT

N. A. MIKHALCHUK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. It is demonstrated that the frequency of use the speech model of indirect expression of motivation «constructions with lexemes *need, must*» in literary text, as well as the choice of specific incentive meanings and methods of speech formulation are influenced by the following factors: the theme of the text, the writer's poetics, the type of depicted linguistic personalities, their social affiliation, the historical era of writing the work, which determined the social system of values, the situation in the political, cultural and economic spheres of life. The specific representation of this speech model in Russian prose of the 20th and 21st centuries is revealed.

Keywords: indirect communication; indirect expression of motivation; communicative intention.

Введение

Вслед за В. В. Дементьевым мы определяем непрямую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [1, с. 5]. В качестве разновидности не прямой коммуникации ученые выделяют косвенные речевые акты. К ним относятся «случаи, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции» [2, с. 107–108]. Таким образом, дифференциальным признаком, позволяющим фиксировать косвенность, будем считать потенциал употребления речевого акта с двумя иллокутивными функциями – сообщением и побуждением.

Побуждение представляет собой частотную и показательную интенцию в структуре диалога. По мнению Н. И. Формановской, побудительность выступает одним из «целеполаганий говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [3, с. 188]. Намерение побуждения может быть репрезентировано при помощи различных речевых моделей. Под речевой моделью понимается типизированный, общепринятый в определенном лингвокультурном сообществе способ семантико-грамматического выражения прагматического значения. Следует подчеркнуть, что речевая модель косвенного выражения побуждения «конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*» в виде повествовательного предложения до сих пор являлась объектом изучения в единичных научных работах.

В первую очередь необходимо отметить статьи Н. А. Печниковой, в которых анализируемый способ репрезентации побуждения характеризуется наряду с другими способами. В частности, автор обращает внимание на большую действенность данных высказываний по сравнению с параллельными императивными речевыми актами, объясняя ее наличием компонента убеждения, а также акцентированием в этих речевых формах общественной значимости действия [4; 5]. Сопоставительное исследование русского и английского стилей коммуникации, проведенное Т. В. Лариной, показывает факт высокой употребительности конструкций с лексемами модальной оценки *надо, нужно, должен* в значении побуждения в русском обиходно-бытовом общении при категоричности, импозитивности этого способа выражения интенции [6]. Примечательно, что в трудах Н. И. Формановской [3], Ц. Саранцацрал¹ и В. Е. Иосифовой², в которых дается подробное описание способов непрямого выражения побуждения в русском языке, речевая модель «конструкции с модальными средствами со значением необходимости и долженствования» не называется среди других моделей и не описывается.

Результаты настоящего исследования показывают исключительную важность речевой модели «конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*» для русской художественной прозы XX–XXI вв.: указанный способ репрезентации побуждения является самым частотным среди косвенных реализаций намерения в виде высказываний с иллокутивной функцией сообщения, будучи представленным в диалогическом общении персонажей перечнем речевых воплощений частных побудительных значений. В таких высказыва-

¹Саранцацрал Ц. Способы выражения побуждения в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 1987. 26 с.

²Иосифова В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. М., 2011. 33 с.

ниях говорящий выражает свое мнение, дает оценку предполагаемому действию (необходимость или долженствование его совершения адресатом), однако коммуникативной целью является не собственно оценка, а последующее выполнение (невыполнение) действия собеседником. Лексемы *надо*, *нужно*, *должен* выражают категоричность оценки говорящего и, следовательно, категоричность побуждения. Данную речевую модель мы определяем как некооперативную, подразумевая, что она не нацелена на создание успешного бесконфликтного взаимодействия между коммуникантами.

В частном дискурсе при условии обращения старшего собеседника к младшему (по возрасту или статусу) или в случае наличия близких и доверительных отношений между коммуникантами косвенные речевые акты, порождаемые в соответствии с анализируемой моделью, могут не вызывать нарушения кооперации в общении. В качестве примера приведем реплику из разговора супругов:

– *Завтра поторопливаться надо*, – Василий поднимается. – *Ненастье будет*³ (Распутин, с. 197) ('поторопись'; предложение).

Если же указанные выше условия не соблюдаются, то высказывание может иметь своим следствием диссонанс в коммуникации, отказ от общения:

К нам подошла незнакомая девушка, по виду молдаванка, приехала на заработки. Услышала русскую речь и захотела поговорить на русском языке. Соскучилась.

– *Вы очень хорошо одеты*, – сказала она Сонечке.

– *А вам надо купить кардиган.*

– *У меня есть*, – сухо ответила я. А про себя подумала: «Тоже мне... ложкой. Будет советы давать...» (Токарева, с. 372) ('купите'; совет).

В художественном тексте благодаря интерпретационной поддержке в виде авторских комментариев, а также с учетом контекста и параметров ситуации получаем возможность определить интенцию в высказываниях с лексемами модальной оценки *надо*, *нужно*, *должен*, в качестве которой могут выступать как требование или приказ, так и просьба, совет, предложение, поучение, наставление. Авторские ремарки во многих случаях прямо или косвенно указывают на намерение говорящего и помогают интерпретатору:

– *Мне надо с тобой поговорить*, – *тихо ответила она, но голос ее звучал повелительно* (Вигдорова-2, с. 243) ('давай поговорим'; требование).

– *Тебе надо отдохнуть*, – *посоветовала Лара* (Токарева, с. 202) ('отдохни'; совет).

В диалоге художественного текста, как и в бытовом диалоге, структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики высказываний находятся в зависимости от следующих факторов: цели общения, темы, ситуации, степени ее официальности, языковых личностей говорящего и адресата [7, с. 430]. На наш взгляд, в художественном дискурсе к ним добавляются такие факторы, как тема литературного произведения, тип его поэтики, идейная проблематика, языковая личность автора и связанный с ней фактор идиостиля, время создания произведения (исторический опыт народа в рамках конкретной эпохи), ситуация в социально-политической и общественно-культурной жизни, система ценностей, мировоззрение в социуме. На выбор речевых форм влияют языковая личность персонажа (куртуазная, рационально-эвристическая, инвективная языковая личность⁴) и его принадлежность к социальной группе (интеллигенция, крестьяне, рабочие). Предполагаем, что комплекс данных причин существенно воздействует на частоту употребления анализируемой речевой модели косвенных высказываний в ту или иную эпоху, а также на предпочтение типов частных побудительных значений, способов языкового и коммуникативного оформления речевых актов.

В художественном тексте косвенные реализации намерений являются отражением истории и культуры времени. Для глубокого анализа не прямых высказываний в художественном дискурсе должна привлекаться экстралингвистическая информация, а именно необходимо учитывать особенности эпохи, в которую был написан текст, с ее ценностными приоритетами, социально-экономическими, политическими и культурными характеристиками.

Цель данной работы – выявление характерных черт косвенной реализации побуждения в форме речевой модели «конструкции с модальными лексемами *надо*, *нужно*, *должен*» в частном дискурсе в русской прозе XX–XXI вв., а также определение факторов, влияющих на частотность модели, выбор интенций и способов речевого оформления высказываний. Настоящее исследование проводится в русле коммуникативной лингвистики, в аспекте антропоцентрической научной парадигмы, на границе семантической и прагмалингвистической проблематики.

³Здесь и далее полужирный курсив в цитатах наш. – Н. М.

⁴Седов К. Ф. Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека : учеб. пособие. М. : Лабиринт, 2008. 318 с.

Материалы и методы исследования

В качестве материала для анализа были выбраны произведения русских писателей XX–XXI вв.: И. А. Бунина, А. И. Куприна, И. С. Шмелева, В. В. Вересаева, М. Горького, В. В. Набокова, М. А. Булгакова, Б. К. Зайцева, А. С. Грина, А. А. Фадеева, Н. А. Островского, К. А. Федина, М. А. Шолохова, Ф. А. Абрамова, В. Г. Распутина, В. Ф. Тендрякова, Ю. В. Трифонова, Ф. А. Вигдоровой, В. С. Маканина, С. Д. Довлатова, А. Г. Битова, Ю. М. Полякова, А. Н. Варламова, З. Прилепина, В. С. Токаревой. Фактический материал был исследован в рамках 1900–10-х гг., 1920-х гг., 1930–40-х гг., 1950–70-х гг., 1980–90-х гг., 2000–2025 гг. Основой для выделения данных временных промежутков послужила периодизация русской литературы в учебнике «История русской литературы XX века» под общей редакцией В. В. Агеносова⁵.

Анализу подлежала группа косвенных речевых актов со значением побуждения, репрезентированных речевой моделью «конструкции с модальными лексемами *надо*, *нужно*, *должен*» (общее число высказываний – 897). Изучение косвенных речевых актов проводилось в контексте диалога и нарративном контексте, представляющем реплику в диалоге. Высказывания отбирались методом сплошной выборки. Также при исследовании использовались методы контекстуального анализа, анализа и синтеза, а также количественный, компаративный и филологический методы (семантико-стилистический анализ).

Результаты и их обсуждение

Проанализируем косвенные речевые акты с обобщенным значением побуждения, оформленные в виде речевой модели «конструкции с лексемами модальной оценки *надо*, *нужно*, *должен*», в русской художественной прозе, акцентируя внимание на специфике данных высказываний в различные периоды XX–XXI вв.

Проза 1900–10-х гг. В русской прозе 1900–10-х гг. удельный вес конструкций с модальными лексемами *надо*, *нужно*, *должен* в значении побуждения в числе не прямых побуждений составляет 23 % (129 единиц). В литературе этого периода высказывания с модальными средствами, выражающими необходимость и долженствование, актуализированы при реализации темы воспитания младшего поколения старшим (М. Горький, И. С. Шмелев), темы бытовых и семейно-бытовых, приятельских отношений (М. Горький, И. С. Шмелев, В. В. Вересаев, И. А. Бунин, А. И. Куприн) и темы любовных отношений (И. А. Бунин, А. И. Куприн).

Тема воспитания является определяющей для воплощения интенции поучения. Как отмечает О. В. Хороордина, особенность интенции поучения – передача духовного опыта говорящим, душевная близость между коммуникантами [8, с. 535]. Поучения могут быть обращены не только к ребенку, но и к взрослым. В повестях и рассказах М. Горького насчитывается 25 косвенных речевых актов с данным значением:

Пошли домой, и дорогой она ласково говорила:

– *Все надо самому испытать, голуба душа, все надо самому знать... Сам не научишься – никто не научит...* (Горький, с. 201) ('испытай, узнай'; поучение).

При оформлении темы семейно-бытовых и приятельских отношений используются косвенные реализации совета, предложения, требования, реже просьбы. Так, в прозе А. И. Куприна регулярно отмечается интенция предложения, в произведениях И. С. Шмелева – интенция требования, в творчестве И. А. Бунина – интенция совета:

– *Нет, нет, браслет надо непременно отослать обратно!* – воскликнул Василий Львович (Куприн, с. 196) ('давайте отошлем'; предложение).

Потом отдыхался и опять:

– *Груб он и дерзок! Не внушают ему дома! Надо обязательно внушать и следить!..* (Шмелев, с. 81) ('внушайте, следите'; требование).

А Тихон Ильич решил да и докончил:

– *Да и жениться пора. <...> Только, брат, имей в виду, – жениться надо с умом* (Бунин-2, с. 47) ('женись'; совет).

Диссонанс в любовной сфере находит отражение в косвенной вербализации интенций требования и запрещения:

– *Разойтись нам надо*, – ответила я (Бунин-1, с. 308) ('давай разойдемся'; требование).

– *<...> Ты меня завлекла, приучила к себе. Ты должна подождать – я помру скоро. А уйдешь – я удавлюсь* (Бунин-2, с. 189) ('подожди, не уходи'; требование).

⁵История русской литературы XX века : учеб. для академ. бакалавриата : в 2 ч. Ч. 1 / В. В. Агеносов [и др.] ; под общ. ред. В. В. Агеносова. М. : Юрайт, 2015. 795 с.

– *Милый, милый, не надо!..* – она взяла обе его руки и крепко сжимала их, глядя прямо ему в глаза (Куприн, с. 142) ('не делай этого'; запрещение).

На выбор типа коммуникативных интенций влияет такой фактор, как разновидность поэтики литературного произведения, предполагающая эксплицитность или имплицитность в выражении идейного, философского содержания в диалогах. В зависимости от этого могут быть выбраны интенции, побуждающие к физическим и ментальным действиям (совет, предложение, наставление и т. д.) или только к ментальным действиям (поучение, утешение, наказ).

В ряде произведений идейное содержание выражается преимущественно в подтексте (имплицитно) или авторском повествовании, а диалоги носят бытовой характер. Данное обстоятельство обуславливает частотность побуждений к физическим действиям. В русской прозе 1900–10-х гг. такой тип поэтики свойствен текстам И. С. Шмелева и И. А. Бунина:

А Луша все пристаёт:

– *Домик обязательно надо...* (Шмелев, с. 91) ('купи'; просьба).

– *Корней, – говорю я, как только Корней показывается, с лошадьми из-под горы, – надо ехать!* (Бунин-1, с. 267) ('давай поедem'; требование).

Если говорящий делится с адресатом своими бытовыми умениями и навыками, дает практические советы, то такое намерение мы, вслед за О. В. Хорохординой, называем наставлением. В отличие от поучения, в основе которого лежит передача духовного опыта [8], наставление способствует организации бытового диалога:

– *Это что? Это разве рубка?* – говорил он с напускным пренебрежением. – *<...> Надо, дети мои, постоянно упражняться* (Куприн, с. 14) ('упражняйтесь'; наставление).

Возможен и другой вариант – выражение основополагающих идей в диалогах. В таком случае писатель стремится к реализации тех не указанных выше речевых намерений, которые побуждают адресатов к выполнению ментальных действий. Конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*, употребляемые в директивном значении в диалогах персонажей, – удобная форма для авторского выражения ключевых идей произведения. Данная разновидность поэтики характерна для текстов М. Горького, В. В. Вересаева и А. И. Куприна:

...жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел... (Горький, с. 252) ('жалей'; поучение).

– *Терпеть надо, Олеша!*

Это – все, что она могла сказать мне в ответ... (Горький, с. 376) ('терпи'; наказ).

– *Нужно быть только добросовестным работником, не смотреть на жизнь свысока, не презирать ее! Не презирать чужой души, не презирать чужой логики!* (Вересаев, с. 133) ('стань таким'; поучение).

– *Хлебников, тебе плохо? И мне нехорошо, голубчик, мне тоже нехорошо, поверь мне. Я ничего не понимаю из того, что делается на свете. Все – какая-то дикая, бессмысленная, жестокая чепуха! Но надо терпеть, мой милый, надо терпеть...* (Куприн, с. 196) ('терпи'; утешение).

В большинстве случаев анализируемая модель используется в кооперативных контекстах, что наблюдается в прозе М. Горького, В. В. Вересаева, И. А. Бунина и частично в произведениях И. С. Шмелева и А. И. Куприна. Дополнительно могут быть актуализированы средства митигации, которые отмечаются главным образом в прозе М. Горького, А. И. Куприна и И. А. Бунина. Наличие этих средств обусловлено куртуазным, кооперативным типом языковой личности, темой произведения и речевой ситуацией. Наиболее частотными являются следующие способы выражения митигации:

- включение в авторские ремарки характеристик невербальных средств, смягчающих реализации интенций. Ср.:

Посадил на колени и, уткнувшись теплой, мягкой бородой в щеку мне, занятно рассказал:

– *Дядя твой жену насмерть забил, замучил, а теперь его совесть дергает, – понял? Тебе все надо понимать, гляди, а то пропадешь!* (Горький, с. 33);

- употребление конструкций с предикативом *надо* в сослагательном наклонении. Ср.:

Почти каждый день говорили:

– *Надо бы его в больницу свезти!* (Горький, с. 368).

– *Про деревню бы надо, про народ, – сказал Кузьма* (Бунин-2, с. 56).

Проза 1920-х гг. В русской прозе 1920-х гг. доля высказываний со средствами выражения модальности *надо, нужно, должен* в числе не прямых побуждений составляет 9 % (72 единицы), что свидетельствует об уменьшении использования исследуемых речевых форм в данный отрезок времени по сравнению с предыдущим периодом. Этот факт можно объяснить выбором для анализа произведений, в которых персонажами являются представители интеллигенции, чей дискурс, как правило, характеризуется наличием кооперативных способов речевого воздействия. Рассматриваемый тип речевых конструкций не соответствует общему прагматическому фону литературных произведений.

Как и в прозе 1900–10-х гг., в текстах 1920-х гг. преобладают некатегоричные интенции. Некатегоричность избираемых интенций обуславливается принадлежностью персонажей к куртуазному (А. С. Грин, Б. К. Зайцев) либо рационально-эвристическому (В. В. Набоков, М. А. Булгаков) типу языковой личности⁶, для дискурсов которых характерна коммуникативная модель избегания конфликтов. Так, в прозе В. В. Набокова употребительными интенциями являются совет и предложение, Б. К. Зайцев же предпочитает интенцию совета, а А. С. Грин – интенцию предложения:

– *Вам надо выспаться, Алексей Иванович* (Набоков-1, с. 108) ('выспитесь'; совет).

«Все равно, – сказал Курт. – Его тоже надо отвезти» (Набоков-2, с. 84) ('давай отвезем'; предложение).

К концу июля он собрался. На прощание говорил мне:

– *Вы зимой должны серьезнее заняться пением* (Зайцев, с. 395) ('займитесь'; совет).

– *Вот и дерево, вот мы и пришли к нему. Только это надо сделать, когда стемнеет* (Грин, с. 62) ('давай сделаем'; предложение).

Отдельного рассмотрения требует творчество М. А. Булгакова – автора исторически достоверной прозы о противоречивости 1920-х гг. в России, непосредственного свидетеля социально-политических преобразований, происходивших в эту эпоху. В диалогах из его произведений отражаются категоричные интенции требования и запрета, косвенные реализации которых участвуют в речевом воплощении темы противостояния между социальными классами: представителями «уходящей» России, дворянством и пролетариатом, занявшим после 1917 г. ключевые позиции в обществе. Приведем пример, в котором интенция требования актуализируется не только за счет употребления предикатива *нужно*, но и за счет коммуникативного контекста и авторских комментариев (*перекричал, гремел*):

– *Вы стоите на самой низшей ступени развития, – перекричал Филипп Филиппович...*

<...>

– *Ну, вот-с, – гремел Филипп Филиппович, – зарубите себе на носу... что вам нужно молчать и слушать, что вам говорят. Учиться и стараться стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом социального общества* (Булгаков, с. 314) ('молчите, слушайте, учитесь, старайтесь'; требование).

Примечательна отчасти парадоксальная прагматика романа В. В. Набокова «Защита Лужина»: при философском содержании в тексте произведения присутствует речевая коммуникация исключительно бытового характера. Соответственно, исследуемая разновидность конструкций в романе выражает побуждение только к физическим действиям, притом что ключевые авторские идеи содержатся в подтексте:

...господин не дал ему додуматься и ласково сказал: «Вы должны лежать тихо. Отдыхайте. Побольше спите» (Набоков-2, с. 93) ('лежите'; требование).

«Когда можно взять короля, это называется шах; когда ему некуда сунуться, это – мат. Ты должен, значит, взять моего короля, а я твоего» (Набоков-2, с. 23) ('возьми'; наставление старшего младшему).

«Но одно нужно сделать непременно, – сказала она решительно. – Мы должны поехать на кладбище...» (Набоков-2, с. 120) ('давай поедем'; предложение).

Проза 1930–40-х гг. В русской прозе 1930–40-х гг. выявлено увеличение объема косвенных реализаций интенции побуждения, оформленных в виде конструкций с модальными лексемами *надо, нужно, должен*, по сравнению с предыдущими периодами: удельный вес данных речевых форм в числе не прямых побуждений составляет 32 % (226 единиц). Названная тенденция связана с особенностями общественной системы ценностей, которая предполагает приоритет общественного над личным, важность гражданского долга, высокую значимость индивидуальной ответственности за судьбу страны и народа. Внимание человека сконцентрировано на своем и чужом долге, а не на правах. Вследствие этого формируется специфический коммуникативный стиль эпохи: языковая личность высказывается не о своих желаниях и возможностях, не о том, что было бы желательно выполнить адресату и что он может сделать,

⁶Седов К. Ф. Онтопсихолингвистика... 318 с.

а преимущественно о том, что должны воплотить в жизнь он сам и слушающий, что им необходимо осуществить. Для языковой личности 1930–40-х гг. характерны сухость, категоричность, импозитивность реплик, что соответствует ключевым установкам человека на следование долгу и побуждение к этому других, а также на защиту Родины, подчинение вышестоящим, тщательное выполнение работы и требование ответственности от адресатов коммуникации.

В русской прозе 1930-х гг. воплощается тема социально-экономических преобразований в деревне (М. А. Шолохов), наблюдается возвращение к теме Гражданской войны (Н. А. Островский). В 1940-х гг. основополагающими элементами в литературном процессе являются отражение и осмысление событий Великой Отечественной войны (А. А. Фадеев). В прозе К. А. Федина 1940-х гг. на первый план выходят тема семейно-бытовых отношений («Первые радости», «Необыкновенное лето») и тема взаимоотношений в сфере медицины («Санаторий Арктур»).

Тематический диапазон и идейная проблематика произведений обуславливают преобладание императивной интенции требования в диалогах персонажей произведений (62 единицы):

– <...> **Ты должен руководить, а не за плугом ходить!** Ты – председатель колхоза... (Шолохов, с. 275) ('руководи'; требование).

– **К немцам не надо применяться, надо заставить их применяться к нам.** – Олег едва сдерживал себя и избегал смотреть на Стаховича (Фадеев, с. 349) ('не применяйтесь'; требование).

Также частотной интенцией является категоричное предложение (50 единиц). Оно отражает стремление личности к совместному осуществлению действий и единению с людьми, такое мировоззрение, при котором коллектив более важен, чем отдельный человек, ведь только вместе с другими можно победить врага или внедрить новую политику коллективизации:

– **Бабочки! Тетушки!** <...> **Сеять надо, а не митинговать** (Шолохов, с. 248) ('давайте будем сеять'; категоричное предложение).

– **Нам, девушкам, надо освободить своих мальчишек,** – твердо сказала она (Фадеев, с. 628) ('давайте освободим'; категоричное предложение).

В рассматриваемый период снижается роль просьбы в коммуникативной структуре текста. Например, в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» не было выявлено ни одного примера осуществления просьбы в виде конструкций с модальными лексемами *надо, нужно, должен*.

В русской прозе 1930–40-х гг. актуализируются побудительные высказывания, в которых опущены как личные местоимения, так и обращения, называющие адресата: удельный вес подобных речевых форм в числе косвенных побуждений, выявленных в анализируемый период, составляет 68 %. Отсутствие указания на адресата свидетельствует о снижении значимости личностного начала в коммуникации:

– <...> **Надо бросать по старинке ходить за скотом!** Подо все мы должны подвести научную основу (Шолохов, с. 166) ('бросайте'; требование).

Для литературы описываемого периода характерно не снижение, а усиление категоричности высказываний. Назовем основные используемые способы повышения категоричности косвенных реализаций интенций:

- частотное употребление восклицательных предложений. Ср.:

– <...> Ты успокойся, и пойдем на собрание. **Надо здорово агитнуть против убоя!** (Шолохов, с. 127) ('давай агитировать'; предложение).

– <...> **Надо баню сделать для колхоза, вот это да!** Устроим, факт! (Шолохов, с. 123) ('давай сделаем'; предложение).

– **Тебе надо бежать,** – сказала Уля, – **да, да, бежать!** (Фадеев, с. 332) ('беги'; категоричный совет);

- актуализация лексических повторов. Ср.:

– **Вот что надо использовать!** – сказал он, остановившись против Любки, и снова зашагал из угла в угол. – **Это все, все надо объяснить народу,** чтобы он не боялся их и научился их обманывать. **Народ надо организовать,** – он сам даст из себя силы... <...> **Надо идти на шахты...** (Фадеев, с. 399) ('используйте, объясните, организуйте, идите'; призыв).

В русской прозе 1930–40-х гг. отмечаются побуждения как к физическим, так и к ментальным действиям, что свидетельствует об органическом единстве физической и ментальной сфер у личности в ситуации исполнения гражданского долга. Например, в романе А. А. Фадеева «Молодая гвардия» наряду

с побуждениями, основанными на передаче духовного опыта, регулярно используются директивные речевые акты, относящиеся к области физических действий:

– *И я тоже так думаю, – сказал Анатолий. – Надо делать то, что проще и ближе всего ведет к цели* (Фадеев, с. 394) ('делайте'; поучение).

– <...> *Тебе надо немедленно спрятаться... Они могут вот-вот хлынуть на нашу улицу!* (Фадеев, с. 156) ('спрячься'; требование).

В прозе Н. А. Островского 1930-х гг. наблюдается увеличение числа конфликтных речевых актов с модальными лексемами *надо, нужно, должен*. Данное обстоятельство обусловливается темой военных событий, экстраординарными ситуациями в общественной жизни и типами языковых личностей героев:

Булгаков неодобрительно посмотрел на него:

– *Драться надо с толком, Ермаченко* (Островский, с. 26) ('дерись с толком'; поучение с оттенком неодобрения).

В творчестве К. А. Федина 1940-х гг. прослеживается тенденция к смягчению коммуникативных интенций, что объясняется принадлежностью персонажей к кооперативному типу языковой личности и темой произведений. К одному из основных способов выражения митигации в его прозе относится синонимическая замена модальных лексем со значением необходимости и долженствования:

– *Вам предоставляется обдумать и решить* (Федин, с. 51).

– *Артуру придется расстаться с Вами, мадам* (Федин, с. 75).

– *...но сейчас вам следовало бы лежать на балконе* (Федин, с. 82).

Проза 1950–70-х гг. В русской прозе 1950–70-х гг. доля высказываний со значением необходимости и долженствования, используемых в значении побуждения, в числе не прямых конструкций составляет 16 % (195 единиц). В литературе данной эпохи формируются такие основные направления, как деревенская проза и городская проза. Каждое из этих направлений характеризуется тематической и коммуникативной общностью.

В центре внимания авторов деревенской прозы находятся тема организации сельского хозяйства и тема дружеских, соседских и семейных отношений (Ф. А. Абрамов, В. Г. Распутин), что определило частое использование побудительных интенций предложения и совета, репрезентированных конструкциями с лексемами *надо, нужно, должен*. Предложение было актуализировано в литературе 1930–40-х гг., и оно по-прежнему является значимым в прозе 1950–70-х гг. Что касается роли совета, то она увеличилась. Частотность употребления конструкций с интенцией требования, отмеченная в предыдущую эпоху, снизилась.

Предпочтение интенции предложения (42 единицы у Ф. А. Абрамова и В. Г. Распутина) объясняется коллективистским мироощущением, нацеленностью личности на совместную деятельность:

Лукашин первый пришел в себя:

– *Товарищи, горячку в таком деле пороть нельзя. Надо все взвесить, с райкомом посоветоваться* (Абрамов, с. 47) ('давайте взвесим, посоветуемся'; предложение).

– *Надо выручать из беды мужика. Согласна?* (Абрамов, с. 227) ('давай будем выручать'; предложение).

– <...> *Пока в магазине белая есть, надо, однако, взять. А то если завтра деньги привезут, ее всю перетачат* (Распутин, с. 441) ('давай сделаем'; предложение).

Выраженность совета (20 единиц у Ф. А. Абрамова и В. Г. Распутина) связывается с важностью для личности участия в жизни другого, взаимоподдержки как среди членов семьи, так и среди жителей деревни. Приведем фрагмент разговора соседей из произведения «Братья и сестры» Ф. А. Абрамова, лейтмотивом которого является единство жителей села в послевоенные годы:

И Настя, с трудом узнавая себя, примирительно сказала:

– *Чего уж теперь... О ребенке думать надо...* (Абрамов, с. 144) ('думай о ребенке'; совет).

Требование, репрезентированное конструкциями с модальными словами *надо, нужно, должен*, обнаруживается всего в 9 примерах, что свидетельствует о снижении категоричности коммуникации в литературе 1950–70-х гг. по сравнению с прозой 1930–40-х гг.:

Лукашин недобрый голосом закричал:

– *Есть у нас первая заповедь – знаете? Ну и баста! Выполнять надо...* (Абрамов, с. 506) ('выполняй'; требование).

Преимущественная проявленность побуждений к ментальным действиям в прозе Ф. А. Абрамова и к физическим действиям в творчестве В. Г. Распутина объясняется особенностями идиостилей писателей.

В рамках городской прозы (Ю. В. Трифонов, Ф. А. Вигдорова, В. Ф. Тендряков) при репрезентации побуждения посредством конструкций с предикатами *надо*, *нужно*, *должен* писатели обращаются к теме взаимоотношений между представителями одной профессии (в редакции, школе, университете, больнице) и теме семейно-бытовых отношений. В этих текстах отмечается усиление роли интенции просьбы, что объясняется тенденцией к вежливому общению в речи городской интеллигенции (18 единиц). Так, в прозе Ю. В. Трифонова и Ф. А. Вигдоровой данное намерение является самым частотным:

Ольга Анисимовна, наклонясь к матери, сказала жалобно:

– *Мамочка, без тебя нельзя! Эшелон предназначен для старых большевиков и политкаторжан. Если тебя не будет, нас никто не возьмет. Я не возражаю, но ты должна понять...* (Трифонов, с. 220) ('пойми'; просьба).

– *Митя, пожалуйста... <...> Не надо говорить так много... Я не могу слышать того, что ты говоришь...* (Вигдорова-1, с. 273) ('не говори'; просьба).

В произведениях В. Ф. Тендрякова осмысление драматических ситуаций в частной жизни на фоне общественно-политических событий определяет выбор интенции требования как основной. В качестве примера приведем фрагмент из диалога юноши и его подруги, которую он просит отказаться от отца – врага советской власти:

Таня слушала меня и не возражала, сидела с опущенной головой:

– *Таня, ты должна выступить!* (Тендряков, с. 376) (' выступи'; требование).

В городской прозе, в отличие от деревенской прозы, наблюдается более заметное стремление к смягчению реализации интенций. В целом в прозе 1950–70-х гг. по сравнению с литературным творчеством 1930–40-х гг. усиливается роль средств выражения митигации, что объясняется наступлением мирного времени, стабилизацией общественно-политической жизни и социально-экономических преобразований в деревне, которые были начаты в 1930-х гг. и нашли отражение в конфликтной и категоричной коммуникации. Категоричность репрезентации речевой модели в прозе 1950–70-х гг. может снижаться с помощью следующих способов:

- обоснования побуждения. Ср.:

– *Что ж, Фомич, надо, – подал голос Женька. – Если хоть какое-то зерно не домолочено, то оставлять его гнить – преступление по теперешнему времени* (Тендряков, с. 469) ('домолотите все'; требование);

- включения юмористического высказывания в макроречевой акт побуждения. Ср.:

Сусанна предостерегающе вскинула раскрытую ладонь:

– *О делах не надо! За деловые разговоры штраф. Антипов, почему ты такой деловой?* (Трифонов, с. 257) ('не говори'; запрет);

- отражения вежливости и доброжелательности говорящего посредством невербальной коммуникации в авторских ремарках. Ср.:

Но затем Жерехов вдруг воскликнул, и его голубые старческие глаза от прилива любезности расширились:

– *Да! Вот с кем вам надо – с Невядомским!* (Трифонов, с. 23) ('пообщайтесь с ним'; совет);

- использования диминутивов в качестве обращений. Ср.:

– *Сашенька, – услышала она Митин голос, – право же, не надо так огорчаться* (Вигдорова-1, с. 300) ('не огорчайся'; просьба);

- подчеркивания бенефактивности речевого действия, осознаваемой всеми участниками диалога. Ср.:

Валя сказала строго:

– *Вам надо лежать. Нижнее девяносто пять – это много* (Трифонов, с. 111) ('лежите'; требование).

Проза 1980–90-х гг. В прозе 1980–90-х гг. удельный вес побуждений, выраженных посредством высказываний с модальными лексемами *надо*, *нужно*, *должен*, в числе не прямых директивных речевых актов составляет 16 % (98 единиц). Основными темами, при раскрытии которых используются данные единицы, являются тема семейно-бытовых, дружеских и любовных отношений (В. С. Маканин, С. Д. Довлатов, А. Г. Битов), тема отношений между коллегами (В. С. Маканин, С. Д. Довлатов) и тема криминальной деятельности (В. С. Маканин, С. Д. Довлатов).

Общая тенденция к демократизации речевого общения, коммуникативной раскованности в 1980–90-х гг., сформировавшаяся в результате смены политического режима в стране, установления демократической формы правления, является причиной возникновения перечня частотных интенций в прозе данного периода (без явного преобладания одного значения). Коммуникативная свобода выражается в отсутствии доминантных прагматических значений. То или иное речевое намерение осуществляется в контексте прежде всего в зависимости от темы текста, описываемых типов языковых личностей и речевой ситуации.

Как показывает анализ фактического материала, в произведениях актуализируются интенции предложения (28 единиц), просьбы (24 единицы), требования (23 единицы), совета (16 единиц) и наставления (5 единиц):

Он говорил:

– *Нас мало. Мы разобщены и одиноки. Мы должны объединиться на почве русской культуры* (Довлатов, с. 71) ('давайте объединимся'; предложение).

– *За телефон бы надо уплатить*, – сказала Маруся (Довлатов, с. 121) ('уплати'; просьба).

– *Напою, напою...* – *Аглая Андреевна улыбается.* – *Но знаете ли, мой чай надо ценить* (Маканин-3, с. 55) ('цените'; шутливое требование).

– *Пошли, пошли. Ты с дороги. Тебе надо принять душ* (Битов, с. 415) ('прими'; совет).

И учит меня самоварной мудрости:

– *Чай надо заваривать в белом кипятке. Ты не знал?* (Маканин-1, с. 27) ('заваривай'; наставление).

Следует отметить факт стремления языковых личностей к использованию средств выражения митигации, что связано с ключевой ролью интеллигенции в литературе и обществе. Регулярно отмечаемыми способами смягчения речевых воплощений побуждения являются употребление конструкций с предикативом *надо* в сослагательном наклонении и указание на смягчение вербализации намерений в авторских комментариях:

– *Стаканы надо бы вернуть*, – говорю (Довлатов, с. 364).

– *Надо, надо зайти. На пятом этаже. Иначе они обидятся, Веня!* – *смеюсь я* (Маканин-2, с. 103).

Проза 2000–2025 гг. В русской прозе XXI в. доля косвенных реализаций интенции побуждения в форме высказываний с предикативами со значением необходимости и долженствования в числе прямых побуждений составляет 18 % (177 единиц). Речевые акты обнаруживаются при отражении широкого перечня тем. Основными темами являются тема взаимодействия творческих личностей (Ю. М. Поляков), тема частных взаимоотношений, обусловленных противоречиями эпохи (А. Н. Варламов), тема семейно-бытовых (В. С. Токарева, З. Прилепин, Ю. М. Поляков) и приятельских (З. Прилепин, Ю. М. Поляков) отношений и тема любовных контактов (В. С. Токарева, Ю. М. Поляков, З. Прилепин, А. Н. Варламов).

В качестве общей особенности репрезентации речевой модели в творчестве писателей исследуемого периода необходимо отметить снижение роли средств выражения митигации. Наличие этой черты объясняется демократизацией речевого общения и тенденцией к огрублению речи [9].

Выделяются интенции, отличающиеся высокой степенью индивидуализации. В творчестве Ю. М. Полякова частотна интенция предложения. Данный факт связан с темой произведений и демократичностью, паритетностью контактов в творческой среде:

– *Понимаете, Андрей Львович, чтобы написать приличный сценарий, нам надо сойтись поближе* (Поляков, с. 147) ('давайте сойдемся'; предложение).

В прозе А. Н. Варламова преобладают значения директивного отказа и запрета. Частотность употреблений конструкций с такой семантикой определяется сложностью описываемых коллизий межличностных отношений, в которых частное объединяется с общественным, историческим:

– *Не надо нам от вас никакой помощи, не надо ни вашей поддержки, ни вашей солидарности, не надо признаний в любви, ничего нам от вас не надо*, – сказала она, и слова ее таким ужасным диссонансом прозвучали в этой милой студии на Новом Арбате, где собрались все свои (Варламов, с. 440) ('не помогайте'; отказ).

Интенция совета преобладает в рассказах З. Прилепина, отражающих межличностные контакты в XXI в., и прозе В. С. Токаревой, посвященной семейной и любовной темам:

– *За своих надо заступаться!* – посоветовал ему Грех, наклонив над упавшим свое туловище... (Прилепин, с. 56) ('заступайся'; совет).

– *Люся*, – обратилась она ко мне. – *Надо взять себя в руки* (Токарева, с. 771) ('возьми себя в руки'; совет).

В прозе ХХI в. отмечается увеличение числа конфликтных речевых высказываний, контекстов, имеющих диссонанс в диалогах либо находящихся на грани унисона – диссонанса, что свидетельствует об изменении тенденции 1980–90-х гг. к кооперативному и вежливому общению. Речевая модель репрезентируется в некооперативных контекстах преимущественно в прозе Ю. М. Полякова и А. Н. Варламова, что обусловлено игровой природой, тотальной иронией в произведениях первого автора и драматизмом личных судеб, исторических событий в текстах второго автора:

– *Не надо иронии! Мы не виноваты, что талантливы, – упрекнул правдоискатель* (Поляков, с. 967) ('не иронизируй'; запрет).

– *Не надо восхищаться нашим языком, нашими песнями, стихами и нашей культурой*⁷ (Варламов, с. 440) ('не восхищайтесь'; отказ).

В творчестве В. С. Токаревой употребительность интенции совета предопределяется общим прагматическим фоном доброжелательности и соучастия. Так, героини произведений помогают и сопереживают другим:

– *Вам надо уехать куда-нибудь, – сказала домработница Тане. – Сменить обстановку. Поменять картинку перед глазами...* (Токарева, с. 242) ('поезжайте, смените обстановку'; совет).

Т. В. Ларина указывает на то, что совет воспринимается русскими людьми не как бестактность, а как форма проявления заботы [6]. В то же время советы персонажей В. С. Токаревой довольно категоричны, импозитивны, в них акцентируется приоритет говорящего:

За завтраком она торжественно объявила:

– *Олег! Я знаю, что ты должен сделать. Ты должен пойти в милицию и заявить на твоих бандитов* (Токарева, с. 52) ('пойди'; категоричный совет).

В ряде контекстов соучастие принимает гипертрофированные формы и выражается в советах, которые находятся на грани с требованиями:

– *Надо иметь женскую гордость!* – *Полина грохнула кулаком по столу.*

– *Надо иметь семью, – вмешалась я* (Токарева, с. 766) ('имей гордость'; совет-требование).

Частотность употребления писателями речевой модели «конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*» различается. В произведениях В. С. Токаревой модель использовалась 10 раз. В текстах В. Н. Варламова, З. Прилепина и Ю. М. Полякова выявлено 29, 33 и 35 единиц с анализируемыми конструкциями.

Проза 2000–2025 гг., по сравнению с произведениями 1950–90-х гг., характеризуется уменьшением количества митигативных стратегий коммуникации, повышением степени категоричности высказываний. В меньшей степени отмечено стремление языковой личности к вежливости и кооперации. Вместе с тем не так явно, как в советский период, выражена унификация речевых форм, непрямая коммуникация в меньшей степени подвержена влиянию мировоззренческих векторов, ценностных приоритетов. Идиостиль писателя формируется в первую очередь в зависимости от его речевых, языковых, идейных, эстетических предпочтений и характеризуется подчеркнутым своеобразием коммуникативной составляющей.

Заключение

Основными факторами, влияющими на частоту употребления в художественном тексте речевой модели косвенного выражения побуждения «конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*», а также на выбор частных побудительных значений и способов речевого оформления высказываний, являются тема произведения, идейная проблематика, разновидность поэтики, тип изображаемых языковых личностей, их социальная принадлежность, эпоха написания произведения и обусловленные ей важнейшие ценностные ориентиры, события в политической, культурной и экономической сферах жизни.

Каждый исторический период ХХ–ХХI вв. имеет свою специфику репрезентации указанной выше речевой модели. Как для прозы 1900–10-х гг., так и для произведений 1920-х гг. характерны высокая значимость фактора идиостиля и преобладание кооперативных контекстов, речевых реализаций некатегоричных интенций. В прозе 1930–40-х гг. отмечено увеличение объема речевых воплощений анализируемой модели, что связано с ключевыми ценностями эпохи, а также зафиксированы снижение роли личностного начала и повышение частотности интенции требования и категоричного варианта предложения при невыявленности средств выражения митигации. Что касается литературы 1950–70-х гг., то в деревенской

⁷Параметры ситуации: украинка-националистка высказывается о русской культуре (описана ситуация русско-украинского конфликта).

прозе актуализировались интенции предложения и совета, а в городской прозе являлась частотной интенция просьбы, что связано с ценностными ориентирами эпохи; также усилилась тенденция к снижению категоричности высказываний. В прозе 1980–90-х гг. не выявлено преобладания одного из побудительных значений, что обусловлено приоритетом демократических ценностей в обществе, отсутствием идеологических векторов. Прозе 2000–2025 гг. свойственны отсутствие унификации речевых форм, усиление роли индивидуального начала в коммуникации, повышение категоричности и снижение вежливости речевого общения.

Сокращения

Абрамов – Абрамов Ф. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. Л. : Худож. лит., 1984. 517 с. ; **Битов** – Битов А. Империя в четырех измерениях. Империя I. Аптекарский остров : роман, повесть, рассказы. СПб. : Амфора, 2008. 555 с. ; **Булгаков** – Булгаков М. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. Минск : Маст. лит., 1990. 655 с. ; **Бунин-1** – Бунин И. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1 / сост. Л. Никулин. М. : Правда, 1956. 455 с. ; **Бунин-2** – Он же. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2 / сост. Л. Никулин. М. : Правда, 1956. 419 с. ; **Варламов** – Варламов А. Одсун. Роман без границ. М. : АСТ, 2024. 536 с. ; **Вересаев** – Вересаев В. К жизни. Минск : Маст. лит., 1989. 604 с. ; **Вигдорова-1** – Вигдорова Ф. Любимая улица. М. : Астрель, 2012. 383 с. ; **Вигдорова-2** – Она же. Семейное счастье. М. : Дет. лит., 2021. 270 с. ; **Горький** – Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. Л. : Худож. лит., 1974. 549 с. ; **Грин** – Грин А. С. Алые паруса. Минск : Юнацтва, 1988. 287 с. ; **Довлатов** – Довлатов С. Заповедник и другие истории : повести, рассказы. СПб. : Азбука-Аттикус, 2013. 544 с. ; **Зайцев** – Зайцев Б. К. Странное путешествие. М. : Панорама, 1996. 574 с. ; **Куприн** – Куприн А. И. Поединок. М. : Эксмо, 2012. 254 с. ; **Маканин-1** – Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени // Знамя. 1998. № 1. С. 5–107 ; **Маканин-2** – Он же. Андеграунд, или Герой нашего времени // Там же. № 4. С. 53–117 ; **Маканин-3** – Он же. Кавказский пленный. М. : Панорама, 1997. 480 с. ; **Набоков-1** – Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 / сост. В. Ерофеев. М. : Правда, 1990. 415 с. ; **Набоков-2** – Он же. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 / сост. В. Ерофеев. М. : Правда, 1990. 446 с. ; **Островский** – Островский Н. Как закалялась сталь. Рожденные бурей. М. : Правда, 1987. 575 с. ; **Поляков** – Поляков Ю. Гипсовый трубач. М. : АСТ, 2022. 1086 с. ; **Прилепин** – Прилепин З. Восьмерка : рассказы. М. : АСТ, 2022. 304 с. ; **Распутин** – Распутин В. Г. Повести, рассказы : в 2 т. Т. 2 / сост. В. Н. Ганичева. М. : Дрофа, 2004. 400 с. ; **Тендряков** – Тендряков В. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5 / сост. Н. Асмолова-Тендрякова. М. : Худож. лит., 1989. 782 с. ; **Токарева** – Токарева В. Странности любви, или Хозяева и слуги. СПб. : Азбука, 2023. 958 с. ; **Трифонов** – Трифонов Ю. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1978. 572 с. ; **Фадеев** – Фадеев А. Молодая гвардия. М. : ДОСААФ СССР, 1983. 672 с. ; **Федин** – Федин К. Санаторий Арктур. М. : Худож. лит., 1983. 242 с. ; **Шмелев** – Шмелев И. С. Повести и рассказы. М. : Худож. лит., 1966. 366 с. ; **Шолохов** – Шолохов М. А. Поднятая целина. Судьба человека. М. : Худож. лит., 1978. 653 с.

Библиографические ссылки

1. Дементьев ВВ. *Непрямая коммуникация*. Москва: Гнозис; 2006. 374 с.
2. Макаров МЛ. *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис; 2003. 280 с.
3. Формановская НИ. *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*. Москва: Институт русского языка имени А. С. Пушкина; 1998. 291 с.
4. Печникова НА. «Можно начинать» (побуждение в повествовательном предложении). *Русская речь*. 2009;5:65–68. EDN: LDTVMX.
5. Печникова НА. Выражение личной потребности и коммуникативная установка побуждения к действию. В: Илюхина НА, редактор. *Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах. Материалы Международной научной конференции; 12–14 мая 2011 г.; Самара, Россия*. Самара: Универс групп; 2011. с. 227–229. EDN: WYSQHR.
6. Ларина ТВ. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2009. 507 с.
7. Голанова ЕИ. Активные процессы в сфере публичного общения. В: Крысин ЛП, редактор. *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI вв.* Москва: Языки славянских культур; 2008. с. 415–494. EDN: REOYJB.
8. Хорохордина ОВ. К сопоставительному анализу русских дидактических речевых жанров: назидание, поучение, наставление, наказ, завет. В: Общество преподавателей русского языка и литературы. *Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ; 4–8 октября 2016 г.; Казань, Россия*. Казань: Общество преподавателей русского языка и литературы; 2016. с. 533–539. EDN: XXDIHZ.
9. Михальчук НА. Косвенные реализации интенции побуждения в художественном тексте: диахронический аспект. В: Ровдо ИС, редактор. *Русский язык: система и функционирование. Материалы X Международной научной конференции, посвященной 85-летию филологического факультета БГУ; 22–23 октября 2024 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2025. с. 147–152.

Статья поступила в редколлегию 01.10.2025.
Received by editorial board 01.10.2025.

УДК 811.161.1'04'373.7 + 811.161.3'04'373.7

«МОТИВ РАДОСТИ» В СТАРОБЕЛОРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ ПИСЬМАХ: ЭКСПЛИЦИТНОЕ И ИМПЛИЦИТНОЕ В ФОРМУЛЯРЕ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

О. В. ЗУЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе описания структуры, семантики и функционирования устойчивых высказываний, вербализующих эпистолярный «мотив радости» в 46 старобелорусских (1440–1575 гг.) и 50 старорусских (1413–1680-е гг.) источниках, решаются вопросы о роли отдельных жанровых формул в текстовой организации писем и о наличии имплицитных элементов в индивидуальных формулярах писем. Устанавливаются три типа формул, которые реализуют «мотив радости» и фиксируются в обоих корпусах источников с середины XV в. Анализируются текстовые позиции этих формул. Обосновывается явление смысловых импликаций – фрагментов этикетного содержания, которые, входя в условный формуляр эпистолярного текста, отсутствуют в конкретном письме, но к которым отсылают употребленные в нем устойчивые высказывания. Аргументируется отнесение «формулы радости» в текстовой позиции после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов) к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата». В отношении способов вербализации «мотива радости» выявляется высокая степень близости сопоставляемых эпистолярных традиций, сохраняющаяся в диахронии.

Ключевые слова: старобелорусский язык; старорусский язык; эпистолярный текст; эпистолярный мотив; формуляр; текстовая формула; смысловая импликация.

«МАТЫЎ РАДАСЦІ» Ў СТАРАБЕЛАРУСКІХ І СТАРАРУСКІХ ЛІСТАХ: ЭКСПЛІЦЫТНАЕ І ІМПЛІЦЫТНАЕ Ў ФАРМУЛЯРЫ ЭПІСТАЛЯРНЫХ ТЭКСТАЎ

В. У. ЗУЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. На аснове апісання структуры, семантыкі і функцыянавання ўстойлівых выказванняў, якія вербалізуюць эпістэлярны «матыў радасці» ў 46 старабеларускіх (1440–1575 гг.) і 50 старарускіх (1413–1680-я гг.) крыніцах, вырашаюцца пытанні пра ролю асобных жанравых формул у тэкставай арганізацыі лістоў і пра наяўнасць імпліцытных элементаў у індывідуальных фармулярах лістоў. Устанаўліваюцца тры тыпы формул, якія рэалізуюць «матыў радасці» і фіксуюцца ў абодвух корпусах крыніц з сярэдзіны XV ст. Аналізуюцца тэкставыя пазіцыі формул. Абгрунтоўваецца з’ява сэнсавых імплікацый – фрагментаў этыкетнага зместу, якія, уваходзячы ва ўмоўны фармуляр эпістэлярнага тэксту, адсутнічаюць у канкрэтным лісце, але да якіх адсылаюць ужытыя ў ім устойлівыя выказванні. Аргументуецца аднясенне «формулы радасці» ў тэкставай пазіцыі пасля прывітання і (ці) ўказання

Образец цитирования:

Зуева ОВ. «Мотив радости» в старобелорусских и старорусских письмах: эксплицитное и имплицитное в формуляре эпистолярных текстов. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;3:65–75.
EDN: YJFYHT

For citation:

Zuyeva VU. «Motive of joy» in Old Belarusian and Middle Russian letters: explicit and implicit in the form of epistolary texts. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;3: 65–75. Russian.
EDN: YJFYHT

Автор:

Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Volha U. Zuyeva, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology.
zuyeva.volha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9686-6268>

адресата (абодвух камунікантаў) да сэнсавага блока «Каментарыі наконт атрымання ліста адресата». У дачыненні да спосабаў вербалізацыі «матыву радасці» выяўляецца высокая ступень блізкасці супастаўляемых эпістольных традыцый, якая захоўваецца ў дыяхраніі.

Ключавыя словы: старабеларуская мова; староруская мова; эпістольны тэкст; эпістольны матыў; фармуляр; тэкставая формула; сэнсавая імплікатура.

«MOTIVE OF JOY» IN OLD BELARUSIAN AND MIDDLE RUSSIAN LETTERS: EXPLICIT AND IMPLICIT IN THE FORM OF EPISTOLARY TEXTS

V. U. ZUYEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Based on the description of the structure, semantics and functioning of set expressions verbalising the epistolary «motive of joy» in 46 Old Belarusian (1440–1575) and 50 Middle Russian (1413–1680s) sources, the article addresses the role of individual genre formulas in the textual organisation of letters and of the presence of implied elements in individual letter forms. Three types of the formulas, which explicate the «motive of joy» and which are fixed in both corpora of sources since the middle 15th century, have been revealed. The textual positions of the formulas are analysed. The phenomenon of semantic implicatures, i. e. the fragments of etiquette content to which the set expressions used in a particular letter refer, is substantiated. The rationale to attribute the «formula of joy» used in the text position after the greeting and (or) indication of the addressee (both communicants) to the semantic block «Comments on receiving the addressee's letter» is proposed. In relation to the methods of verbalising the «motive of joy», a high degree of similarity of the compared epistolary traditions has been revealed.

Keywords: Old Belarusian language; Middle Russian language; epistolary text; epistolary motive; form; text formula; semantic implicature.

Введение

Традиции эпістольных камунікацый, існавалі ў Вялікім княстве Літоўскім (далей – ВКЛ) і Рускім дзяржаве, сталі працягам жанравы-стылістычных канонаў дрэвнерускай эпісталаграфіі, восходзячых да грэко-візантыйскіх традыцый, істочнікам якіх, у сваю ачарэд, былі антычныя адрэзкі [1, с. 273–275; 2, с. 173–217; 3, с. 81–85; 4, с. 8]. Эта преемстваннасць атражаецца не толькі ў літэратурных пасланнях учыцельнага і інтэлектуальнага зместу, але і ў деловай і бытовай карэспандэнцыі, складанай з пэўнага рэцэпту рэторычнай выучкі [1, с. 274]. Адна з усходнеславянскіх эпістольных тэмаў, маючых названае вышэй паходжанне, – выражэнне адрэсанта радасці ў сувязі з атрыманнем пісьма ад адрэсата альбо перспектывой атрымання гэтага пісьма, г. е. радасці па паводу ажыццяўлення эпістольнай камунікацыі і магчымасці атрымаць інфармацыю аб адрэсате (а адпаведных высказваннях у эпісталаграфіі позней Візантыі см. [5, с. 70–71; 6, с. 1335; 7, с. 118]).

«Матыв радасці» не абмежаваны ўказанай вышэй семантыкай. Ён абнаходжваецца ў розных элементах (смысловых блоках) фармуляра (зместна-структурнага) пісьма: прызыв да адрэсату радавацца ці абавязальства з радасцю моляцца за адрэсата – ў прывітаннях і прашанні, выражэнне радасці ў сувязі з гатовнасцю служыць адрэсату – ў семанце. У гэтай артыкуле аналізуецца мовнае воплаленне даннага матыва ў старабеларускай¹ і старорускай карэспандэнцыі на прымеры вербалізацыі гэтых значковых блокаў, зместам якіх з'яўляецца каментаванне ажыццяўлення камунікацыі з адрэсатом, а іменна дэманстрацыя радасці ад адбыўшага альбо магчымага атрымання пісьма і паведамленне аб радасці як матавацыя прызыва пісаць адрэсату. Выражэнне «мотыв радасці» ўжываецца толькі ў адносінах да адпаведных высказванням.

Мэта гэтага даследавання – вызначэнне месца ўстойлівых высказванняў, вербалізуючых эпістольны «мотыв радасці», ў тэкставай арганізацыі старабеларускіх і старорускіх пісьмаў XV–XVII вв., а таксама аб'ясненне наяўнасці імпліцытных (падразумеваемых) элементаў ў індывідуальных фармулярах пісьма. Для дасягнення мэта неабходна выканаць наступныя заданні: выявіць і апісаць галоўныя

¹Слова «старабеларускі» ўжываецца ў рабоце ў адносінах да тэкстаў, створаных на історычных беларускіх землях і (ілі) напісаных ад імя – выходца з гэтых земляў, а таксама да мовы, зафіксаванай у гэтых тэкстах.

разновидности соответствующих текстовых формул в старобелорусских и старорусских источниках; определить характер варьирования структуры и семантики текстовых формул в синхронии и диахронии; проанализировать функционирование устойчивых высказываний и диахроническое изменение этого процесса; обосновать распределение текстовых формул по смысловым блокам. Решение этих задач позволит дополнить сведения о содержательной структуре восточнославянских эпистолярных источников. Полученные результаты послужат новым материалом для оценки степени близости эпистолярных традиций ВКЛ и Русского государства.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования стали 46 старобелорусских посланий 1440–1575 гг. и 50 старорусских посланий 1413–1680-х гг., в которых вербализуется «мотив радости». Проводилась направленная выборка из публикаций текстов, а также осуществлялся поиск по старорусскому корпусу НКРЯ. Количество проанализированных источников в несколько раз превысило число писем, в которых исследуемый мотив был обнаружен. В старобелорусских посланиях XVII в. необходимые высказывания не были найдены. За неимением материала для сопоставления корпус русских писем XVII в., в которых «формула радости» встречается часто, был ограничен 30 текстами до 1680-х гг. Его составили послания разных содержания и тональности, репрезентативные для анализа текстовой позиции и языкового выражения «мотива радости». Дополнительно были привлечены старорусские переводы латино- и немецкоязычных дипломатических посланий, адресованных Ивану IV (5 текстов 1573–1582 гг.), которые показывают актуальность «мотива радости» для европейской дипломатической корреспонденции. Переводчики этих писем, воспринимая чужой эпистолярный этикет, употребляли стандартные восточнославянские формулы.

«Мотив радости» реализуется в различных видах писем: деловых письмах разной степени официальности и характера институциональности (служебные уведомления и запросы, дипломатическая корреспонденция, письма с индивидуальным и коллективным адресантом и (или) адресатом), частных бытовых письмах, духовных учительных письмах, в том числе образцовых письмах в старорусских письмовниках. Соотношение социальных ролей адресанта и адресата – равные отношения или отношения «снизу вверх». Датировка текстов приводится с указанием года, но без упоминания дня и месяца даже при их наличии, так как они незначимы для данного исследования.

В ходе исследования применялись следующие методы: формулярный анализ, контекстуальный анализ, описание явлений на отдельных синхронных срезах, классификация и сопоставление. Использовалась классическая методика анализа структуры и стилистики эпистолярных и актовых памятников, разрабатываемая в трудах белорусских и зарубежных ученых [8–12].

Экспликация «мотива радости»: комментарий по поводу осуществления эпистолярной коммуникации

Наиболее ранние известные нам восточнославянские примеры, в которых эксплицирована радость от получения письма, относятся к 1460–70-м гг.: ст.-белорус. *Што пишеть ваш(а) м(и)л(о)сть к нам о своем | здоровьи, што дал Б(о)гъ оу вашемъ мѣсте здорово, и мы тому | ради, вашѣмоу здоровью* (ПГ, № 208, с. 334) (1475 г., официальное деловое послание из Полоцка в Ригу); ст.-рус. *Ныне, богопане, пришел до нас лист твоя милости. И видели есм его любовне и ласкове зело. И прочет... И порадовахомся о благороднем и разумнем и о добродетелнем писании честныа и верныа твоя ласки... <...> А мы, пане, по твоему написанию услышав о твоем здоровии честнаго нам приятеля, такоже яко же бы и самого тебе лицем к лицу видели есмя радостнаго и здрава суща, и велми о сем веселимся, о твоем здоровии* (РФА, № 56, с. 203) (1460-е гг., частное межличностное общение, послание зодчего В. Ермолина писарю польского короля Казимира Якубу). Послание В. Ермолина занимает особое место в старорусской эпистолографии, поскольку является старейшим примером светского дружеского письма. В нем отражено сильное влияние со стороны письменного языка ВКЛ.

В приведенных выше примерах выражение радости относится к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата» (подтема «Реакция на получение письма и (или) впечатление от него»)². В старорусском тексте данному блоку предшествует смысловой блок «Констатация получения письма»: *Ныне... пришел до нас лист твоя милости*. В старобелорусском письме этот блок выражается косвенно, поскольку прямой констатации нет, но она подразумевается: *Што пишеть ваш(а) м(и)л(о)сть к нам...* (письмо получено, из него воспринята информация об адресате).

Более поздними оказываются примеры, в которых вербализуется радость от перспективы получения письма, т. е. текстовая формула употребляется в составе смыслового блока «Выражение потребности

²Здесь и далее элементы содержательной структуры писем приводятся в соответствии со следующей публикацией: Зуева О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2009. С. 7–8.

в дальнейшем письменном общении» (подтема «Мотивация призыва к адресату писать адресанту»). Данной подтеме всегда предшествует подтема «Призыв к адресату писать адресанту»: ст.-белорус. *Покорне прошу и челомъ бью, абы ваша милость рачиль намъ ся и до жоны моее а сестры вашей милости по старому ласкавымъ добродѣмъ быти и о здоровьи своемъ и паней и дѣткахъ вашей милости намъ частокротъ давать въдаты; бо мы, слышачи здоровья вашей милости, естмо тымъ отъ милого Бога велико потѣшены и тому ся сердечно радуемъ* (АрСЗР-1, № 36, с. 132) (1553 г., частное письмо; расположение формулы в конце письма встречается редко); ст.-рус. *Молю ваше Царское Благородіе, да повелиши къ намъ возвъщати о своемъ Царскомъ здравіи по часту, чтобъ я, отецъ твой и богомолецъ, слыша ваше Царское путное шествіе здраво и весело, радовался* (ПРГ, № 13, с. 13) (1619 г., официальное фатическое письмо).

«Формула радости» после призыва писать встречается в исследованных старорусских письмах, относящихся к XVII в., хотя она употреблялась в этой позиции и раньше. Косвенным свидетельством данного факта могут быть письма Василия III к жене 1520–30-х гг., отражающие замену формулы: *А ты бѣ ко мнѣ и впередъ о своемъ здоровьи отписывала и о своемъ здоровьи безъ вѣсти меня не держала и о своей болѣзни отписывала, какъ тебя тамъ Богъ милуетъ, чтобы мнѣ про то было въдомо* (ПРГ, № 1, с. 3). Вместо стандартной формулы *чтобы мнѣ радоватися* используется формула *чтобы мнѣ про то было въдомо*. Возможно, это связано с тем, что выражение радости в данной тональности эпистолярного диалога, обусловленной социальным статусом адресанта, оказалось неуместным.

В сопоставляемых корпусах текстов есть более ранние, чем приведенные выше, примеры употребления «формулы радости», в которых она следует после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), причем констатация получения письма или призыва писать отсутствует: ст.-белорус. *Бл(а)г(о)с(ло)в(е)ніе Семишна, вл(а)д(ы)кы полоцкаг(о), и С(ва)т(е)мъ Д(у)се возлюбленнымъ | дѣтемъ нашим, ратманомъ ризьскимъ. Ради слышимъ ваше | здравіе. А также просимъ васъ и бл(а)г(о)с(ло)в(е)мъ...*³ (ПГ, № 75, с. 181) (около 1440 – 1446 гг., официальное деловое послание архиепископа полоцкого Симеона II совету Риги); ст.-рус. *Господину благовѣрному князю Георгию Дмитреевичю – Кирилице, чернецице грѣшный, со своею братицею. На твоей, господине, на частой еже къ намъ, нищымъ, милостыне много челомъ бием. Радуюся, господине, видя и слыша твое доброе произволение, – что от всея душа уповаеш на Бога и на Пречистую Его Матерь и от нас, воистину недостойных и грѣшных, посланное к тебѣ слово твориши приятно* (НКРЯ (Кирилл Белозерский. Три послания Кирилла Белозерского)) (1418–1422 гг.⁴, частное духовное послание). Такая текстовая позиция анализируемой формулы преобладает в старобелорусских (но не в старорусских) письмах, в связи с чем возникает вопрос: «К какому смысловому блоку следует относить “формулу радости”, если перед ней нет ни констатации получения письма, ни призыва писать?» Вернемся к этому вопросу, имеющему значение для описания индивидуального формуляра посланий, позже.

Типы формул, эксплицирующих «мотив радости», и степень их устойчивости

При сопоставлении старобелорусских и старорусских текстов была выявлена значительная общность способов вербализации «мотива радости», который регулярно объединяется с «мотивом здоровья» в устойчивых высказываниях, сообщающих о причине состояния адресанта (каузативная часть) и заявляющих это состояние (констатирующая часть). «Эталонное» высказывание, вербализующее «мотив радости», включает такие стержневые номинации, как формы глагола *слышати*, формы имени или глагола с корнем *-рад-* и формы слова *здоровье* (*здравіе*), однако любая из них может отсутствовать или заменяться другой, причем не обязательно синонимичной лексемой. Мы выделяем три основных типа формул, эксплицирующих «мотив радости» (в обеих традициях они распространены с последней четверти – конца XV в., отдельные примеры употребления формул относятся к первой половине – середине XV в.).

«Формула радости» с формой глагола *слышати*. Приведем примеры высказываний с предикатом – глаголом *слышати* в форме индикатива или оптатива: ст.-белорус. *Ради | слышимъ вашей м(и)л(о)сти здравья...* (ПГ, № 217, с. 346) (около 1477 – 1480 гг.); *Ради быхомъ слышали здравье твоей милости* (СРНО-35, № 18, с. 79) (1492 г.); *Здравье твое брата нашего слышимъ ради* (СРНО-71, № 5, с. 79) (1562 г.); ст.-рус. *Ради быхомъ слышали здравье твоей милости...* (СРНО-35, № 20, с. 86) (1493 г.); *Рада слышу на каждый часъ здравье государя отца нашего...* (СРНО-35, № 75, с. 374) (1503 г.); *Ра[д] еси вашего здоров(ь)я слышал* (Кром, № 5, с. 129) (1536–1537 гг.). В данных предложениях слова *ради* и *радъ* имеют семантику ‘радостно, охотно, с удовольствием, с готовностью’ (СРЯ XI–XVII, с. 120). Следует отметить, что в ГСБМ такое значение слова *радъ* не приводится (ГСБМ, с. 444), но оно актуально для

³Здесь и далее полужирный курсив в цитатах наш. – О. З.

⁴Датировка приводится в соответствии со следующей публикацией: Серебрякова М. С. К датировке посланий Кирилла Белозерского // Кириллов : краевед. альм. 2005. № 6. С. 5–11. В НКРЯ датировка более широкая, а именно 1399–1422 гг.

старобелорусского языка. Во фразах с рассматриваемой формулой номинация всегда находится в начале. В старобелорусских и старорусских текстах форма опатива глагола *слышати* преобладает над его формой индикатива, причем в старобелорусских письмах более чем в 2 раза. Слово *здоровье* чаще всего стоит в форме винительного падежа, реже – в формах родительного и местного падежей.

Анализируемая формула является архаичной. Она часто употреблялась в старобелорусских деловых письмах и сохранялась как минимум до последней четверти XVI в. Данная формула может включать устойчивые интенсификаторы *по всякъ часъ, на кождый часъ, каждого часу, всегда* и др. Она встречается в исследованных старорусских текстах только до 1530-х гг. (всего 5 примеров употребления). Предполагаем, что в старорусских посланиях формула возникала под влиянием эпистолярного узуса ВКЛ: все письма, в которых она обнаружена, являются либо дипломатическими, отправленными в ВКЛ, либо частными деловыми или бытовыми, присланными с его территорий от «русского» автора.

Проведенные наблюдения позволили уточнить интерпретацию «темного места» в публикации витебского делового послания 1575 г.: *Вашиим милостям поздровене от насъ з навеженъемъ всего доброго и учтивостяхъ ваших милости ради кожного Есус слышимъ*⁵ (ВРА, № 7, с. 30). В издании слово *Есус* (*есу*^с) комментируется следующим образом: «Магчымая памылка ў прачытанні слова, неразборліва» (ВРА, № 7, с. 30). Лексема *слышимъ* также сопровождается комментарием: «Так у тэксе, трэба “слышитъ”» (ВРА, № 7, с. 30). Предполагаем, что слово, прочитанное как *есу*^с, нужно читать как *чесу* (с отражением еканья; выносную букву, если она была в оригинале, не можем прокомментировать), т. е. имеется в виду словосочетание *кожного чесу* (*часу*) (см. приведенные выше устойчивые интенсификаторы). Форма 1-го лица *слышимъ* не является ошибкой, лексема *ради* примыкает к ней, выполняя функцию обстоятельства. Таким образом, в данном фрагменте представлена обычная «формула радости».

«Формула радости» с формой имени или глагола с корнем *-рад-*. В исследуемых текстах присутствуют высказывания с предикатом – формой имени с корнем *-рад-*: ст.-белорус. *Ради быхмо всегда слышечи здоровье твоей милости...* (АрСЗР-5, № 4, с. 5) (1530 г.); ст.-рус. *Ради есмя слышевь о здравии вашей милости...* (СРИО-35, № 18, с. 78) (1492 г.). Данный тип формулы возник как трансформация конструкций с формой глагола *слышати*. Предполагаем, что контактное расположение слова *радъ* и связи *быхъ* (*есмь*) стало фактором переосмысления высказываний и замены формы сослагательного наклонения глагола формой действительного причастия.

На базе рассматриваемой формулы развивалась формула с составным глагольным сказуемым, которая встречается в более поздних текстах: ст.-белорус. *Здоровья твоего брата нашего слышати ради* (СРИО-71, № 5, с. 77) (1562 г.); ст.-рус. *...мы твоего многолѣтнаго здоровья і всего твоего благодатнаго дому всегда слышать ради* (НКРЯ (Брехов Р. Письмо Ф. В. Бородину)) (1660–1670 гг.). В старорусских частных деловых и бытовых письмах она была широко распространена в середине XVII в.

Отметим, что в старорусских текстах анализируемый тип формулы зафиксирован только в высказываниях реальной модальности (предикаты типа *ради есмя, слышати ради*). Опатив (*ради быхомъ*) обнаружен в 2 старобелорусских письмах от одного адресанта.

В изучаемых текстах также встречаются конструкции с предикатом – глаголом с корнем *-рад-*, в том числе в однородном ряду с глаголом с корнем *-весел-*: ст.-белорус. *И мы вашей м(и)л(о)сти здоровью радоуемъся слышачъ и | в томъ са въселоуемъ* (ПГ, № 212, с. 339) (1476 г.); *А твое зъдоровье, брата нашего, слышавшы, вradoвалисе есмо* (ЛМ, № 66.2, р. 118) (1497 г.); ст.-рус. *Слышив твое государское здравие, и яз... премногою радостию радуюся и душею веселюся* (ПН, с. 580) (до 1541 г.). В старорусских частных деловых и бытовых письмах к середине XVII в. получили распространение инфинитивные высказывания: *А мнѣ бы, государь, слыша о твоёмъ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи, радоватися* (НКРЯ (Отписка новгородского воеводы князя Григория Куракина к архимандриту Иверского монастыря Дионисию)) (1658 г.).

Необходимо указать, что в старобелорусских и старорусских «формулах радости», в состав которых входит форма имени или глагола с корнем *-рад-*, употребляются несклоняемые причастия настоящего (*слышачи* (*слыша*)) или прошедшего (*слышавшы* (*слыша*)) времени.

«Формула радости» с формой глагола *слышати* и формой глагола с корнем *-рад-*. При исследовании корпусов текстов были обнаружены сложные предложения с придаточной частью времени или условия, в которых присутствуют оба названных выше предиката: предикат – глагол с корнем *-рад-* (в том числе в однородном ряду с предикатом – глаголом с корнем *-весел-*) в главной части и предикат – глагол *слышати* (*услышати*) в придаточной части: ст.-белорус. *А коли слышѣ м(и)л(о)сти вашоѣ здоровье, с того са радую* (ПГ, № 264, с. 411) (1486–1492 гг.); ст.-рус. *А коли, господине, твое здравие услышу, и яз тогда сердцем радуюся и душею веселюся...* (ПН, с. 582) (до 1541 г.).

В старобелорусских письмах высказывание всегда сопровождает «формулу радости» с формой глагола *слышати*, находится в постпозиции по отношению к ней. В старорусских литературных посланиях учительного содержания она употребляется самостоятельно.

⁵Фрагмент приводится в упрощенной орфографии.

Все перечисленные выше «формулы радости» представляют собой либо клише, либо устойчивые высказывания, компоненты которых могут варьироваться при сохранении единства грамматической структуры фразы. Выявлены следующие трансформации формул: замена упоминания о здоровье адресата указанием на его добродетельные качества, сопровождение номинации *здоровье* обозначениями разных благ (в старобелорусских письмах), расширение семантики формулы за счет объединения ее с формулами, имеющими «мотив присутствия адресата» (ст.-рус. *радуемся, видя и слыша*), употребление конструкций, восходящих к древнерусскому биному *радость и веселие* (ст.-белорус. *велми радуемса и тым веселимса*; ст.-рус. *радостию радуюся и душою веселюся*), замена глагола *радоватися* на глагол *веселитися* (в старорусских текстах), утрата компонента *рад* (ст.-рус. *я бых твое здоровье слышал* (в старорусских частных письмах из литовского плена 1530-х гг., отражающих старобелорусское влияние)), замена выражения радости на молитву за адресата, причем не обязательно в письмах духовных лиц (ст.-белорус. *а коли слышу здоровье твоее милости... милосердного сотворителя Бога прошу*; ст.-рус. *чтобъ намъ, слыша о твоёмъ многолѣтнемъ здравіи, Господа Бога молити*). В поздних старорусских частных письмах прилагательное *радъ* уступало место словам *желати, жаден*. Большее лексическое варьирование наблюдается в старорусском корпусе писем, так как в нем представлено больше разновидностей посланий, в том числе книжных, риторически обработанных текстов.

**Текстовые позиции «формулы радости»
и вопрос об импликатурах в формуляре**

В анализируемых корпусах «формулы радости», за редким исключением, располагаются в начальной части письма и занимают различные позиции относительно других формул начального протокола. В табл. 1 и 2 отражены данные о распределении «формулы радости» по занимаемым позициям в старобелорусских и старорусских письмах соответственно. Примеры приведены в хронологическом порядке (от более ранних к более поздним). Интерес представляет то, после каких этикетных смысловых фрагментов употребляются описываемые жанровые формулы.

Таблица 1

Позиции «формулы радости» в старобелорусских письмах

Table 1

Positions of «formula of joy» in Old Belarusian letters

Текстовая позиция формулы	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем
После приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов)	38*	С 1440–1446 по 1575 г.
После констатации получения письма	3	С 1475 по 1497 г.
После констатации получения письма и после сообщения о себе	1	1486 г.
После указания адресата перед благодарностью за письмо и призывом писать	1**	1511 г.
После указания адресата перед благодарностью за письмо	1	1535 г.
После сообщения о монархе (трансформация темы «Сообщение о себе»)	1	1535 г.
После призыва писать	1	1553 г.

Примечание. Знаком * отмечены контексты, в число которых входят 11 контекстов из писем 1476–1540 гг. с двумя «формулами радости»; знаком ** показан контекст с двумя «формулами радости».

Таблица 2

Позиции «формулы радости» в старорусских письмах

Table 2

Positions of «formula of joy» in Middle Russian letters

Текстовая позиция формулы	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем
После указания коммуникантов и благодарности адресату	2	С 1418 по 1422 г.
После указания коммуникантов и благодарности адресату перед констатацией получения письма	1	1418 г.
После приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов)	13*	С 1460 по 1541 г.
После констатации получения письма	11	С 1460 по 1680-е г.

Окончание табл. 2
Ending of the table 2

Текстовая позиция формулы	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем
После комментария по поводу своего письма	1	С 1470 по 1530-е г.
После благодарности за письмо (упрека в отсутствии письма)	4	С 1534–1536 по 1675–1680 гг.
После формулы, имеющей «мотив присутствия адресата»	1	До 1541 г.
После призыва писать	18	С 1619 по 1675–1680 г.

Примечание. Знаком * отмечены контексты, в число которых входят 4 примера из писем 1535–1536 гг. с двумя «формулами радости».

В старобелорусских письмах значительно чаще встречается позиция «формулы радости» сразу после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов). Позиция формулы после призыва писать отмечена 1 раз в письме середины XVI в. Обнаружен 1 пример употребления формулы в препозиции относительно благодарности за письмо. Примеров нахождения формулы после нее нет, что может быть обусловлено ограниченностью источников: в старобелорусском корпусе (имеются в виду не выбранные 46 текстов, в которых вербализуется «мотив радости», а исследуемые старобелорусские эпистолярные тексты в целом) представлены в основном официальные деловые и частные деловые и бытовые письма; меньшее количество писем иных видов предопределило меньшую вероятность встретить в них тот или иной элемент содержательной структуры.

В старорусских текстах наблюдается примерно одинаковое соотношение «формулы радости» в позициях после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), после констатации получения письма и после благодарности за письмо (в данном случае объединены две подтемы, так как они логически связаны: благодарность в условном формуляре писем следует за сообщением о получении письма), а также после призыва писать. Примеры употребления формул после призыва писать являются значительно более поздними. Единичные случаи иных текстовых позиций отмечены лишь в духовных посланиях.

Исследуя формуляр посланий ВКЛ XVI в., А. Рычков причисляет анализируемые нами «формулы радости» к приветствию (лит. *saliutacijos klauzule*) [11, р. 40]. Мы не относим формулы к приветствию, считая, что они сопровождают указание адресата (обоих коммуникантов) как элементы отдельного смыслового блока, в том числе в тех случаях, когда перед формулами отсутствуют этикетные высказывания – констатация получения письма или призыв писать (если они есть, то формулы очевидно относятся или к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата», или к смысловому блоку «Выражение потребности в дальнейшем письменном общении»). Во-первых, анализируемый эпистолярный мотив генетически связан именно с комментированием переписки; эта связь обнаруживается и в употреблении соответствующих формул в дипломатических посланиях европейских монархов к русскому царю (ДПИГ, № 47, с. 621; № 139, с. 425). Во-вторых, одни и те же формулы употребляются не только после указания коммуникантов, но и после эксплицированного приветствия (поклона, благопожелания и т. д.); во втором случае они не являются приветствием, и, на наш взгляд, нет оснований считать их приветствием в первом случае. В-третьих, во всех контекстах, в которых нет высказывания – прямого сообщения о получении письма или призыва писать, присутствует имплицитное сообщение об этом, подразумевающееся в глаголе *слышати* (зачитывание письма перед его получателем – обычная часть эпистолярных коммуникаций Средневековья и раннего Нового времени). Формулы с предикатом-индикативом типа *Здоровье твое брата нашего слышимъ ради* (СРНО-71, № 5, с. 79) (1562 г.) уже содержат в себе имплицитную констатацию получения письма. Сообщение о получении письма может быть лишним, так как его получение очевидно: адресант слышит об адресате. Выражение реакции на получение письма не является лишним: оно имеет этикетный контактоустанавливающий и маркирующий тональность общения характер⁶.

Как было отмечено выше, описываемые этикетные высказывания из обоих корпусов имеют разную модальность (*Ради слышимъ здоровье; Радъ быхъ слышалъ здоровье*). Высказывания реальной модальности, употребленные сразу после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), мы относим к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата», считая сообщение о получении

⁶«Мотив здоровья», связанный с «мотивом радости», реализуется в разных смысловых блоках и этикетных формулах. А. Рычков отмечает: «Отправитель письма спрашивал о состоянии здоровья адресата или членов его семьи или упоминал о своем собственном только при общении с лицами, равными ему по статусу» [12, с. 19]. С. В. Полехов указывает, что «мотив здоровья адресата и адресанта» получил распространение в полоцких грамотах в 1470–80-х гг. [13, с. 718]. Также он сделал следующие замечания о функции «мотива здоровья»: «В XVI в. этот мотив стал “общим местом” западнорусской эпистографии: упоминая о здоровье в протоколе письма, его автор стремился подчеркнуть доверительные отношения к адресату...» [13, с. 718]. Данные замечания актуальны и для старорусского эпистолярия. Кроме того, для формирования тональности общения служил и «мотив радости» (см. его устранение в процитированном выше письме Василия III).

письма имплицатурой, к которой отсылает глагол *слышати*. С опорой на предположение о том, что временные формы предикатов могут отличаться при разных текстовых позициях формул и, соответственно, быть основанием для неодинаковой квалификации их этикетной семантики, были проанализированы временные формы предикатов в таких высказываниях. В старобелорусских письмах предикаты имеют форму настоящего времени при любой позиции формул (исключением являются 3 примера с предикатом-перфектом в формулах, размещенных после указания коммуникантов и после констатации получения письма). В старорусских текстах преобладают предикаты в форме настоящего времени, которые также употребляются в формулах, занимающих любую из указанных в табл. 2 позиций (после призыва писать используются предикаты только в форме настоящего времени). Формулы с предикатами, имеющими форму прошедшего времени, чаще встречаются после констатации получения письма и после благодарности за письмо, однако они были отмечены и после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов). В 1 письме после приветствия адресата употреблена формула с предикатом в форме будущего времени, причем в придаточной части предикат стоит в форме настоящего времени: ст.-рус. *Коли твое здоров[ье] слышу, своего государя, того дня гор(ь)кая моя серц[е] радостию обвеселится* (Кром, № 6, с. 130) (1536 г.). Таким образом, распределение форм времени оказалось нерелевантно при выборе оснований для отнесения формулы к тому или иному смысловому блоку.

Как интерпретировать высказывания ирреальной модальности типа *Ради быхмо (быхомъ) слышали здоровье твоей милости*, стоящие после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов)? Мы сопоставили количественные данные по употреблению высказываний разной модальности в этой позиции, а также в позициях после констатации получения письма и после призыва писать (табл. 3 и 4).

Таблица 3

Модальность устойчивых, вербализующих «мотив радости» высказываний, которые занимают различные позиции в старобелорусских письмах

Table 3

Modality of set, verbalising the «motive of joy» expressions, which occupy various positions in Old Belarusian letters

Текстовая позиция формулы	Реальная модальность		Ирреальная модальность	
	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем
После приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов)	21	С 1440–1446 по 1575 г.	28	С 1470–1476 гг. по конец XVI в.
После констатации получения письма	3	С 1475 по 1497 г.	–	–
После призыва писать	1	1553 г.	–	–
<i>Всего</i>	25	–	28	–

Примечание. В письме может содержаться более 1 контекста с «формулой радости».

Таблица 4

Модальность устойчивых, вербализующих «мотив радости» высказываний, которые занимают различные позиции в старорусских письмах

Table 4

Modality of set, verbalising the «motive of joy» expressions, which occupy various positions in Middle Russian letters

Текстовая позиция формулы	Реальная модальность		Ирреальная модальность	
	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем
После приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов)	8	С 1503 по 1541 г.	9	С 1503 по 1536 г.
После констатации получения письма и после благодарности за письмо	15*	С 1460 по 1675–1680-е гг.	–	–
После призыва писать	3	1660-е гг.	15	С 1619 по 1675–1680 г.
<i>Всего</i>	26	–	24	–

Примечания: 1. Знаком * отмечены контексты, в число которых входят 11 контекстов с «формулой радости» после констатации получения письма и 4 контекста с «формулой радости» после благодарности за письмо. 2. В письме может содержаться более 1 контекста с «формулой радости».

Высказывания реальной и ирреальной модальности, занимающие позицию после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), количественно соотносимы между собой. После констатации получения письма стандартно употребляется высказывание реальной модальности. В старорусских текстах после призыва писать значительно чаще присутствуют высказывания ирреальной модальности, но это характерно только для писем поздней старорусской эпохи, а для писем XV–XVI вв. данные отсутствуют. Соответствующий старобелорусский пример XVI в. содержит предикат-индикатив.

Так как употребление «формулы радости» после призыва писать – позднее явление в письмах, то, даже несмотря на выявленную тенденцию относительно модальности высказываний, занимающих позиции после эксплицированной констатации получения письма и после эксплицированного призыва писать, предлагаем относить «формулы радости» ирреальной модальности, находящиеся после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), к тому же смысловому блоку, что и «формулы радости» реальной модальности, а именно к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата». Семантика блока уточняется с учетом разной модальности этикетных высказываний следующим образом: подразумевается или уже состоявшееся, или возможное получение письма. Импликатурой является констатация получения письма адресата – фактическая или прогнозируемая.

Заклучение

1. Наличие в тексте высказываний, реализующих «мотив радости», – один из этикетных маркеров эпистолярного общения. Мотив, связанный с получением информации об адресате, вербализуется в начальной части старобелорусских и старорусских писем. Он сохраняется в восточнославянской эпистографии с XV по начало XVIII в., т. е. и после описываемого периода, и встречается во всех разновидностях писем. Его функциями являются установление контакта и маркирование тональности общения.

2. Способы вербализации «мотива радости» в старобелорусских и старорусских письмах обнаруживают значительную общность, в чем отражается большая близость сопоставляемых традиций на выбранных хронологических отрезках. Различия обусловлены грамматическими особенностями языков и заключаются не в инвентаре, а в частотности формул. Синтагматически «мотив радости» связан с «мотивом здоровья» и «мотивом присутствия адресата». Этикетные высказывания представлены такими типами, как «формула радости» с формой глагола *слышати*, «формула радости» с формой имени или глагола с корнем *-рад-* и «формула радости» с обоими указанными глаголами в сложном предложении с придаточной частью времени или условия. Конструкции в рамках первых двух типов в разной степени варьируются по модальности. Устойчивые высказывания характеризуются высокой степенью постоянства лексико-грамматического состава, при этом в старорусских литературных посланиях обнаруживается «затемнение» мотива в диахронии за счет множественных лексических замен в исходной формуле. В старобелорусских текстах самая частая модель типа *радъ быхъ (есмь) слышалъ* стабильно сохранялась до 1570-х гг. Предполагаем, что появление аналогичной модели в старорусских письмах обусловлено влиянием эпистолярия ВКЛ на московский эпистолярный этикет. В старорусских посланиях вплоть до XVII в. наиболее частое употребление имеют формулы с глагольным стержневым компонентом с корнем *-рад-*. В письмах XVII в. они широко представлены инфинитивными предложениями с предикатом *радоватися* в составе подчинительной целевой конструкции.

3. Реализация «мотива радости» сразу после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), т. е. без сопутствующего упоминания о получении письма адресата или без призыва писать, присутствует и в старобелорусских, и в старорусских письмах с первой половины XV в. Данная конструкция особенно характерна для старобелорусских официальных деловых посланий. В старорусских письмах, написанных после 1610-х гг., «мотив радости» уже практически не встречается вне констатации получения письма или призыва писать, при этом в старорусских частных письмах середины XVII в. этот мотив вербализуется чаще после призыва писать, чем после констатации получения письма.

4. «Формулы радости», употребленные сразу после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), мы относим к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата» (подтема «Реакция на получение письма и (или) впечатление от него»). В таких контекстах импликатурой является информация о состоявшемся или желаемом получении письма. На ее наличие указывает глагол *слышати* 'получать информацию об адресате через его письмо'.

По нашему мнению, «формулы радости» не следует причислять к приветствию ввиду того, что описываемая разновидность эпистолярного «мотива радости» является генетически связанной с комментированием переписки и что «мотив радости» встречается после эксплицированного приветствия (поклона, выражения приязни, благословения) уже в примерах ранних старобелорусских и старорусских текстов (оснований характеризовать его вербализацию после указания коммуникантов как «превращение» в приветствие нет).

Отнесение «формулы радости» в указанной выше текстовой позиции к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата», а не к смысловому блоку «Выражение потребности в дальнейшем письменном общении» (подтема «Мотивация призыва к адресату писать адресанту») обусловлено несколькими причинами. Во-первых, высказывания реальной и ирреальной модальности в позиции после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов) имеют примерно одинаковое количественное соотношение. Во-вторых, высказывания реальной модальности стандартно вербализуют реакцию на получение письма (см. употребление их после констатации получения письма и после благодарности за письмо). В-третьих, если высказывания реальной модальности имеют названную семантику, то высказывания ирреальной модальности в той же текстовой позиции, в тех же разновидностях писем и даже в письмах от одного лица также могут рассматриваться как вербализующие реакцию на получение письма, но с уточнением: в этих конструкциях выражается реакция не на состоявшееся, а на потенциально возможное, прогнозируемое получение письма. В-четвертых, употребление формулы после призыва писать представляется более поздним явлением, а выражение радости как мотивация призыва писать вообще нехарактерно для восточнославянского эпистолярного этикета до середины XVI в.

Подход, основанный на учете происхождения жанровой формулы и анализе ее употребления в разных текстовых позициях, целесообразно применять при описании индивидуального формуляра писем. Он показывает, что позиция, занимаемая устойчивым высказыванием в конкретном источнике, не всегда отражает его стандартную этикетную семантику.

Сокращения

АрСЗР-1 – Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси : в 14 т. Т. 1. Вильна : Печатня губерн. правления, 1867. X, 398, 410 с. ; **АрСЗР-5** – Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси : в 14 т. Т. 5. Вильна : Печатня Л. Г. Сыркина, 1871. XVI, 256, 136 с. ; **ВРА** – Віцебска-Рыжскія акты XIII–XVII ст.: дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі (з былога комплексу Ruthenica Дзяржаўнага гістарычнага архіва Латвіі). Вып. 1. Дак. гасп.-гандл., XV–XVI ст. / А. Дзярновіч ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск : Athenaeum, 2005. 88 с. ; **ГСБМ** – Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. Вып. 29. Пристрастный – раць / склад.: І. У. Будзько [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булькі. Мінск : Беларус. навука, 2009. 484 с. ; **ДПИГ** – Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584) : в 3 т. Т. 1, кн. 1 : Свящ. Рим. империя и страны Европы / отв. ред.: С. В. Полехов [и др.]. СПб. : Наука, 2023. 647 с. ; **Кром** – Кром М. М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М. : Рубежи XXI, 2008. 140 с. ; **ЛМ** – Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Кн. 5. 1427–1506. V. : Mokslo ir enciklopedijų l-kla, 1993. 402 p. ; **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.06.2025) ; **ПГ** – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. 864, XVI с. ; **ПН** – «Посланием начало» // О древнерусском литературном творчестве: опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова / А. С. Демин ; отв. ред. В. П. Гребенюк. М. : Яз. славян. культуры, 2003. С. 580–587 ; **ПРГ** – Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией : в 5 т. Т. 1. 1526–1653. М. : Univ. тип., 1848. VIII, 326, 24 с. ; **РФА** – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М. : Яз. славян. культур, 2008. 552 с. ; **СРНО-35** – Сборник Императорского Русского исторического общества : в 148 т. Т. 35. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882. 6, VI, XXII, 870 с., 116 стб. ; **СРНО-71** – Сборник Императорского Русского исторического общества : в 148 т. Т. 71. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1892. V, 807 с., 234 стб. ; **СРЯ XI–XVII** – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 32 вып. Вып. 21. Прочный – раскидати / ред. Г. А. Богатова. М. : Наука, 1995. 280 с.

Библиографические ссылки

1. Броджи-Беркофф Дж. Древнерусская и византийская эпистолография: сравнительный анализ. В: Янин ВЛ, Ястребицкая АЛ, редакторы. *Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.): зарубежная историография. Реферативный сборник. Часть 2*. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 1988. с. 268–275.
2. Буланин ДМ. *Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв.* Мюнхен: Verlag Otto Sagner; 1991. 473 с.
3. Крычко ВП. Літаратурная эпісталаграфія Беларусі: зараджэнне традыцыі. У: Хаўстовіч М, рэдактар. *Працы кафедры гісторыі беларускай літаратуры Белдзяржуніверсітэта. Навуковы зборнік. Выпуск 10*. Мінск: Права і эканоміка; 2009. с. 81–90.
4. Севастьянова СК. Письма патриарха Никона к грекам и традиции поздневизантийской эпистолографии. *Сибирский филологический журнал*. 2008;2:5–15. EDN: JNVHDD.
5. Сметанин ВА. Эпистонология поздней Византии. Прозлевсис (конкретно-историческая часть). В: Сюзюмов МЯ, редактор. *Античная древность и средние века. Сборник статей. Выпуск 15*. Свердловск: Издательство Уральского университета; 1978. с. 60–82.
6. Черноглазов ДА. Как написать прошение к вельможе? Византийский учебник по *ars epistolandi* и его практическая значимость. В: Казанский НН, редактор. *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII. Материалы Международной конференции, посвященной памяти И. М. Тронского; 18–20 июня 2018 г.; Санкт-Петербург, Россия. Часть 2*. Санкт-Петербург: Наука; 2018. с. 1329–1342. DOI: 10.30842/ielcp2306901522100.
7. Матвеева АС. Радость и печаль в письмах византийских интеллектуалов. В: Карпов СП, Грацианский МВ, Майко ВВ, редакторы. *Византийский «круг земель» Orbis terrarum Byzantinus. Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной сессии византинистов Российской Федерации; 24–30 октября 2022 г.; Судак, Россия*. Симферополь: Ариал; 2022. с. 117–119. EDN: BNVHBQ.

8. Зуева ОВ. Содержательная структура памятников русского эпистолярного жанра (на материале частного и официального типов письма XV–XVI вв.). *Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*. 2008;3:58–62.
9. Климкович ОА. *Формуляр старорусских и старобелорусских деловых документов XIV–XVI веков*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2015. 163 с.
10. Бачинский АА, Ерусалимский КЮ, Кочковская НА, Моисеев МВ. Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования. *Российская история*. 2018;2:111–129. EDN: YTOTND.
11. Ryčkov A. Rusėniškų laiškų formuliarias Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ankstyvaisiais naujaisiais laikais. *Lietuvos istorijos studijos*. 2019;44:31–46. DOI: 10.15388/LIS.2019.44.2.
12. Рычков А. О практиках коммуникации в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в. на примере одного черновика. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2020;2:14–32. DOI: 10.25986/IRI.2020.80.2.002.
13. Полехов СВ. Смоленские послания середины XV – начала XVI века. В: Ладыженский ИМ, Пузина МА, редакторы. *Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*. Москва: Азбуковник; 2021. с. 715–730.

Статья поступила в редколлегию 02.10.2025.
Received by editorial board 02.10.2025.

КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННЫЙ ДИСКУРС КАК ТЕРМИН И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. А. БАРКОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Термин «дискурс» имеет широкий спектр пересекающихся значений. Он актуален не только в лингвистике, социологии и философии, но и в информатике, *web science*, компьютерных науках и других научных «приложениях» коммуникации. Упорядочение соответствующей терминологической системы требует создать целостную картину такого необъятного аспекта коммуникации, как речевая деятельность, который с трудом охватывается в междисциплинарном аспекте. Более того, дискурсивная парадигма постепенно приобретает новую референтную концептуализацию – информационную. В современной коммуникации искусственные языки обеспечивают особый семиотический уровень, формируя, казалось бы, самодостаточный компьютерный дискурс. Вероятно, его можно было бы даже идентифицировать как искусственноязыковой поликодовый дискурс. Однако, как правило, искусственные языки, являются плохо приспособленными к контекстуальной семантике естественного языка, не обладают полноценным набором коммуникативных средств, что подтверждается, например, практикой машинного перевода. Вместе с тем базовый семиотический уровень – двоичное кодирование – сам по себе не транслирует никакой семантики, кроме оппозиционной. Немаловажно и то, что для компьютера необходимо создавать все большее количество искусственных языков – носителей семантики естественного языка, в частности, для интерпретации двоичного кодирования. В конце концов на том или ином этапе дополнительные семиотические интерфейсы начинают искажать семантику естественных языков, которую они изначально были призваны передавать. Кроме того, существует еще одна проблема – отсутствие полной кодификации речевой практики, коммуникации любого рода. Эта значительная лингвистическая проблема служит мощным стимулом для развития «информационности» метаописаний. Информационный язык, если его изобретут, должен будет транслировать огромный объем семантики естественного языка, используя ограниченные интерпретационные возможности компьютера. Изучение речевой практики, опосредованной компьютерами, требует особого внимания к ее соответствующей терминологической и концептуальной интерпретации. С точки зрения лингвистики «компьютерно-опосредованный дискурс» – термин, который вполне подходит для метаописания особенностей коммуникации, осуществляемой в интернете и автономных компьютерных системах. Таким образом, компьютерно-опосредованный дискурс – это речевая деятельность в коммуникации, опосредованной компьютерами. Данная номинация более корректна, чем, например, словосочетания «искусственноязыковой дискурс» и «компьютерный дискурс». Как минимум ее использование соответствует междисциплинарности обозначаемого сигнификата.

Ключевые слова: компьютерно-опосредованный дискурс; междисциплинарность; термин; речевая деятельность; информация.

Образец цитирования:

Баркович АА. Компьютерно-опосредованный дискурс как термин и речевая деятельность. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2025;3:76–82 (на англ.). EDN: PLUIRV

For citation:

Barkovich AA. Computer-mediated discourse as a term and speech activity. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2025;3:76–82. EDN: PLUIRV

Автор:

Александр Аркадьевич Баркович – доктор филологических наук, доцент; заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Alexander A. Barkovich, doctor of science (philology), docent; head of the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
barkovicha@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-8469-8431>

КАМП'ЮТАРНА-АПАСРОДКАВАНЫ ДЫСКУРС ЯК ТЭРМІН І МАЎЛЕНЧАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ

А. А. БАРКОВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Тэрмін «дыскурс» мае шырокі спектр значэнняў, якія перасякаюцца. Ён актуальны не толькі ў лінгвістыцы, сацыялогіі і філасофіі, але і ў інфарматыцы, *web science*, камп'ютарных навук і іншых навуковых «дадатках» камунікацыі. Упарадкаванне адпаведнай тэрміналагічнай сістэмы патрабуе стварэння цэласнай карціны такога неабсяжнага аспекту камунікацыі, як маўленчая дзейнасць, што з цяжкасцю паддаецца ахопу ў міждысцыплінарным аспекце. Больш за тое, дыскурсіўная парадыгма паступова набывае новую рэферэнтную канцэптуалізацыю – інфармацыйную. У сучаснай камунікацыі асаблівы семіятычны ўзровень забяспечваюць штучныя мовы, фарміруючы, здавалася б, самадастатковы камп'ютарны дыскурс. Магчыма, яго можна было б нават ідэнтыфікаваць і вызначыць як штучнамоўны полікодавы дыскурс. Аднак, як правіла, штучныя мовы з'яўляюцца дрэнна прыстасаванымі да кантэкстуальнай семантыкі натуральнай мовы, не маюць паўнаважнага набору камунікатывых сродкаў, што пацяжарджаецца, напрыклад, практыкай машыннага перакладу. Разам з тым базавы семіятычны ўзровень – бінарнае кадзіраванне – уласна не трансліруе ніякай семантыкі, акрамя апазіцыйнай. Немалаважна і тое, што для камп'ютара неабходна ствараць ўсё больш штучных моў – носьбітаў семантыкі натуральнай мовы, у прыватнасці, для інтэрпрэтацыі бінарнага кадзіравання. У рэшце рэшт на тым ці іншым этапе дадатковыя семіятычныя інтэрфейсы пачынаюць скажаць семантыку натуральных моў, якую яны першапачаткова былі закліканы перадаваць. Акрамя таго, існуе яшчэ адна праблема – адсутнасць поўнай кваліфікацыі маўленчай практыкі, камунікацыі любога роду. Гэта істотная лінгвістычная праблема служыць магутным стымулам для развіцця «інфармацыйнасці» метаапісанняў. Інфармацыйная мова, калі яна будзе вынайздзена, павінна будзе трансліраваць велізарны аб'ём семантыкі натуральнай мовы, выкарыстоўваючы абмежаваныя інтэрпрэтацыйныя магчымасці камп'ютара. Вывучэнне маўленчай практыкі, апасродкаванай камп'ютарамі, патрабуе асаблівай увагі да яе адпаведнай тэрміналагічнай і канцэптуальнай інтэрпрэтацыі. З пункту гледжання лінгвістыкі «камп'ютарна-апасродкаваны дыскурс» – тэрмін, які цалкам падыходзіць для метаапісання асаблівасцей камунікацыі, што ажыццяўляецца ў інтэрнэце і аўтаномных камп'ютарных сістэмах. Такім чынам, камп'ютарна-апасродкаваны дыскурс – гэта маўленчая дзейнасць у камунікацыі, апасродкаванай камп'ютарамі. Дадзеная намінацыя больш карэктная, чым, напрыклад, словазлучэнні «штучнамоўны дыскурс» і «камп'ютарны дыскурс». Як мінімум яе выкарыстанне адпавядае міждысцыплінарнасці сігніфіката, што яна абазначанае.

Ключавыя словы: камп'ютарна-апасродкаваны дыскурс; міждысцыплінарнасць; тэрмін; маўленчая дзейнасць; інфармацыя.

COMPUTER-MEDIATED DISCOURSE AS A TERM AND SPEECH ACTIVITY

A. A. BARKOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The term «discourse» has a wide set of overlapping meanings. One way or another, discourse is relevant not only in linguistics, sociology and philosophy, but also in informatics, *web science*, computer science and other scientific «applications» of communication. The adjustment of related term system demands the creation of a holistic picture of such an intangible aspect of communication as speech activity, intangible in the interdisciplinary sense, too. Moreover, the discursive paradigm absorbs step by step new appropriate conceptualisation – the informational one. In current communication a distinctive semiotic level is provided with artificial languages, forming a seemingly self-acting computer discourse. There even could be a reason to identify and describe it as artificial polycode discourse. But, generally, artificial languages – ill-fitted for the contextual semantics of natural language – do not have a full-featured set of communicational tools, as evidenced, for example, in machine translation practice. With that, the basic semiotic level – binary coding – does not represent any meaningful semantics beside the oppositional one. A computer initially needs more and more established artificial languages as mediums of natural-language semantics for binary coding, particularly. Finally, additional semiotic interfaces begin to ignore the semantics of the natural languages in which they have initially assisted. Then, there is another problem: the lack of the complete codification of speech practice, in communication of any kind. This is a general linguistic problem, which is a strong motive for the development of the «informationality» of meta-descriptions. Informational language, if invented, needs to adopt huge amounts of natural-language semantics

via the low interpretational capacities of computer. In the meantime, the study of speech practice, mediated by computers, requires special attention to the appropriate terminological and conceptual interpretation. From the point of view of linguistics, «computer-mediated discourse» is quite correct term for characteristics of communication that occurs on the Internet and on separate computing devices. So, computer-mediated discourse is a speech activity in the communication mediated by computers. It is more precise than artificial-language discourse and computer discourse, for example. At least, it preserves the interdisciplinary nature of the denoted significate.

Keywords: computer-mediated discourse; interdisciplinarity; term; speech activity; information.

Introduction

On the one hand, computer-mediated discourse is characterised by the high precision and statistical accuracy of inherent linguistic methodology. And at the first glance computer-mediated speech is more transparent and structured for scientific exploration than traditional speech. The interdisciplinary and linguoinformational integrity of this new kind of communication contributes to the creation of meta-descriptions, which could hardly be realised within traditional paradigmatics. Moreover, relevant metadiscourse is more sophisticated and hyper-scaled and considers a wide range of intra- and extralinguistic dimensions [1]. On the other hand, there is a need for a clear terminological definiteness of the relevant problem domain and its transparency in the context of already established views on speech activity.

Materials and methods

From the cognitive aspect, computer-mediated discourse as an object is a communication phenomenon with an active character, human subjectivity and computer mediation of interaction. The functional dependence of contemporary speech activity on computers has led to many attempts to outline computer-dependent discourse. Of course, this discourse relies on the computerised communicational environment. Thus, the imagery of the related environment is many-sided: Internet discourse, electronic discourse, network discourse, virtual discourse, and so on are identified as well as computer discourse [2–4]. In the meantime, up to now there has been no certainty about the indicative properties of computer-conditioned discourse. No doubt, computer attribution is the most recognisable among them. However, how, after all, can the use of discourse's current format be justified in the denotative-significative aspect?

The disambiguation of the theoretical meta-description of computer-mediated discourse is not caused by a vacuum of knowledge but rather by its phenomenological indeterminacy. With that, the study of computer-mediated discourse just like the study of any new phenomenon is technologically dependent and methodologically sensitive. Related speech activity proves that there are many systematically unsolved issues. When a scientific object is under-explored systematically, it clearly means there is a methodological lack. At the same time, while there is often no reason to improve existing landmarks, there is a good reason to enforce new disciplinarity. It looks as if computer-mediated discourse, as a new problem domain, can inspire radically changing a character of existing research instrumentality [5]. Thus, computer-mediated discourse is too innovative to suit traditional linguistics and, simultaneously, too language- and speech-conditioned to seek something outside linguistics. With that, computer-mediated discourse is mediated by a technical instrumentality that is principally different from traditional linguistic paradigms – the computer. Such methodological preconditions mean the synthesis of a new interdisciplinary apparatus. Probably, all new knowledge is, at least initially, interdisciplinary. Interdisciplinarity means combining the tools of different origins in a single research field to work as a single functional model. The common areas of interdisciplinarity are sometimes formed by components that do not exist in a «pure» form: one discipline modifies another in accordance with the prospects of interaction [6]. Here they coexist syncretically, creating a new quality of linguistic methodology.

Results and discussion

Consideration of the significative nature of computer contributes to rethinking the broad referential significance. A discursive interpretation of the use and semantisation of computer in different languages is quite useful in this regard. It begins from a lexicographical representation of the lexeme *computer* on its own, its emergence and integration into language. Thus, today's definition is quite simple:

«1. An electronic device for storing and processing data, typically in binary form, according to instructions given to it in a variable program.

1.1. A person who makes calculations, especially with a calculating machine»¹.

¹English dictionary // Oxford dictionaries : website. URL: <http://www.en.oxforddictionaries.com> (date of access: 10.09.2025).

In the English dictionary there are many monemic derivatives of the word *computer*: computeracy, computerate, computerdom, computerese, computeresque, computerist, computeritis, computerizable, computerization, computerize, computerland, computerless, computernik, computerology, etc.² In addition, there are dozens of more complicated derivatives as well: computer age, computer-aided, computer art, computer conferencing, computer crime, computer criminal, computer dating, etc.³ In contrast, lexeme *computer* is presented considerably poorly in Russian dictionaries, which contradicts its wide speech relevance. With that, in T. F. Efremova's «The new dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational», in Russian computer (*компьютер м. электронная вычислительная машина (ЭВМ)*) is not only a kind of generated concept image presented – relevant for usual (usual is a commonly used variant of language, a meta-structural base for the development of language variability) – but also three of its derivatives: computerisation (*компьютеризация*), computerised (*компьютеризованный*), computer (as attributive) (*компьютерный*)⁴.

In the meantime, in English the lexeme *computer*, as an agent noun, appeared as long ago as 1640. The meaning 'a calculating machine' (of any type) is known from 1897. The computer was considered a Turing machine from 1937. From 1945 we know the modern understanding, a 'programmable digital electronic computer'⁵. In any case, the meaning 'computing machine', which is by far the most popular, could not have appeared before 1946 as only in 1946 the first materialised «computer» ENIAC (electronic numerical integrator and computer) was presented. The derivational activity of computer in English was fixed in the beginning of the 1960s: computerese, computerise, computerisation, computerate, etc. The nomination *computer literacy* was recorded in 1970, after which many other collocations were formed. Initially, such usage was generally identified as slang, and only later these units found a place in dictionaries. Obviously, the notion *electronic device* came into many other languages where, obviously, it was naturalised not earlier than in the middle of the 20th century.

But, for instance, in Russian computer expansion took place sufficiently later – in the 1990s. The phrase *electronic-counting machine* (*электронно-вычислительная машина*) and the corresponding acronym (ЭВМ) were popular before – almost exclusively. In Russian the attributive *electronic-counting* (*электронно-вычислительный*) was and still is a common analogue of *computer* (*компьютерный*), combined with variety of units such as *device*, *machinery*, *equipment*, *tool*, *facility*, *network*, and others. But it is characteristic according to Russian national corpus that 117 results out of 175 for the word *electronic-counting* (*электронно-вычислительный*) from referential concordance rely mainly on the word *machine* (*машина*), which is engaged in the connotation *electronic-counting machine*⁶. At the same time, the word *computer* (*компьютер*) and its attributive forms (*компьютерный* (-ая, -ое)) will soon undoubtedly have priority in Russian as in the majority of other languages.

As a matter of fact, the exponent *computer* is not a genuine anglicism entrenched in the English language as a preformed unit like many other gallicisms. It looks like this lexeme acquired qualities of potentialism, occasionalism, and neologism in the French language, a loan word of English origin, in turn, for hundreds of other languages (after 1946). However, it is obviously that in English that the word *computer* gained the meaning 'machine that can be programmed to manipulate symbols'⁷.

In the current circumstances of language functioning, the development stages (or phases) of language innovations are quite visible. For example, due to the capacities of computer-mediated communication, the creation and development of the lexeme *computer* are statistically provided and very transparent: it can be tracked from the Latin texts, which are entirely translated into electronic format – to the modern corpus collections. In Latin the stem *computar-*, which provides the verbal semantics *computare* (to count, to sum up, to calculate), appeared as a product of the derivational fusion of the Latin *com-* (together) and *putare* (treat), particularly. With that, the derivative *computare* became a popular unit in speech practice, which fully complies with the word-formation and inflection conditions of Latin. It looks as follows in Latin: *Porrige tu Aemiliano tabulas istas: linum consideret, signa quae impressa sunt recognoscat, consules legat, annos computet, quos sexaginta mulieri adsignabat... Iube, Maxime, consules computari: nisi fallor, inuenies nunc Pudentillae haud multo amplius quadragensimum annum aetatis ire*⁸.

In Russian this text looks like following: *Дай-ка, письмоводитель, Эмилиану эти самые записи: пусть поцупает лен, пусть проверит сохранность печатей, пусть прочитает имена консулов и пусть попробует*

²English dictionary // Oxford dictionaries : website. URL: <http://www.en.oxforddictionaries.com> (date of access: 10.09.2025).

³Ibid.

⁴Efremova T. F. The new dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational. Mosc. : Russkii yazyk, 2000. 2 vol. (in Russ.).

⁵Online etymology dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (date of access: 10.09.2025).

⁶Russian national corpus [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (date of access: 10.09.2025) (in Russ.).

⁷Free online dictionary computing. URL: <http://www.foldoc.org> (date of access: 10.09.2025).

⁸Apuleius. Antology // The Latin library : website. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/apuleius/apuleius.apol.shtml> (date of access: 10.09.2025).

вычислить, как же это у него вышло, что Пудентилле шестьдесят лет... Вот теперь вели, Максим, пересчитать консулов, и ты обнаружишь, если я не ошибаюсь, что Пудентилле сейчас чуть больше сорока⁹.

The semantics of the Latin forms *computet* and *computari* are very close to the English equivalents *count up* and *to order the number* as well as the Russian analogues *вычислить* and *пересчитать*.

In the Perseus digital library, the verb paradigm *computare* is represented by 24 forms¹⁰. There is a strong reason to believe that such usage of lemmata as *computare* was presented in Latin in its entirety.

Thus, the significance of the word *computer* in discourse was and is quite transparent, but its stereotype of attribution in the modern language is ambiguous: its denotative opportunities expand literally every day. With that, even engineers are scarcely able to explain where the computer specificity of reality begins and how far it extends: computer technology is thoroughly ingrained in everyday life.

In the metalinguistic aspect it is necessary to note a couple of important points here.

Firstly, if discourse is a speech activity, is it possible to recognise the computer as a subject of communication with its own identity and consciousness? Consequently, is it possible to call this discourse computer discourse? As artificial intelligence modern computer conceptualisation is not yet established, despite numerous references to it in the scientific and non-scientific debates (and it is unclear whether it will ever be created). Therefore, it is too early to talk about computer subjectivity in communication. Thus, computer discourse is a kind of admissible and beautiful metaphor but only in human communication. From this point of view, computer discourse is a human speech activity in computer format, where it is generated as artificial-language practice and only where it is localised. So, it is obvious that in the context of computer-mediated communication functionality, the word *computer* can be recognised neither as a 'person of communication' nor as an 'agent of discourse'.

At the same time, the interpretation of computer-mediated discourse as equiform is too simplistic. Naturally, any discourse is perceived as well as produced by the human sensory organs. However, there are enough «sensitive» dissimilarities between computer «digital» and computerised «analogue» kinds of communication with computer «participation». The fundamental difference between such digital and analogue types of content transmission is the way of content pre-producing and post-perceiving: analogue communication interaction is parallelly provided with human senses and the human mind; digital communicational interaction is predominantly provided with the human mind. Therefore, analogue transmitting uses open channels of direct (intuitive) human mentality and – even if mediated by computer – operates signals of a wide spectrum. Digital transmitting uses channels of indirect (algorithmic) human mentality and operates signals of a narrow spectrum. Finally, the human mental interface operates digital datum worse than analogue – and much worse than biological signals, perceived in the same way as they were produced. Without computer «participation», in the biological type of content transmission, the human senses and the human mind work together like Swiss watches. In computer-mediated communication we are trying to duplicate the biological mechanism but with no luck yet. If the communication reality remains the same, our descendants will succeed where we have failed with digital communication. With that, of course, the mechanical (computer) adjustment of our abilities is more desirable so, one way or another, the subjects of discourse are still humans and this discourse is just computer-mediated.

Secondly, if the computer is not the subject of communication but just a tool, is it possible to call the discourse an activity for creating programme texts a single relevancy for today's «computer» type of communicational productivity? There are no contradictions: the computer, once it is turned on, is able to generate and receive texts (created by humans). But in such a case, of course, only the texts of the programme («instruction tables») could be considered computer discourse.

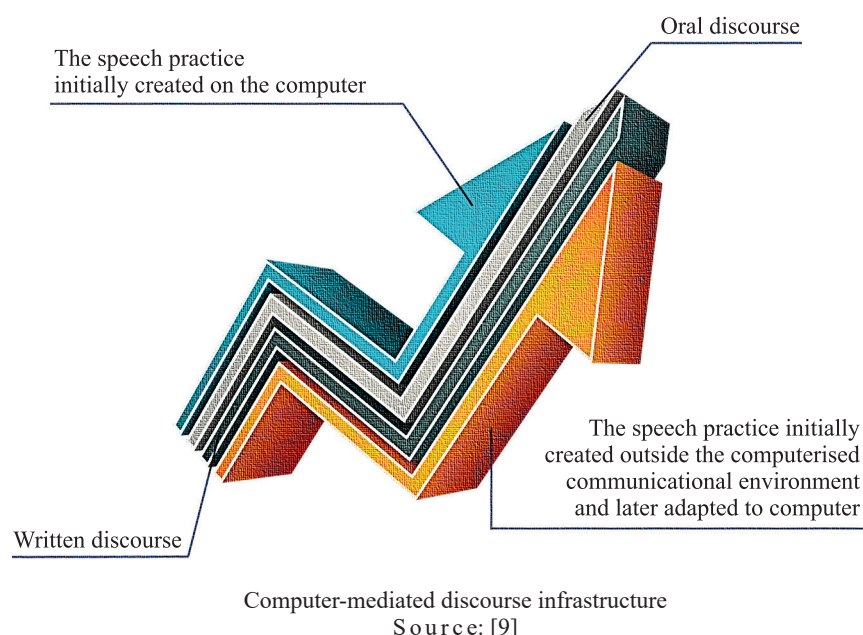
Famous British mathematician A. M. Turing wrote that «...constructing instruction tables is usually described as “programming”. To “program a machine to carry out the operation A” means to put the appropriate instruction table into the machine so that it will do A» [7, p. 34].

In the meantime, what kind of material the texts created by people for the «Chinese room» [8] and encoded via the statistical model consist of? It is a particular sort of language – artificial. With that, the semiotic identity of human texts in computer-mediated communication is complicated: they are additionally mediated. Basic semiotic systems in computer-mediated communication are not natural but artificial languages (their binary code is fundamental). In the computer-mediated format, messages, created in the natural-language continuum, are being transmitted by means of formal languages. As a result, the computer (algorithmic) «mentality» is inconsistent with the human (heuristic, intuitive) mentality. This is the principal basis of the imperfection of computer technology in communication.

⁹*Apuleius*. Apology, or On magic // Open text : website. URL: <https://opentextnn.ru/man/apulej-lucij-apologija-ili-o-magii/> (date of access: 10.09.2025) (in Russ.).

¹⁰Perseus digital library. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/search> (date of access: 10.09.2025).

Computer-mediated discourse is made up of computer instrumentality discourse of various types. An essential feature of computer-mediated discourse is the combination of both written and oral discourses therein. Simultaneously, it consists of both speech practice initially created on the computer and speech practice initially created outside the computerised communicational environment and later adapted to the computer (including speech practice created in the pre-computer era) as it can be seen on the figure.

Related practice is characterised by the mismatch of computer-mediated communication speech and classical metalinguistic canons even if a high level of speech compliance with the norms is achieved. This is often not just obvious but crucial. Discourse in traditional communication is comprised of multilevel semantics and contextual super-constructs, e. g. informational or cultural dominants [10, p. 80]. Such capacities in computer-mediated communication are limited by the discrete character of encoding and the interpretation of the data involved, which are computer lexicographical based. Moreover, the interpretation of data is based on the formal (artificial language) modeling of natural-language communication. Such development of models has significant limitations. For example, in optical character recognition, the computer programme simply ignores the unknown or, at best, insufficiently clear graphics. Therefore, related content should be carefully interpreted by human experts for further informational generalisation, for instance.

Conclusions

Computer discourse is a nomination, which is not a term yet. Nevertheless, computer discourse has become a well-known symbol entrenched in speech practice. With that, it is confidently identified by experts as a stripped-down form of computer-mediated discourse. Computer-mediated discourse, with its phenomenological-methodological preciseness and attributive correctness, is especially relevant in this context. With that, the scientific support of computer-mediated communication requires accurate related meta-descriptions. It attracts great interest in the field of language functioning not only from humanities but also from technicians. Discourse in the computerised environment is computer-dependent and computer-conditioned, but it is human-driven. Therefore, computer-mediated discourse is a more scientifically correct term to describe the phenomenological entity of speech activity based on the web and computing devices.

Even though the communication features of the pre-computer era have long been the subject of scientific study, the «computer» aspect of modern discourse – in spite of a rather long, by today's standards, history of self-positioning in science – remains considerably under-investigated and non-integrated in the theoretical paradigm of linguistics. The cohesion specifics of the intra-, extra-, para- and meta-linguistic identities of computer-mediated communication create a unique discursive quality of communication composed of an innovative objective side of contemporary linguistics and has a significant impact on the state of the entire science.

With that, the computer mediation of communication does not contradict the existing views on discourse and its types but is a considerably new and very significant dimension of discourse. Apparently, it is closely tied with written and oral discourse. The technical mediation of discourse can also be considered in context of its comparison, for example, with non-computer television or radio mediation. However, dynamic expansion of the computerised format, which actively mediates television and radio and changes the quality of traditional oral and written discourse, is a domineering trend in the development of today's speech activity.

References

1. van Dijk TA. *Ideology: a multidisciplinary approach*. London: Sage; 1998. 374 p.
2. Baker P, Ellece S. *Key terms in discourse analysis*. London: Continuum; 2011. 234 p.
3. Баркович АА. *Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация*. Москва: Наука; 2020. 288 с.
4. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. 272 p.
5. Баркович АА. Методологический аспект изучения компьютерно-опосредованного дискурса. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова*. 2015;2:38–48.
6. Widdowson H. Applied linguistics, interdisciplinarity, and disparate realities. In: Bruthiaux P, Atkinson D, Eggington W, Grabe W, Ramanathan V, editors. *Directions in applied linguistics*. Clevedon: Multilingual Matters; 2005. p. 12–25.
7. Turing AM. Computing machinery and intelligence. In: Haugeland J, editor. *Mind design II. Philosophy. Psychology. Artificial intelligence*. Cambridge: Bradford Book; 1997. p. 29–56.
8. Searle JR. Minds, brains, and programs. In: Haugeland J, editor. *Mind design II. Philosophy. Psychology. Artificial intelligence*. Cambridge: Bradford Book; 1997. p. 183–204.
9. Barkovich A. *Informational linguistics: the new communicational reality*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing; 2020. 271 p.
10. Барковіч АА. *Лінгваінфармацыйная спецыфіка камп'ютарна-апасродкаванага дыскурсу*. Мінск: БДУ; 2015. 304 с.

Received by editorial board 06.10.2025.

ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА «ИМИДЖ» В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

А. В. ЖАРКОВА¹⁾

¹⁾Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
пр. Московский, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается проблема анализа понятия «имидж», неоднозначно интерпретируемого в лингвокультурологии. Проводится аналитический обзор наиболее важных исследований, посвященных данному феномену. Описывается онтология его развития. Осуществляется поиск наиболее релевантных дефиниций термина «имидж». Анализируются содержательные и структурные компоненты этого понятия, выявляются и раскрываются его основные характеристики (в том числе с позиции представления в русскоязычной лингвокультуре). Подчеркивается целенаправленность моделирования имиджа, что предполагает избирательный подход к определению качеств, необходимых для достижения конкретных коммуникативных задач, и опору на потенциальную аудиторию. Устанавливается, что основной функцией явления «имидж» выступает коммуникативная функция.

Ключевые слова: языковая личность; понятие «имидж»; носитель имиджа; коммуникативная функция; динамизм.

РАЗУМЕННЕ ФЕНОМЕНА «ІМІДЖ» У ГУМАНІТАРНЫХ НАВУКАХ

А. В. ЖАРКОВА^{1*}

^{1*)}Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава,
пр. Маскоўскі, 33, 210038, г. Віцебск, Беларусь

Анацыя. Разглядаецца праблема аналізу паняцця «імідж», якое неадназначна інтэрпрэтуецца ў лінгвакультуралогіі. Праводзіцца аналітычны агляд найбольш важных даследаванняў, прысвечаных дадзенаму феномену. Апісваецца анталогія яго развіцця. Ажыццяўляецца пошук найбольш рэлевантных дэфініцый тэрміна «імідж». Аналізуюцца змястоўныя і структурныя кампаненты гэтага паняцця, выяўляюцца і раскрываюцца яго асноўныя характарыстыкі (у тым ліку з пазіцыі прадстаўлення ў рускамоўнай лінгвакультуры). Падкрэсліваецца мэтанакіраванасць мадэлявання іміджу, што прадугледжвае выбарны падыход да вызначэння якасцей, неабходных для дасягнення канкрэтных камунікатыўных задач, і апору на патэнцыйную аўдыторыю. Устанаўліваецца, што асноўнай функцыяй з'явы «імідж» выступае камунікатыўная функцыя.

Ключавыя словы: моўная асоба; паняцце «імідж»; носьбіт іміджу; камунікатыўная функцыя; дынамізм.

Образец цитирования:

Жаркова АВ. Понимание феномена «имидж» в гуманитарных науках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2025;3:83–88.
EDN: QBIHYP

For citation:

Zharkova AV. Understanding the phenomenon «image» in the humanities. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2025;3:83–88. Russian.
EDN: QBIHYP

Автор:

Алина Васильевна Жаркова – аспирантка кафедры белорусской и русской филологии факультета гуманитарного знания и коммуникаций. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. А. Маслова.

Author:

Alina V. Zharkova, postgraduate student at the department of Belarusian and Russian philology, faculty of humanities and communications.
zharkovaalinka@yandex.by

UNDERSTANDING THE PHENOMENON «IMAGE» IN THE HUMANITIES

A. V. ZHARKOVA^a

^a*Vitebsk State University named after P. M. Masharov,
33 Maskowski Avenue, Viciebsk 210038, Belarus*

Abstract. The issue of analysing the concept «image», which is ambiguously interpreted in linguoculturology, is considered. An analytical review of the most significant studies dedicated to this phenomenon is conducted. The ontology of its development is described. The search for the most relevant definitions of the term «image» is carried out. The substantive and structural components of this concept are analysed, and its main characteristics are identified and revealed (including from the perspective of its representation in Russian-language linguoculture). The purposeful nature of image modelling, which implies a selective approach to defining the qualities necessary to achieve specific communicative tasks and a reliance on the potential audience, is emphasised. It is established that the primary function of the phenomenon «image» is communicative function.

Keywords: linguistic personality; concept «image»; image carrier; communicative function; dynamism.

Введение

Понятие «лингвокультурный типаж», которое рассматривается в контексте теории языковой личности, разработанной Ю. Н. Карауловым [1], требует разграничения со смежными понятиями «языковая личность», «речевой портрет», «имидж» и «амплуа». В рамках каждой гуманитарной дисциплины предлагается уникальный взгляд на человека, раскрывающий его природу и сущность в самых разных гранях. Одну из ипостасей человеческой личности составляет имидж. Данное понятие изучается в философии, социологии, психологии, лингвистике и педагогике.

До появления понятия «имидж» Никколо Макиавелли в известной работе «Государь» указывал на необходимость для государственного лица обладать «личиной», маской. А. Г. Лебон считал, что благодаря эффекту личного обаяния можно достичь успехов на политическом поприще¹. С древних времен была очевидна взаимосвязь между наличием определенных личностных качеств, характеристик, умений и достижением конкретных целей и задач в общественной жизни. Впервые термин «имидж» был употреблен американским экономистом К. Ю. Боулдингом в 1956 г. и затем стал активно использоваться политологами. В русскую лингвокультуру это понятие пришло из латинского языка (*imago* – образ) и приобрело самостоятельный смысл. Сначала оно также употреблялось в политологии и было связано с имиджем политиков, однако понятие быстро распространилось и на другие сферы жизни².

Первые теоретические представления об имидже как отдельном социальном феномене появились в русскоязычных исследованиях в начале 1990-х гг. Среди авторов следует назвать Г. Г. Почепцова [2], В. М. Шепеля³, А. Ю. Панасюка [3], Е. А. Петрову [4], А. А. Деркача [5], С. Г. Кара-Мурзу [6], А. М. Цуладзе [7] и др.

Материалы и методы исследования

В ходе настоящего исследования используются общенаучные (наблюдение, обобщение, анализ) и специальные методы. Среди последних выделяются традиционные (таксономический метод, метод лексико-семантического анализа) и сравнительно новые приемы дискурс-анализа.

Материалами исследования являются теоретические работы специалистов, занимающихся изучением феномена «имидж», а также фрагменты из повести «Поделись своей любовью» современного белорусского писателя Н. М. Волчок. Выбор литературного материала обусловлен методологическими соображениями. Исследуя типизированный образ врача XXI в., структурным компонентом которого выступает имидж, мы прибегаем к текстам произведений, авторами которых являются дипломированные врачи, имеющие многолетний опыт работы в практическом здравоохранении. Имидж врача в изображении писателей-медиков представляется максимально достоверным и реалистичным.

Результаты и их обсуждение

С целью конкретизировать определение термина «имидж» и уточнить его значение проанализируем некоторые дефиниции данного понятия. Говоря об имидже, В. М. Шепель рассматривает его как образ, который создается его носителем, либо средствами массовой информации, либо представителями

¹Имиджелогия. Как нравиться людям : учеб. пособие / ред.-сост. В. М. Шепель. М. : Нар. образование, 2002. С. 4.

²Там же. С. 12.

³Там же. 576 с.

конкретной социальной группы. По его мнению, имидж служит средством привлечения внимания целевой аудитории к его объекту⁴. Е. Б. Перельгина предлагает сходное определение и в качестве основополагающих характеристик имиджа выделяет целенаправленность его формирования, устойчивость, индивидуальность, эмоциональную окрашенность, закрепление в сознании целевой аудитории⁵. Е. С. Кубрякова описывает имидж как эмоционально окрашенный образ-представление, указывает на стереотипность его природы, подчеркивает наличие у субъекта имиджа дополнительных качеств, ценностей (социальных, психологических, эстетических и т. д.), которые возникли в его структуре посредством ассоциаций, не обязательно имеющих основания в реальных свойствах самого субъекта, но обладающих социальной значимостью для воспринимающих образ [8]. В большинстве дефиниций подчеркивается такая особенность имиджа, как его направленность на оказание эмоционально-психологического воздействия на общественное мнение.

Фактически имидж определяет то представление, которое лицо создает о себе, и чем правильнее он смоделирован, тем сильнее производимый эффект и адекватнее предполагаемая реакция адресата на него. Вышесказанное объясняет востребованность и значимость в современном мире и самого имиджа, и профессии имиджмейкера – специалиста, задача которого состоит в создании заданного имиджа. Общественное явление, получившее название «PR-индустрия» (субдисциплина, направленная на формирование и реализацию связей с общественностью), включает категорию «имидж» в свое поле. Сегодня обладание профессионально разработанным имиджем, в структуру которого обязательно входят яркие эмоциональные акценты, и четкое следование всем предписаниям, создающим образ, выступают условиями успешной деятельности публичного человека.

Имидж предусматривает наличие таких свойств и характеристик, которые в общественном сознании ассоциируются с особым стереотипным образом, принадлежащим как личности (политику, артисту, деятелю искусства и др.), так и социальной группе (банкирам, бизнесменам, медийным лицам и др.). Параллель, которая возникает между наличием определенных черт носителя имиджа и реакцией на него в обществе, выражается в эмоциональном восприятии, оценке, отношении, мнении и является смыслообразующей для рассматриваемого понятия. Характерная внешность, стиль, манеры и, что особенно важно, стереотипное коммуникативное поведение, соответствующее определенному эталонному прототипу, свидетельствуют о той роли, которую носитель имиджа намеревается играть в глазах общественности.

Н. В. Ушакова и А. Ф. Стрижова определяют термин «имидж» как результат целенаправленных действий, приводящих к презентации качеств, которые объект сам себе хотел бы приписать⁶. В основе механизма воздействия имиджа на аудиторию лежит перцептивное восприятие, включающее выработку ассоциаций, взаимопроникновение качеств и их перенос с частного на общее и наоборот по принципу метонимии. Наличие определенных внешних черт у субъекта имиджа является для адресата залогом некоторого внутреннего содержания и соответствия заданной роли. Вполне справедливо суждение Г. Г. Почепцова о том, что системный характер имиджа выгоден для имиджмейкера, поскольку он позволяет по одной вводимой черте порождать в массовом сознании сопутствующие ассоциации [2, с. 327]. Имидж формируется в сознании человека и постепенно переходит в сферу индивидуального бессознательного. Более того, обладая архетипическими и стереотипными чертами, имидж закрепляется в коллективном бессознательном.

В формулировке понятия «имидж», предложенной М. И. Килошенко, делается акцент на наличии реальных и идеальных черт. Исследователь говорит о «проекции свойств, присущих значимым другим», а также о «работающей социально-психологической установке, программирующей поведение людей» [9, с. 78]. Носитель имиджа сам регулирует яркость проявления определенных качеств в зависимости от сложившейся ситуации, что работает и в обратном направлении: при отсутствии необходимости в демонстрации теряется актуальность презентации этих качеств.

В успешной реализации имиджа огромную роль играет принимающая сторона информации – адресат. Говоря о данном факте, целесообразно сослаться на следующее суждение А. Ю. Панасюка: «Помимо образа, для возникновения имиджа еще необходимо какое-либо отношение человека или группы людей (аудитории имиджа) к прототипу этого образа. Следовательно, отношение к образу (прообразу) выражается в виде определенного мнения, а такой образ называется оценочным. При наличии этих двух факторов – образа и мнения об этом образе (прообразе) – возникает имидж» [3, с. 151]. Очевидно, что восприятие имиджа всегда субъективно и его интерпретация во многом зависит от того, какой аудиторией он воспринимается. Соответственно, эффективно работающий имидж должен быть смоделирован с учетом приоритетов, вкусов, интересов и потребностей потенциальной аудитории.

Следует отметить, что имидж представляет собой отражение не столько ценностных предпочтений в обществе, сколько новых тенденций и трендов в разных сферах жизни, включая в обязательном порядке

⁴Имиджелогия. Как нравиться людям... С. 144.

⁵Перельгина Е. Б. Психология имиджа : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2002. 221, [2] с.

⁶Ушакова Н. В., Стрижова А. Ф. Имиджелогия : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Дашков и К°, 2011. С. 114.

язык и речь. Необходимость соответствовать постоянно трансформирующимся вкусам требует от имиджа динамичности, способности к регулярному обновлению. Субъект имиджа вынужденно модернизирует те или иные качества, ориентируясь на изменение предпочтений общества. Таким образом, в характеристике имиджа одним из важных определяющих качеств оказывается динамизм. Носитель имиджа изменяет его на основе собственного видения или с учетом рекомендаций профессиональных имиджмейкеров. Эти модификации актуализируются и транслируются в ходе коммуникации. Способность к рефлексии, самонаблюдению и самоанализу позволяют реализовывать имиджмейкинг на протяжении всей жизни.

Если носитель имиджа полностью отдает себе отчет в том, с помощью каких внешних качеств можно влиять на оппонента для достижения цели, то он становится тем звеном в обществе, которое этот запрос формирует. Имидж выполняет роль маски, содействует созданию и поддержанию внешнего эффекта, необходимого для реализации поставленных задач. Вовлеченность в коммуникативную сеть социальных ролей делает необходимым обладание определенным имиджем и соответствие эталонным представлениям и стереотипам, господствующим в обществе (иногда без воли коммуниканта). В этой искусственности, часто противоречащей реальному положению вещей, присутствует факт обмана. Может создаваться эффект мыльного пузыря, основанный на том, что за гиперболизированностью внешних черт спрятана внутренняя пустота. Таким образом, главное противоречие, заключенное в понятии «имидж», состоит в несоответствии между желаемым и действительным. Потребность в самореализации и самоутверждении не только в глазах общественности, но и в своих глазах является одной из целей формирования имиджа.

В русле лингвокультурологического направления рассмотрим имидж врача на материале повести «Поделись своей любовью» современного белорусского писателя и практикующего врача (хирурга-гинеколога), заслуженного врача Республики Беларусь в области экстракорпорального оплодотворения и гинекологии Н. В. Волчок. Автор, ассоциируя себя с главной героиней произведения Ириной Ковалевой, повествует о том, что составляет рабочие будни и личную жизнь медиков, и показывает, как эти стороны жизни переплетаются. Сюжетные линии сопровождаются рассуждениями о мотивах выбора деятельности, личных и профессиональных качествах медицинского работника, отношении к пациентам и коллегам, жизненных ценностях.

В тексте произведения можно найти подтверждение следующему факту: выступать в роли носителя того или иного имиджа может не только значимый общественный деятель или медийная личность. Наличие имиджа является неотъемлемой характеристикой той или иной социальной роли, рода деятельности или занятия, а обладание им считается атрибутом и даже некоторой функциональной обязанностью. Для иллюстрации имиджа врача приведем следующую цитату из повести Н. В. Волчок: «...пора вставать, собираться на работу, а там согласно шаблонной профессиональной характеристике стать супергероиней, способной самостоятельно и добросовестно справляться со сложными задачами, большим объемом работы, форсмажорными ситуациями; владеющей необходимыми оперативными навыками; интересующейся современными достижениями коллег и применяющей их на практике; излучающей доброту и скромность.

По правде говоря, трудно представить себе такого человека в реальной жизни. Но... приходится соответствовать. А как иначе, ведь должностная инструкция обязывает.

Идеальная картинка – доктор в белоснежном халате с завораживающей улыбкой, с невероятной уверенностью на лице и понимающими глазами» [10, с. 7]. Как видно из примера, имидж современного врача действительно требует соответствовать определенным шаблонным характеристикам – личностным и профессиональным. Он складывается из таких черт, как позитивный настрой и располагающая внешность («непременная улыбка на лице» [10, с. 7]), уверенность в себе и умение принимать решения («стать супергероиней, способной самостоятельно и добросовестно справляться со сложными задачами»), трудолюбие и выносливость («справляться с... большим объемом работы»), высокий профессионализм, активность и креативность («глобальное мышление категорией результативности считается основой успеха врача» [10, с. 7]), желание учиться («интересующейся современными достижениями коллег и применяющей их на практике»), душевное тепло, внимательность, чуткость, самоотдача, доброта и скромность. Однако эти черты не всегда соответствуют реальным качествам носителя имиджа.

К главным внешним атрибутам врача следует отнести традиционный белый халат – символ профессии, гарант чистоты, четко и глубоко отложившийся в сознании адресата («Идеальная картинка – доктор в белоснежном халате»; «Переодевшись в свеженький рабочий костюм, набросила сверху белоснежный халат» [10, с. 13]). О том, что идеальный, прописанный профессиональными стандартами образ чаще не соответствует реальному образу, свидетельствует следующая цитата: «Идеальная картинка к неидеальной действительности. <...> ...Халат, заляпанный... кровью и другими биологическими выделениями...» [10, с. 7].

Вышеописанный имидж необходим для формирования уважительного отношения к профессии врача как социально значимой для дальнейшего успешного развития общества деятельности. Также роль имиджа врача как наделенного определенными характеристиками образа профессии увеличилась

с расширением сферы коммерческой медицины и платных медицинских услуг. Успешное развитие данного направления в медицине напрямую коррелирует с ростом количества пациентов. Соответственно, привлекательный имидж способствует достижению этого результата.

Процесс создания имиджа творческой личности имеет некоторые отличительные черты. Его формирование не является самоцелью, происходит в большей степени подсознательно и представляет собой результат выражения духовного мира человека. Таким образом, в данном случае цель создания имиджа заключается в самовыражении, а сам процесс выступает актом творчества.

Главной функцией мультидисциплинарного термина «имидж» является коммуникативная функция. В ней состоит природа этого понятия. Будучи специфическим сообщением, зашифрованным во внешних чертах, имидж необходим человеку в первую очередь для реализации эффективного общения и взаимодействия. В связи с этим в коммуникативной функции выделяют такие элементы, как идеализация, противопоставление и идентификация. Воздействующая функция имиджа проявляется в том, что он становится механизмом, действие которого направлено на формирование общественного мнения и представления о носителе имиджа. Регуляторная функция имиджа состоит в корректировке поведения адресата посредством включенных в план содержания социальных ориентиров. Имиджу присуща знаковость, в его природе прослеживается семиотическое начало, всегда заключающее в себе «зашифрованную» информацию. Соответственно, можно выделить еще одну функцию имиджа – смыслообразующую.

Рассматривая понятие «имидж» в лингвокультурологическом аспекте, сделаем следующее замечание. Невзирая на устойчивую закреплённость и успешное функционирование в русском лексиконе, понятие «имидж» (начиная с номинации и заканчивая ее смысловой наполненностью) является не вполне органичным для русской ментальности. Оно представляет собой продукт западной лингвокультуры, в рамках которой к определяющим в культурно-ценностном плане качествам относятся успешность и умение достигать цели любой ценой. Для русскоязычного культурного сознания эти качества не играют такой же существенной роли. Учитывая тот факт, что цели и мотивы использования имиджа могут варьироваться от благородных до низких, следует признать: есть все основания для неопределенного восприятия этого понятия и отрицательной трактовки имиджа как ненатуральной человеческой ипостаси, являющейся не тождественной истинному представлению о его личности. Во всем неестественном и фальшивом кроется элемент лицемерия, ощущаемого на подсознательном уровне. Всякий обман заслуживает порицания, вызывает отрицательные эмоции и ассоциации как нечто лживое и поддельное. Негативный опыт манипуляций общественным сознанием вынуждает относиться к явлению «имидж» с недоверием и опаской.

Об актуальности понятия «имидж» свидетельствует появление в широком научном лингвистическом поле такой отрасли, как лингвоимиджелогия (см. работы Г. Г. Почепцова [2], А. Ю. Панасюка [3], Е. С. Кубряковой [8], Д. П. Гавры⁷ [11] и др.). В лингвистическом ключе термин «имидж» коррелирует как с базовыми понятиями прагматики (теории речевых актов), так и с основными постулатами теории интеракции (речевого взаимодействия). Под речевым имиджем О. А. Дмитриева понимает совокупность типичных для индивидуума речевых реакций и способов (моделей) порождения связного текста, способствующих либо препятствующих достижению позитивных коммуникативных целей [12]. Закономерно, что выбор языковых приемов и средств диктуется условиями коммуникативной ситуации в рамках той или иной формы дискурса, что и предопределяет структуру и тип речевого имиджа.

Наряду с многочисленными внешними атрибутами (портретными чертами, стилем, манерами поведения и т. д.) как составляющими имиджа речевое поведение является одним из самых ярких маркеров индивидуальности. На наш взгляд, в контексте исследования лингвокультурного типажа врача в современной действительности уместно привести в качестве примера речевое поведение медийных персон-медиков, ведущих популярных передач о здоровье на центральных телеканалах А. Л. Мясникова, С. Н. Агапкина, Е. В. Малышевой и Е. О. Комаровского. Их манера говорить в частности и стиль в целом являются определяющими характеристиками, воздействующими на целевую аудиторию, а также залогом высоких рейтингов программ. Сложно переоценить важность речи как инструмента воздействия на оппонента. Она играет главную роль в формировании впечатления о субъекте. Речевой имидж обязательно оценивается с позиций норм и ценностных ориентиров, принятых в обществе конкретной лингвокультуры.

Все три уровня языковой личности по модели, разработанной Ю. Н. Карауловым [1], также соотносятся с понятием «речевой имидж». Однако, по нашему мнению, именно тезаурус (разговорные и этикетные формулы, особая лексика, речевые обороты и клише, использование которых делает языковую личность уникальной), а не лексикон и прагматикон, обеспечивает успешное функционирование речевого имиджа, позволяет достичь заданных коммуникативных целей и играет определяющую роль в формировании необходимого восприятия.

⁷Гавра Д. П., Таранова Ю. В. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве : учеб. пособие. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т : Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций, 2013. 155 с.

Заключение

Создание имиджа представляет собой строго целенаправленный процесс, сверхзадачей которого является эмоционально-психологическое воздействие на целевую аудиторию посредством особых внешних черт, манеры поведения, формы общения и коммуникативной специфики. Некоторые элементы структуры имиджа могут иметь ситуативный характер и не быть тождественными реальным качествам его носителя, однако они должны обладать социальной значимостью для воспринимающего окружения. Имидж определяет то представление, которое лицо создает о себе. Чем правильнее смоделирован имидж, тем сильнее производимый эффект и адекватнее предполагаемая реакция адресата на него, поскольку продуцируемые имиджем ассоциации непроизвольно связывают его носителя с конкретным типом личности. Соответственно, эти качества во многом типизированы, что выступает основой для определения стратегии создания имиджа как отдельным индивидуумом, так и специалистами-имиджмейкерами. В силу архетипичности и стереотипичности своей природы имидж рассматривается как явление, находящееся в поле коллективного сознания: сопровождающий его ассоциативный ряд проецирует на носителя имиджа необходимые дополнительные качества и приписывает ему некоторую систему взглядов и ценностей. Следовательно, имидж не может существовать без реципиента, поскольку в нем теряется необходимость при отсутствии адресата. Имидж динамичен, он репрезентирует новые тенденции и веяния, происходящие в различных сферах жизни, в том числе в языке и речи. Будучи созданным с целью произвести впечатление и сформировать мнение, имидж должен соответствовать вкусам общества и удовлетворять его запросы. Среди функций мультидисциплинарного явления «имидж» главной выступает коммуникативная функция.

В лингвокультурологическом ключе термин «имидж» трактуется нами как закрепившееся в языке, свободно функционирующее понятие западной культуры, некоторым образом противоречащее традиционно-ценностным установкам, сложившимся в русскоязычной лингвокультуре. Обоснованием этого утверждения является искусственность, не соответствующая (иногда противоречащая) истинной сущности личности. В контексте теории языковой личности категория «речевой имидж» представляется искусственно созданной капсулой, в которую погружается языковая личность для реализации конкретных коммуникативных целей.

Таким образом, понятие «имидж» относится к числу сложных и довольно противоречивых феноменов. Несомненна его актуальность как одной из ипостасей человеческой личности в существующей действительности. Феномен имиджа, искусственно создаваемый согласно требованиям, которые предъявляются современной личности, стал данью настоящего времени, его неотъемлемым атрибутом. Имидж, будучи конгломератом категорий «естественное» и «искусственное», «субъективное» и «объективное», «эмоциональное» и «когнитивное», «осознаваемое» и «неосознаваемое», представляет собой сложную многоплановую структуру, которую абсолютно контролировать невозможно.

Библиографические ссылки

1. Караулов ЮН. *Русский язык и языковая личность*. Шмелев ДН, редактор. Москва: Наука; 1987. 262 с.
2. Почепцов ГГ. *Имиджелогия*. 6-е издание. Москва: СمارтБук; 2009. 575 с.
3. Панасюк АЮ. *Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники*. 2-е издание. Москва: Омега-Л; 2008. 266 с.
4. Петрова ЕА. Имидж и его изучение в современной науке. *Экономика и предпринимательство*. 2007;1:31–47. EDN: NYEYIV.
5. Деркач АА. Профессиональная субъектность как психолого-акмеологический феномен. *Акмеология*. 2005;4:9–21. EDN: VBHOKL.
6. Кара-Мурза СГ. *Манипуляция сознанием*. Москва: Эксмо; 2007. 832 с.
7. Цуладзе АМ. *Формирование имиджа политика в России*. Москва: Университет; 1997. 144 с.
8. Кубрякова ЕС. К определению понятия имиджа. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2008;1:5–11. EDN: JURGTN.
9. Килошенко МИ. Модные тенденции имиджа преподавателя. В: Рогов ЕИ, редактор. *Психологические проблемы педагогической деятельности. Сборник научных статей международной интернет-конференции, посвященной году учителя; 28 января 2010 г.* Ростов-на-Дону: Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета; 2010. с. 76–82.
10. Волчок НМ. *Поделись своей любовью*. Минск: Четыре четверти; 2023. 151 с.
11. Гавра ДП. Категория имиджа: основные характеристики. В: Кивонисов АД, редактор. *Имидж государства/региона в современном информационном пространстве. Материалы симпозиума; 23–24 марта 2009 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Роза мира; 2010. с. 25–29.
12. Дмитриева ОА. *Лингвокультурные типы России и Франции XIX века* [диссертация]. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет; 2007. 356 с.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025.
Received by editorial board 09.10.2025.

КАТЕГОРИЯ ВОЗВРАТНОСТИ В ТУРОВСКОМ ЕВАНГЕЛИИ XI в.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В КОНТЕКСТЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНА ВАКЕРНАГЕЛЯ

Г. В. СЕРИКОВ¹⁾

¹⁾Институт языкознания им. Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На материале рукописного Туровского Евангелия XI в. анализируются особенности передачи на письме возвратной энклитики **сѧ** в немногочисленных сохранившихся глагольных формах. Указывается на наличие в древнем общеславянском тексте бивалентной энклитики, относящейся к двум глаголам. Сравниваются данный феномен архаичного синтаксиса и идентичные явления в современных западославянских языках, в том числе в польском языке. В поле действия разработанного Я. Вакернагелем закона о рангах энклитик характеризуется функционирование возвратной энклитики **сѧ** в составе просодических единств. Ставится вопрос о причинах сращения возвратной энклитики с глаголом, а также о переранжировке энклитик. Утверждается, что первые памятники письменности книжного и некнижного типа последовательно отражают речевые особенности восточных славян.

Ключевые слова: энклитика; бивалентность; контактная постпозиция; постпозиционная дистактная модель; просодическое единство; корреспондентный глагол; закон Вакернагеля; ранги энклитик.

КАТЭГОРЫЯ ЗВАРОТНАСЦІ Ў ТУРАЎСКІМ ЕВАНГЕЛІІ XI ст.: ТЭАРЭТЫКА-МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПАДЫХОДЫ Ў КАНТЭКСЦЕ ДЗЕЯННЯ ЗАКОНА ВАКЕРНАГЕЛЯ

Р. У. СЕРЫКАЎ^{1*}

^{1*}Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, вул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. На матэрыяле рукапіснага Тураўскага Евангелія XI ст. аналізуюцца асаблівасці перадачы на пісьме зваротнай энклітыкі **сѧ** ў нешматлікіх захаваных дзеяслоўных формах. Указваецца на наяўнасць у старажытным агульнаўсходнеславянскім тэксце бівалентнай энклітыкі, якая належыць да двух дзеясловаў. Параўноўваюцца дадзены феномен архаічнага сінтаксісу і ідэнтычныя з'явы ў заходнеславянскіх мовах, у тым ліку ў польскай мове. У полі дзеяння распрацаванага Я. Вакернагелем закона аб рангах энклітык характарызуецца функцыянаванне зваротнай энклітыкі **сѧ** ў складзе прасадых адзінстваў. Ставіцца пытанне аб прычынах зрашчэння

Образец цитирования:

Сериков ГВ. Категория возвратности в Туровском Евангелии XI в.: теоретико-методологические подходы в контексте действия закона Вакернагеля. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;3:89–94. EDN: PZIULK

For citation:

Serykau RU. The category of reflexivity in the Turov Gospel of the 11th century: theoretical and methodological approaches in the context of Wackernagel's law. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;3:89–94. Russian. EDN: PZIULK

Автор:

Григорий Владимирович Сериков – кандидат филологических наук, доцент; докторант отдела славистики и теории языка.

Author:

Ryhor U. Serykau, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Slavic studies and language theory. gserikov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6624-7370>

зваротнай энклітыкі з дзеясловам, а таксама аб пераранжыроўцы энклітык. Сцвярджаецца, што першыя помнікі пісьменства кніжнага і някніжнага тыпу паслядоўна адлюстроўваюць маўленчыя асаблівасці ўсходніх славян.

Ключавыя словы: энклітыка; бівалентнасць; кантактная постпазіцыя; постпазіцыйная дыстактная мадэль; прасадычнае адзінства; карэспандэнтны дзеяслоў; закон Вакернагеля; рангі энклітык.

THE CATEGORY OF REFLEXIVITY IN THE TUROV GOSPEL OF THE 11th CENTURY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES IN THE CONTEXT OF WACKERNAGEL'S LAW

R. U. SERYKAU^a

^a*Yakub Kolas Institute of Linguistics of the Centre for Belarusian Culture,
Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

Abstract. Based on the Turov Gospel of the 11th century manuscript, the features of the written transmission of the reflexive enclitic **сѧ** in the few surviving verb forms are analysed. The presence of bivalent enclitics related to two verbs in the ancient Common East Slavic text is noted. This phenomenon of archaic syntax is compared with identical phenomena in modern West Slavic languages, including Polish. Within the scope of the law of enclitic ranks developed by J. Wackernagel, the functioning of the reflexive enclitic **сѧ** as part of prosodic units is characterised. The questions regarding the reasons for the agglutination of the reflexive enclitic with the verb, as well as the rearrangement of enclitics are raised. It is asserted that the first written monuments of literary and non-literary types consistently reflect the speech features of the Eastern Slavs.

Keywords: enclitics; bivalence; contact postposition; postpositional distant model; prosodic unity; correspondent verb; Wackernagel's law; enclitics ranks.

Введение

В основу теоретико-методического исследования категории возвратности необходимо положить обращение к письменным памятникам древности. Для историка-слависта примечательными с любой точки зрения, авторитетными источниками изучения генезиса разнообразных графических, фонетических и морфологических явлений выступают памятники письменности общевосточнославянского периода (VII–XIII вв.). По этой причине найденное в 1865 г. и написанное уставом Туровское Евангелие XI в., 12 пергаментных листов которого сохранились до наших дней, в контексте изучения судьбы возвратной морфемы представляет собой ценный источник сведений, касающихся устоявшихся к тому времени особенностей употребления энклитической формы местоимения **сѧ** как на письме, так и в устной речи восточных славян [1]. Немногочисленность сохранившихся листов названного выше памятника восточнославянской культуры позволяет описать специфику начертания и употребления 19 имеющихся возвратных глагольных словоформ, а именно глаголов в формах настоящего и будущего времени, аориста, имперфекта, а также деепричастий: **спасетсѧ**, **поемлетсѧ** (встречается 2 раза), **оставляетсѧ** (используется 2 раза), **стязасѧ**, **убоясѧ**, **мнитсѧ**, **удобисѧ**, **воздремашасѧ**, **беснѣтсѧ**, **поклонисѧ**, **ужасахусѧ**, **стязахусѧ**, **трѣждшесѧ**, **протерзашесѧ**, **погрѣжатсѧ**, **не бойсѧ**, **оставляются** (употребляется 2 раза), **исполнишасѧ**, **привлѣжисѧ**.

Как известно, традиционный порядок следования Евангелий таков: Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки и Евангелие от Иоанна. Остатки Туровского Евангелия XI в., будучи беспорядочно уложенными, начинаются с Евангелия от Иоанна притчей о добром пастыре, знающем своих овец (*Ин. 10: 1–8*).

В XI в. написанный уставом текст не разделялся на отдельные слова, хотя некоторые признаки его сегментации прослеживаются: между предложениями присутствовали точки, которые обозначали, как правило, дыхательные паузы и деление фраз на синтагмы, представляющие собой законченную мысль. Профессор Московского государственного университета академик РАН А. А. Зализняк, являющийся исследователем новгородских берестяных грамот и древнерусских памятников письменности, называет такие отрезки текста клаузами, организующей вершиной которых выступает сказуемое [2, с. 12].

На рис. 1 представлена вторая страница Туровского Евангелия XI в., которая содержит текст Евангелия от Иоанна (Ин. 10:1–8). В глаголе **спсѣтъсѧ** ‘спасется’, расположенном на второй строке, присутствует выносной малый юс, который написан строго над буквой **с**, хотя места после нее было достаточно, если сравнивать с местом, которое занимает написанное ниже слово **пажить**.

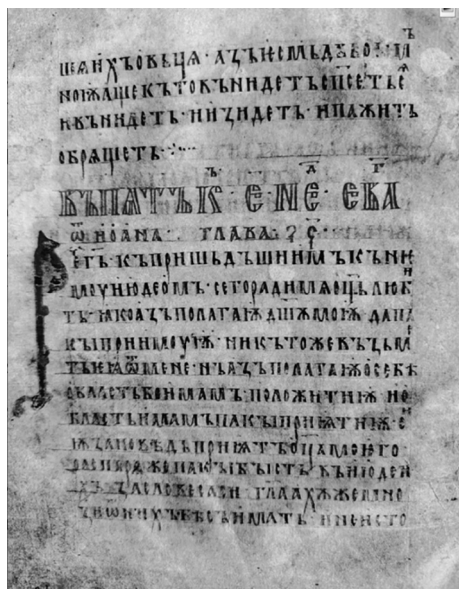

Рис. 1. Вторая страница Туровского Евангелия XI в. [1, с. 10]

Fig. 1. The second page of the Turov Gospel of the 11th century [1, p. 10]

О чем говорит такое написание юса в составе возвратной морфемы, восходящей к энклитической форме местоимения **сѧ** (от **себѣ**, **себѣ**)? Известно, что в период общевосточнославянской письменности малый юс уже не читался как звук [э^н], поскольку совпал со звуком [а] (например, **кѣназь** [кн’аз’], **всѧкъ** [вс’ак], **творѧтъ** [твор’ат]), о чем также свидетельствуют случаи взаимозамены букв **я** и **а** в исследуемом тексте: **оставляѣтъсѧ** и **оставляѣтъсѧ** [1, с. 13]. Более того, данная возвратная энклитика уже не воспринималась как самостоятельное возвратное местоимение, будучи, по выражению В. А. Плунгяна, «неполноценным словом»¹, которое удостоилось такого «небрежного» написания древним автором.

В следующем фрагменте Евангелия от Матфея содержится еще одна древняя особенность употребления возвратной клитики: **...тогда двѣ бѣдѣ на селѣ • кѣдинѣ поклѣтъ адрогѣно оставляѣтъсѧ • двѣ мелющѣ въ жрьнѣвахъ • кѣдина поклѣтъсѧ • и кѣдина оставляѣтъсѧ** [1, с. 13] (**...тогда двѣ бѣдѣ на селѣ кѣдинѣ поклѣтъ адрогѣно оставляѣтъсѧ двѣ мелющѣ въ жрьнѣвахъ кѣдина поклѣтъсѧ и кѣдина оставляѣтъсѧ**) ‘...тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется’ (Мф. 24:40–41). Необходимо отметить, что в 40-м стихе (**кѣдинѣ поклѣтъ адрогѣно оставляѣтъсѧ**) явно представлены два возвратных глагола, причем возвратная энклитика **сѧ** относится и к глаголу **поклѣтъ**, являя свою бивалентность. Это подтверждается виленским переизданием Туровского Евангелия XI в. с комментариями, выполненным в 1869 г. [1, с. 150–182]: **...кѣдинѣ поклѣтъсѧ, а адрогѣно оставляѣтъсѧ** [1, с. 167]. Как видно, текст оригинала XI в. в редакции XIX в. уже разбит на отдельные слова и каждый глагол 40-го стиха написан с возвратной морфемой.

При выявлении лингвистических особенностей «Слова о полку Игореве» А. А. Зализняк встретил фрагмент **тѣмоу сѧ поволокоста и въ морѣ погрѣзиста** ‘тѣмоу затянулись и погрузились’, который представляет собой похожую на описанную выше модель бивалентности возвратной энклитики, и отметил: «...перед нами замечательный пример чрезвычайно архаичного синтаксиса: одно **сѧ** на два возвратных глагола встречается крайне редко и только в текстах, сочиненных или переведенных очень рано» [2, с. 65]. Этот фрагмент можно описать моделью контактно-дистактной препозиции **сѧ** + V₁ + n₁ + + n₂ + n₃ + V₂, где V – глагольная форма, а n – делимитер (лат. *delimitar* – разделитель). Подобные модели были впервые введены автором статьи при анализе возвратных глагольных форм в интервью Р. Капустинского [3]. А. А. Зализняк комментирует данное явление так: «...погрѣзиста могло получить правильный смысл за счет того, что **сѧ** уже есть во фразе **тѣмоу сѧ поволокоста** и его действие в принципе могло распространяться не на один глагол, а на два» [2, с. 64–65]. В рукописном тексте XI в. (**кѣдинѣ поклѣтъ адрогѣно оставляѣтъсѧ**) возвратная энклитика прилагается только ко второму глаголу

¹Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику : учеб. пособие. М. : Либроком, 2012. С. 28.

($V_1 + n_1 + n_2 + V_2\text{с}\text{л}$). Этот факт свидетельствует о том, что автор-переписчик прогнозировал смысловую связь последующей энклитики с предыдущим глаголом, будучи уверенным в правильной интерпретации этого глагола читателем. Данный пример свидетельствует о безусловной принадлежности возвратной клитики глаголу уже в XI в.

Интерпретация клаузы **и сътазася словеси съ ними** [1, с. 14] (**и сътазася о словеси съ ними**) ‘и требует у них отчета’ (*Мф.* 25:19) в тексте редакции XIX в. (**и сътазася съ ними о словеси** [1, с. 168]) отличается в том числе порядком слов, которые располагаются согласно стилистическим особенностям живого языка. Тенденция к сращению (или само сращению) возвратной клитики с глаголом, что обусловлено ее рангом, также наблюдается во фрагменте **и оубоявѣся шьдѣ съкрыхъ талантъ твои** [1, с. 15] (**и оубоявѣся шьдѣ съкрыхъ талантъ твои** [1, с. 169]) ‘и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой’ (*Мф.* 25:25). Закон о рангах энклитик швейцарского лингвиста Я. Вакернагеля [4] упоминается ниже. При исследовании письменных древнерусских памятников, в том числе новгородских берестяных грамот, А. А. Зализняк подтвердил строгое соблюдение этого закона применительно к текстам XI–XIV вв. [5, с. 24]. Его вывод позволяет проследить на материале Туровского Евангелия XI в. тенденцию к агглютинации – сращению возвратной клитики **сѧ** с глаголом.

Результаты и их обсуждение

В период общевосточнославянского языкового единства (X–XIII вв.) аккуратное переписывание священных текстов не предусматривало обязательного разделения синтагм (или клауз) на отдельные слова. В связи с этим переписчик не заботился о раздельном или слитном написании с глаголом такой акцентно зависимой единицы, как клитика **сѧ**. По этой причине выбор места для возвратной клитики в тексте представляет интерес.

Во фрагментах Туровского Евангелия XI в. и его редакции XIX в., представленных на рис. 2 и 3, клитика **сѧ** находится в начале строк². Она то ли входит в просодическое единство **и кже аще мнѣ мнѣи** || **сѧ мнѣи** (и **кже аще мнѣ мнѣи** || **сѧ мнѣи**) ‘то, что кажется, будто имеет’ (*Мф.* 25:29) (см. рис. 2, а) и просодическое единство **оуподобѣ** || **сѧ црѣви небснѣи** (оуподобѣ || **сѧ црѣви небснѣи**) ‘уподобится Царство Небесное’ (*Мф.* 25:1) (см. рис. 2, в), то ли является возвратной морфемой глагола **мнѣи** (см. рис. 2, б) или глагола **оуподобѣ** (см. рис. 2, г), на что указывает знак переноса в конце строк.

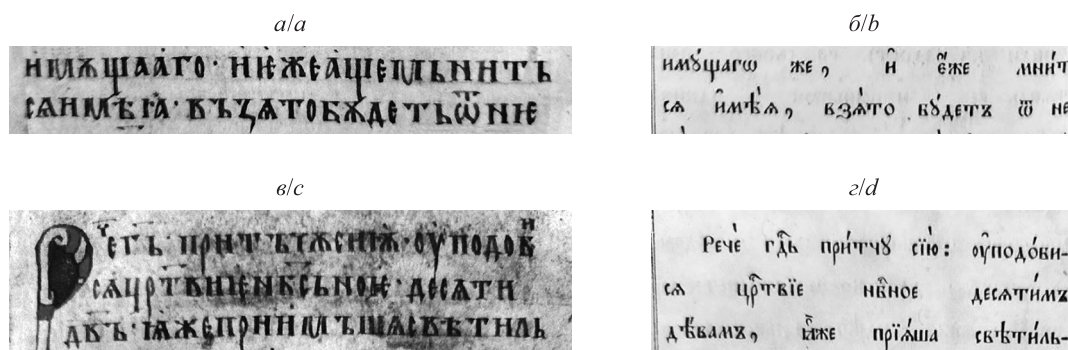

Рис. 2. Положение клитики **сѧ**:
а, в – оригинальный текст Туровского Евангелия XI в.;
б, г – текст Туровского Евангелия XI в. в редакции XIX в.
Источник: [1, с. 16–17, 170–171]

Fig. 2. Position of the clitic **сѧ**:
а, в – original text of the Turov Gospel of the 11th century;
б, г – text of the Turov Gospel of the 11th century in the 19th century edition.
Source: [1, p. 16–17, 170–171]

Как на самом деле воспроизводилась чтецами клитика **сѧ** в XI в., неизвестно, поскольку, по замечанию А. А. Зализняка, «...древнерусский язык – тот же иностранный. И ситуация именно такова, что никто не знает его с детства и не может пожить в стране, где на нем говорят» [2, с. 15]. Единственно точно то, что эта клитика находилась в контактной постпозиции относительно глагола и что в позднейших редакциях при сегментации сплошных текстов на отдельные слова она, в отличие от предлогов, союзов и частиц, уже не отделялась от глагола, если примыкала непосредственно к нему. В Туровском Евангелии XI в. присутствуют соответствующие примеры: **въздѣмашася всѣ спящи** || **хж** [1, с. 17] (**въздѣмашася всѣ и съпахж**) ‘задремали все и спали’ (*Мф.* 25:5); **дѣщи моя** || **зѣлѣе бѣсноуѣтъся** [1, с. 19] (**дѣщи моя зѣлѣе бѣсноуѣтъся**) ‘дочь моя жестоко беснуется’ (*Мф.* 15:22); **онаже пришедъши поклонисѧ** || **кмоу**

²Далее в цитатах из Туровского Евангелия XI в. начало строки обозначено символом ||.

[1, с. 19] (она же пришьдъши поклониса кмоу) ‘она же, подойдя, кланялась ему’ (Мф. 15:25); ноу||жасаахусмоученициго [1, с. 21] (и оужасахуса оученици го) ‘и дивились ученики его’ (Лк. 4:32); исътазаахусадроугъ||къдроугоу [1, с. 21] (и сътазахуса дроугъ къ дроугоу) ‘и рассуждали между собою’ (Лк. 4:36); обънощъвсѣжтрѣ||ждышесѣ [1, с. 22] (обънощъ всѣж трѣждышесѣ) ‘трудились всю ночь’ (Лк. 5:5); якопогрѣ||жатисаима [1, с. 23] (яко погрѣжатиса има) ‘так что они начали тонуть’ (Лк. 5:7); ||небоиса • Ѡселѣбѣдешнчлѣ||лова • [1, с. 23] (не боиса Ѡселѣбѣдешн члѣлова) ‘не бойся; отныне будешь ловить человеков’ (Лк. 5:10); ||исплънишасѣстрахомъгль||ц [1, с. 26] (и исплънишасѣ страхомъ гльц) ‘и, быв исполнены страха, говорили’ (Лк. 5:26); якопривли||жисакъвратомъграда [1, с. 28] (яко приблизиса къ вратомъ града) ‘когда же он приблизился к городским воротам’ (Лк. 7:12).

Отдельного внимания заслуживают возвратные словоформы, которые представляют собой просодические единства, организованные в соответствии с законом Вакернагеля. Его суть заключается в следующем: в индоевропейских языках с древнейших времен энклитики относительно корреспондентного («своего») глагола располагались таким образом, что они составляли «конечную часть первого фонетического слова (= тактовой группы) фразы» [2, с. 45]. А. А. Зализняк утверждал: «...соблюдение закона Вакернагеля было свойством живой древнерусской речи. На письме же соответствующие эффекты отражались лишь в той степени, в которой памятник приближался к живой речи (так, в берестяных грамотах они отражаются почти безупречно)» [2, с. 46].

Таким образом, благодаря наблюдениям за частотностью употребления энклитик и порядком их следования после глагола в берестяных грамотах и ранних письменных памятниках общевосточнославянского периода А. А. Зализняк распределил энклитики по 8 рангам в зависимости от очередности их примыкания к акцентно самостоятельному слову в составе просодического единства. Энклитики 1-го ранга примыкают непосредственно к глаголу, а энклитики 2-го и последующих рангов располагаются правее его. Энклитики строго распределяются по рангам. Так, энклитикой 1-го ранга является усилительная частица или противительный союз **же**, 2-го ранга – частица **ли**, 3-го ранга – частица **бо**, 4-го ранга – частица местоименного происхождения **ти**, 5-го ранга – частица **бы**; к энклитикам 6-го ранга относятся местоимения **ми**, **ти**, **си**, **ны**, **вы**, **на**, **ва** (имеют форму дательного падежа единственного, множественного и двойственного числа), 7-го ранга – местоимения **ма**, **та**, **са**, **ны**, **вы**, **на**, **ва**, **и**, **ю**, **к**, **ѣ**, **я** (имеют форму винительного падежа единственного, множественного и двойственного числа); энклитикой 8-го ранга выступает глагол-связка **есть** в различных формах лица и числа (**есмь**, **еси**, **есть**, **суть** и т. д.).

В приведенном выше фрагменте **она же пришьдъши поклониса кмоу** ‘она, подойдя, кланялась ему’ присутствует энклитика 1-го ранга **же** в составе фонетического слова [она́же]. Энклитика 7-го ранга **са**, относясь к какому-либо глаголу и находясь в постпозиции, не могла объединиться с ним в просодическое единство, опережая энклитики 1–6-го рангов. Устойчивость закона Вакернагеля сохраняется также в церковнославянских текстах более поздних веков. Так, например, в Напрестольном Евангелии 1678 г. отмечаются следующие просодические единства со строгим ранжированием энклитик: **чтотиса мнитъ** [6, с. 179] ‘что тебе кажется’ (Мф. 22:17); **чтожесѣ вамъ мнитъ** [6, с. 121] ‘что же вам кажется’ (Мф. 21:28); **приблизивосѣ** [6, с. 35] ‘ибо приблизилось [Царствие Небесное]’ (Мф. 3:2). В просодических единствах (фонетических словах) **чтотиса**, **чтожесѣ**, **приблизивосѣ** наблюдается присоединение акцентно несамостоятельных словоформ к ударному слову в строгом ранговом соответствии: **чтѣ + ти** (энклитика 6-го ранга) + **са** (энклитика 7-го ранга); **чтѣ + же** (энклитика 1-го ранга) + **са** (энклитика 7-го ранга); **приблѣжи + во** (энклитика 3-го ранга) + **са** (энклитика 7-го ранга).

Несмотря на скудость сохранившихся текстов Туровского Евангелия XI в., в нем встречаются фрагменты, в которых отмечается строгое следование энклитик в соответствии с действием закона Вакернагеля: **протрѣзаа||хъжесѣмрѣжанихъ** [1, с. 23] (**протрѣзахъ же са мрѣжа ихъ**) ‘даже сеть у них прорывалась’ (Лк. 5:6); **ѡтпоущають||тисагрѣситвон** [1, с. 25] (**ѡтпоущають ти са грѣси твои**) ‘прощаются тебе грехи твои’ (Лк. 5:23). В примере **протрѣзахъ же са мрѣжа ихъ** присутствует возвратная форма древнего славянского имперфекта, соответствующая модели **V + n₁ + са**, в которой в качестве делимитера выступает энклитика 1-го ранга **же**, а возвратная энклитика 7-го ранга следует после энклитики более высокого ранга. Аналогичная ситуация наблюдается во фрагменте **ѡтпоущають ти са грѣси твои**, в котором в такой же модели делимитером между инфинитивом и возвратной энклитикой является энклитика 6-го ранга **ти**.

Принимая во внимание четкое отражение закона Вакернагеля в древних текстах, следует задаться вопросом: «Почему в восточнославянских языках возвратная энклитика 7-го ранга с течением времени объединилась с корреспондентным глаголом, вытеснив между собой и глаголом энклитики-делимитеры 1–6-го рангов, но сохранила относительно свободное место в западнославянских языках?» Так, фрагмент с возвратным глаголом из текста Нового Завета *но поиди, покажись священнику* (Мк. 1:44) [7] выглядит на западнославянских языках следующим образом: пол. *ale idź pokaż się kapłanowi*³ (постпозиционная

³Ewangelie Marka // Азбука веры : портал. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.1&pl> (дата обращения: 01.03.2025).

контактная модель $V + się$); кашуб. *le biôj i sã pòkòżë kapłanowi*⁴ (препозиционная контактная модель $sã + V$); чеш. *ale jdi, ukaž se knězi*⁵ (постпозиционная контактная модель $V + se$); словац. *ale id', ukáž sa kňazovi*⁶ (постпозиционная контактная модель $V + sa$).

Как следует ранжировать делимитеры в постпозиционных дистактных (дистантных согласно А. А. Зализняку) моделях типа $V + n_1, \dots, n_i + ся$ (*сь, ца, се, się, sã, se, sa*), проецируя на них закон Вакернагеля, в современных славянских языках, если в качестве делимитеров часто выступают полноакцентные (просодически самостоятельные) словоформы? В какую эпоху произошла и с чем была связана переранжировка энклитик в церковнославянском языке? Насколько устойчив закон Вакернагеля в современных западнославянских языках? Например, в современной редакции церковнославянских текстов такая перестановка с последующей агглютинацией **сѧ** отмечается довольно часто. В изданиях Туровского Евангелия 1863 (1869) и 2024 гг. фрагмент **протрѣзахъ же сѧ мрѣжа ихъ** ‘даже сеть у них прорывалась’ отражен с нарушением закона Вакернагеля: **протерзашесѧ же мрежа ихъ** [1, с. 177]. В то же время в современной устной и письменной речи поляков регулярно встречаются клише, в которых наблюдается древняя (общевосточнославянская) ранжировка энклитик, а именно энклитика 7-го ранга следует за энклитикой 6-го ранга: *wydaje mi się, że (кажет мне ся, что ‘мне кажется, что’)*; *uda nam się zrobić (удаст нам ся сделать ‘удастся нам сделать’)*; *zdarzało mi się zdobyć (случало мне ся добыть ‘случалось мне добыть’)* и т. д.

Заключение

Бивалентность возвратной клитики, характерная для современных западнославянских языков, была присуща общевосточнославянской письменности. Общевосточнославянские памятники культуры свидетельствуют о том, что уже 10 веков назад возвратное местоимение **сѧ** часто не имело самостоятельного ударения и примыкало к просодическому единству, вершиной которого было сказуемое, выраженное, как правило, глаголом. Вместе с тем согласно закону Вакернагеля клитика **сѧ** занимала удаленное место от глагола, являясь «неполноценным словом», т. е. возвратной энклитикой 7-го ранга.

Серьезной основой для наблюдения за формированием возвратных глагольных форм в истории восточнославянских языков являются первые памятники письменности книжного и некнижного типа, в которых более-менее последовательно отражаются речевые особенности восточных славян. Тексты тех лет, аккуратно написанные от руки уставом, представляли собой сплошные ряды букв с точками – разграничителями клауз. Данный характер письма способствовал усвоению слитного написания энклитики **сѧ**, особенно если между ней и глаголом не появлялись энклитики высших рангов. При редакции старинных духовно значимых, религиозных текстов производилась сегментация знаменательных и служебных словоформ, а преобладание контактной модели $V + сѧ$ без каких-либо делимитеров между энклитикой и глаголом способствовало графической агглютинации ($Vсѧ$).

Библиографические ссылки

1. Суша АА, рэдактар. *Тураўскае Евангелле: факсімільнае ўзнаўленне. Даследаванні*. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі; 2014. 186 с.
2. Зализняк АА. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 352 с.
3. Сериков ГВ. Польские возвратные модели в интервью Р. Капустинского. *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2022;4:131–137. EDN: MGKTOI.
4. Wackernagel J. *On a law of Indo-European word order: Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung*. Walkden G, Sevdali Ch, Macleod M, translators. Berlin: Language Science Press; 2020. 446 p.
5. Зализняк АА. *Древнерусские энклитики*. Москва: Языки славянских культур; 2008. 280 с.
6. *Евангелие Напрестольное*. Москва: [б. и.]; 1678. 968 с.
7. *Новый Завет*. Москва: Благовест; 2024. 544 с.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025.
Received by editorial board 30.10.2025.

⁴Ewangeliję wedle świętęgo Marka / tłumacz A. R. Sikora. Gdańsk : Bernardinum, 2001. 76 s.

⁵Markovo evangelium, kapitola 1 // Азбука веры : портал. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.1&pl~cze> (дата обращения: 01.03.2025).

⁶The Old Testament of the Holy Bible. Marek 1 // Gospelgo : website. URL: https://www.gospelgo.com/u/slovak_bible.htm#Mark (date of access: 01.03.2025).

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕІ

JUBILEES

— — — — —
**Светлана Яковлевна
ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ**

**Святлана Якаўлеўна
ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ**

**Svetlana Yakovlevna
GONCHAROVA-GRABOVSKAYA**

— — — — —

Вы знаете, мне по-прежнему верится,
что если останется жить Земля,
высшим достоинством человечества
станут когда-нибудь учителя!

Р. Рождественский

Всегда завораживает, когда человек – профессионал своего дела. Увлеченность, острота мысли, виртуозное владение деталями... Однако за этой кажущейся легкостью – долгий путь личностного и творческого роста, жизненные университеты и бесконечное трудолюбие. В сентябре 2025 г. юбилей отметила профессор, доктор филологических наук Светлана Яковлевна Гончарова-Грабовская.

С. Я. Гончарова-Грабовская успешно и ярко вошла в профессию. Она с отличием окончила Грод-

ненский государственный педагогический институт, где и осталась в должности ассистента кафедры русской и зарубежной литературы. Однако главное место в ее становлении как ученого принадлежит БГУ, где Светлана Яковлевна защитила кандидатскую и докторскую диссертации, проявила себя как блестящий педагог и мудрый наставник, готовящий кадры высшей квалификации. Обладая несомненным талантом организатора, С. Я. Гончарова-Грабовская занимала должность заместителя

декана филологического факультета по учебно-методической работе (1986–2001), на протяжении 20 лет заведовала кафедрой русской литературы.

Светлана Яковлевна является автором 7 монографий, 12 учебных пособий (3 издания подготовлены в соавторстве), более 300 научных статей. Несомненную научную новизну, оригинальность исследовательских подходов, концептуальность мышления ученого демонстрируют публикации «Комедия в русской драматургии 1980–1990-х гг. (жанровая динамика и типология)» (1999), «Комедия-памфлет: генезис, становление, поэтика» (2002), «Русскоязычная драматургия Беларуси рубежа XX–XXI вв. (проблематика, жанровая стратегия)» (2015), «Русская драматургия конца XX века: комедиография» (2015), «Франциск Скорина в белорусской драматургии рубежа XX–XXI вв.» (2018), «Рецепция Великой Отечественной войны в русской и белорусской драматургии (1941–2020-е гг.)» (2023). Можно утверждать, что научный вклад профессора в отечественное литературоведение определили работы, касающиеся изучения жанровой системы и стратегии развития русской и белорусской драматургии XX–XXI вв.

С. Я. Гончарова-Грабовская не боялась первой исследовать те проблемы, которые практически не были разработанными в гуманитаристике, о чем свидетельствует тема ее кандидатской диссертации «Комедия-памфлет в советской драматургии (проблема развития жанра)» (1982). Данная тема требовала не только глубоких филологических знаний, но и определенной смелости в идеологическом плане, так как большая часть текстов пьес-памфлетов была запрещена и находилась в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга под грифом «Секретно». Диссертант впервые раскрыла жанровую специфику комедии-памфлета, утвердила мысль о жанровой интерактивности комедии и памфлета, способности памфлета проникать на «территорию» других жанровых структур, образуя с ними новые жанровые модели диффузного характера: роман-памфлет, повесть-памфлет и т. д. На защите диссертации в ученом совете Киевского государственного университета разгорелась серьезная дискуссия, завершившаяся победой соискателя ученой степени.

Новаторской оказалась докторская диссертация «Комедия в русской драматургии 1980–90-х годов (жанровая динамика и типология)» (2000), представлявшая собой первое исследование по современной комедиографии, в котором был дан глубокий анализ общего состояния драматургического процесса и его жанрового диапазона. Новизна этой работы заключалась и в самом методологическом подходе: Светлана Яковлевна разработала концепцию развития комедиографии как сложной жанровой системы, сохраняющей традиционность и од-

новременно тяготеющей к ее обновлению, отметила важнейшие теоретические аспекты комедии применительно к современному литературному процессу, выявила характер изменений жанровой структуры комедии и ее жанровых разновидностей, а также производных от нее форм. Первый оппонент диссертации профессор В. А. Лазарев справедливо заметил, что автор научной работы обладает определенной смелостью, когда вслед за другими учеными выстраивает жанровую систему (в данном случае комедиографии), определяя принципы классификации комических форм. Он указал, что в отличие от своих предшественников С. Я. Гончарова-Грабовская предложила не только взять за основу классификации совокупность признаков жанра, но и учитывать основную доминанту – вид комического. Оппонент согласился, что трудно возразить против утверждения, выдвинутого автором, поскольку современный драматургический процесс действительно ярко отражает комедии сатирического, иронического и юмористического типов. Немаловажным является и тот факт, что в диссертации отражаются типологические связи с белорусской комедиографией, придающие работе широту контекста драматургического материала. Не случайно второй оппонент академик НАН Беларуси В. А. Коваленко предположил, что еще 20 лет (а может, и больше) никто не будет писать о комедии, так как о ней все сказала Светлана Яковлевна. Он оказался прав: прошло 25 лет со дня защиты диссертации, а новых работ о комедии пока нет. С. Я. Гончарова-Грабовская продолжила в белорусском литературоведении научную традицию, заложенную такими известными российскими исследователями комедии, как Н. Н. Киселев и В. В. Фролов.

Подход к изучению жанровой системы русской драмы, предложенный Светланой Яковлевной, был экстраполирован на национальный литературный процесс. Закономерно, что в центре внимания исследователя оказалась русскоязычная драматургия Беларуси. С. Я. Гончарова-Грабовская впервые в отечественной филологической науке систематизировала обширный эмпирический материал и обосновала художественный феномен белорусской русскоязычной драмы. Данные аспекты отражены в ее монографии «Русскоязычная драматургия Беларуси рубежа XX–XXI вв. (проблематика, жанровая стратегия)». Большая заслуга профессора видится в популяризации произведений актуальной национальной литературы: она организовала цикл встреч студентов и преподавателей филологического факультета БГУ с современными драматургами (стеннограммы этих встреч впоследствии были включены в монографию в качестве приложения).

Творческий поиск ученого простирается не только в плоскости литературного и культурного процессов последних десятилетий. Умение уловить

диахроническую взаимосвязь историко-литературной парадигмы современности и истоков национальной культуры Светлана Яковлевна убедительно показала в монографии «Франциск Скорина в белорусской драматургии рубежа XX–XXI вв.». Литературовед акцентировала внимание на тенденциях развития отечественной историко-биографической драмы, ее жанровой модели. Ценность издания заключается в том, что оно не только вносит вклад в скорианиану, но и представляет интерес для мировой общности, так как пьес об указанной прецедентной исторической личности нет в других странах (России, Польше, Чехии).

Тема Великой Отечественной войны не утрачивает своей актуальности в литературе не только в связи с 80-летием со Дня Победы, но и в связи со внешнеполитическими вызовами, с которыми сталкивается наша страна. На смену писателям-фронтовикам приходят невоевавшие литераторы, меняется коммуникативная стратегия текстов: художественной задачей авторов становится не осмысление автобиографического опыта, а передача исторической памяти. Экспликация исторических и культурных кодов в произведениях новой природы требует отдельного изучения. Таким исследованием стала монография С. Я. Гончаровой-Грабовской «Рецепция Великой Отечественной войны в русской и белорусской драматургии (1941–2020-е гг.)». Сравнительно-типологическое изучение русской и белорусской драматургии на рубеже XX–XXI вв. было продолжено Светланой Яковлевной в монографии «Русская и белорусская драматургия на рубеже XX–XXI вв. (стратегия развития)» (2025), изданной к юбилейной дате.

Научные работы профессора известны далеко за пределами Беларуси. Результаты исследований Светланы Яковлевны вошли в научно-методическую базу современного литературоведения в России, Украине, Польше, Словакии, Германии, Литве, Латвии, Чехии, Китае, Австрии и т. д. Данной ситуации способствовали многочисленные содержательные выступления с докладами на международных научных конференциях, симпозиумах, форумах русистов, конгрессах Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Широкий интерес в филологическом сообществе вызвали публикации С. Я. Гончаровой-Грабовской в журналах «Przegląd Rusycystyczny», «Acta Polono-Ruthenica», «Polilog», «Филологические науки», «Південний архів (філологічні науки)» и др. Ее труды получили высокий рейтинг цитирования. Научная значимость литературоведческих исследований профессора подтверждается и победами в конкурсах. Так, в 2016 г. Светлана Яковлевна стала победителем конкурса имени В. И. Пичеты, в 2017 г. – университетского конкурса по научной и учебно-методической работе. Она была удостоена

на почетных званий «Женщина года» (БГУ), «Заслуженный работник БГУ», «Отличник образования» и награждена памятной медалью «150-летие А. П. Чехова».

На протяжении 20 лет С. Я. Гончарова-Грабовская руководит следующими научно-исследовательскими работами, входящими в государственную программу научных исследований: «Русскоязычная литература Беларуси конца XX – XXI века» (2006–2010), «Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв.: герой и социум» (2010–2015), «Русская и белорусская драматургии на рубеже XX–XXI вв.: автор, жанр, стиль» (2016–2020), «Современная русская и белорусская драматургия: стратегия развития» (2020–2025). Она являлась исполнителем Международной научной программы «Славянские литературы после 1989 года» (Польша).

Своим видением литературного процесса, накопленными знаниями, умением мудро и деликатно вести научную дискуссию Светлана Яковлевна щедро делится с учениками. Под ее руководством защищены ряд кандидатских и две докторские диссертации («А. М. Ремизов и русская литература XIX–XX вв.: рецепция, рефлексия, авторефлексия» Н. Л. Блищ, «Жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века: сравнительно-типологический аспект» Е. В. Крикливец). С. Я. Гончарова-Грабовская – требовательный наставник, при этом ее взыскательность всегда соседствует с готовностью поддержать, подставить плечо, вселить уверенность. В течение многих лет она была членом экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь по филологическим наукам, тем самым принимала участие в качественной подготовке кадров высшей квалификации. За успешное руководство научной деятельностью студентов, аспирантов и соискателей, высокие показатели в работе в 2004 г. профессор была поощрена финансовой надбавкой Президента Республики Беларусь, в 2011 г. она была отмечена дипломом III степени в рамках конкурса БГУ.

Не менее плодотворной является и научно-методическая работа Светланы Яковлевны. В учебном процессе гуманитарных факультетов университетов Беларуси активно используются написанные ей учебные пособия, например учебники «Поэтика современной русской драмы (конец XX – начало XXI в.)» (2003) и «Русская литература первой половины XX века» (2009; в соавторстве). Особым авторитетом пользуется учебное пособие «Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века» (2008), изданное в России и внедренное в учебный процесс учреждений высшего образования не только Беларуси и России, но и других стран. Учебное пособие с грифом Министерства образования Беларуси «Современная русская драматургия

(конец XX – начало XXI в.)» (2021) не имеет аналогов в России, о чем свидетельствуют рецензии таких известных ученых, как О. В. Журчева (Россия) и Н. П. Малютина (Польша). В рецензиях отмечено, что данное учебное пособие представляет собой первый опыт обобщения и изучения обширного эмпирического материала за последние 30 лет, оно имеет не только методическую, но и серьезную научную ценность.

Под научно-методическим руководством Светланы Яковлевны изданы типовые программы по всем курсам истории русской литературы, которыми пользуются в университетах Беларуси, обеспечивающих получение филологического образования. Она является соавтором образовательных стандартов по специальностям «русский язык и литература» и «славянские языки и литературы».

С. Я. Гончарова-Грабовская выступила организатором и идейным вдохновителем международных научных конференций «Славянские литературы в контексте мировой» (2001), «Русская и белорусская литературы рубежа XX–XXI вв.» (2006, 2010, 2014, 2018). По инициативе Светланы Яковлевны и под ее общей редакцией публикуется издание «Научные труды кафедры русской литературы БГУ»: вышло в свет 8 выпусков, пользующихся спросом в научной среде Беларуси и за ее пределами. В 2010 г. впервые в нашей стране был издан сборник научных статей «Русскоязычная литература Беларуси конца XX – начала XXI вв.» (2010), что стало важной вехой в исследовании данной области современного литературного процесса. Ученый с мировым именем С. Я. Гончарова-Грабовская входит в состав редколлегии нескольких рецензируемых научных журналов Беларуси и ближнего зарубежья.

Исследователь вносит большой вклад и в учебный процесс средней школы. Так, в серии «Школьная библиотека» вышло адресованное учащимся старшего школьного возраста издание «Сборник современной русскоязычной драматургии Беларуси» (2010), составителем которого выступила Светлана Яковлевна. На страницах журнала «Русский язык и литература» неоднократно печатались ее статьи в помощь учителю. Кроме того, она входит в состав бюро государственной комиссии по подготовке учебников и учебных пособий в гуманитарно-общественной сфере.

Студенты знают С. Я. Гончарову-Грабовскую как блестящего педагога, увлеченного своим предметом, способного научить мыслить, оперировать литературоведческими терминами и историко-литературными фактами. Она на высоком научно-методическом уровне читает курс лекций по истории русской литературы XX–XXI вв. и спецкурсы «Поэтика драмы», «Русская и белорусская драматургия на рубеже XX–XXI вв. (сравнительно-типологический аспект)», а также ведет спецсеминар «Жанрово-стилевая парадигма русской драматургии».

Встретить на своем жизненном пути такого преподавателя, мыслителя, человека, как Светлана Яковлевна Гончарова-Грабовская, – большая удача! Общение с учителем по призванию обогащает, настраивает тонкие струны ума и сердца, помогает почувствовать тягу к полету и обрести крылья. Ученики, коллеги и друзья Светланы Яковлевны искренне поздравляют ее с юбилеем, желают крепкого здоровья, оптимизма, исследовательского азарта и вдохновения!

*Е. В. Крикливец*¹

¹Елена Владимировна Крикливец – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры белорусской и русской филологии факультета гуманитарного знания и коммуникации Витебского государственного университета имени П. М. Машерова.

Алена Уладзіміраўна Крыклівец – доктар філалагічных навук, дацэнт; прафесар кафедры беларускай і рускай філалогіі факультэта гуманітарных ведаў і камунікацый Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава.

Elena V. Kriklivets, PhD (philology), docent; professor at the department of Belarusian and Russian philology, faculty of humanities and communications, Vitebsk State University named after P. M. Masherov.

E-mail: kriklivec@mail.ru

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КАЛОНКА ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

ЗА БУКВУ Ё ЗАМОЛВИТЕ СЛОВЕЧКО: КОЛЛИЗИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

ЗА ЛІТАРУ Ё ЗАМОЎЦЕ СЛОЎЦА: КАЛІЗІІ ДЗЯРЖАЎНАГА БЕЛАРУСКА-РУСКАГА ДВУХМОЎЯ

PUT IN A GOOD WORD FOR THE LETTER Ё: COLLISIONS OF THE STATE BELARUSIAN-RUSSIAN BILINGUALISM

В начале июня 2025 г. состоялось очередное заседание Совета при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации. Во время него заведующий кафедрой русского языка Дальневосточного федерального университета Л. В. Воронова призвала обратить особое внимание на букву ё как на национальное достояние. В качестве показательного примера она привела словосочетания *все выпили* и *всё выпили*, на которые эмоционально отреагировал Президент Российской Федерации В. В. Путин, назвав букву ё самой российской. Напомним также, что ранее он охарактеризовал русский язык как ключевую опору и доминанту российской идентичности, также выступив за сохранение чистоты русского языка.

Проблема буквы ё непосредственно связана и с языковой действительностью в Беларуси, где русский язык функционирует в качестве одного из государственных языков. Примеров несоблюдения орфографического употребления этой графемы в русскоязычных текстах предостаточно. На новостном сайте БелТА были найдены следующие примеры: *...огнем своего миномета уничтожил 5 пулеметных точек; Беларусь и ее партнеры должны сделать все, чтобы не допустить новой мировой войны; Лукашенко потребовал выстроить четкую идеологическую работу в стране; ...передает корреспондент БелТА...* Подобные казусы можно найти в визуальной рекламе, а также в газетных и журнальных публикациях.

Буква ё, официально утверждённая в 1942 г. в СССР, в настоящее время в России фактически имеет факультативный статус, её обязательное употребление регламентируется только в детской и отчасти учебной литературе. Для Беларуси характерна ситуация государственного двуязычия, в рамках которой в двух близкородственных языках существуют противоположные тенденции: в белорусском языке буква ё является обязательной, в русском языке нет.

Хотелось бы обратить внимание на орфографическое оформление некоторых названий населённых пунктов. Может возникнуть вопрос, как правильно произносить название города Рогачёва, если в нём не будет обозначена буква ё: Рóгачев, Рогáчев или Рогачёв? Для белорусов этот вопрос покажется надуманным, чего нельзя сказать о приезжих из других стран (даже из той же России), особенно о студентах и туристах.

Орфографическим парадоксом является и различное написание названия Великого княжества Литовского в белорусском и русском языках. Если в первом случае каждое слово должно писаться с прописной буквы, то во втором случае лексема *княжество* пишется со строчной буквы. Что уже говорить о набившем оскомину неуважительном написании (соответственно, и произношении) сокращённого названия нашего государства как *Белоруссия?*.. В этом случае удручающим примером может служить московский еженедельник «Аргументы и факты», который всё ещё издаётся в *Белоруссии* (хорошо хоть не в *Северо-Западном крае*), в отличие от также московского еженедельника «Комсомольская правда», выходявшего в *Беларуси*.

Упомянутые выше и многие другие парадоксы никак не свидетельствуют о проявлении уважения к историческому прошлому, настоящему и будущему белорусского края. Что уже тогда говорить о моде на аршинные, в абсолютном большинстве русскоязычные названия-аншлаги на зданиях районных прокуратур, отделений милиции, больниц, фельдшерско-акушерских пунктов и других учреждений?..

Н. Г. Пригодич¹

¹Николай Григорьевич Пригодич – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Мікалай Рыгоравіч Прыгодзіч – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Mikalai R. Pryhodzich, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: prigodichNG@bsu.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АНАТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 80(06) + 821(100)(06)

Мова і літаратура : матэрыялы 82-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. фак. БДУ (Мінск, 23 крас. 2025 г.) / БДУ ; [рэдкал.: Г. У. Навумава (гал. рэд.) і інш.]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2025. 464 с. : іл. Бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/330995>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 26.06.2025, № 008126062025. Тэкст : электронны.

У зборнік увайшлі матэрыялы дакладаў 82-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ па актуальных праблемах сучаснага мовазнаўства, літаратуразнаўства, педагогікі, методыкі выкладання, класічнай філалогіі, міфалогіі, культуралогіі і фальклору. Прызначаецца студэнтам, аспірантам і шырокаму колу чытачоў.

УДК 811.112.2(075.8)

Основной иностранный язык (немецкий) – 2 : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец. 6-05-0232-04 «Романо-германская филология» / БГУ ; сост.: С. Э. Бабок [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 235 с. : ил. Библиогр.: с. 231–233. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/331574>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 02.07.2025, № 008702072025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) с креативным компонентом по учебной дисциплине «Основной иностранный язык (немецкий) – 2» предназначен для студентов специальности 6-05-0232-04 «Романо-германская (немецкая) филология». ЭУМК включает в себя краткий теоретический раздел по фонетике и грамматике немецкого языка. Практический раздел содержит задания по фонетике, грамматике и практике речи (в том числе творческого и исследовательского характера), направленные на формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущего специалиста-филолога. ЭУМК может быть использован для самостоятельной и аудиторной работы.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский) (общее владение) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0532-01 «География», 6-05-0532-02 «Гидрометеорология», 6-05-0521-03 «Геоэкология», 6-05-0532-04 «Геология», 6-05-0532-05 «Космоаэрокартография и геодезия», 6-05-0532-06 «Геоинформационные системы», 6-05-0532-07 «Геотехнологии туризма и экскурсионная деятельность» / БГУ ; сост. А. А. Селиванова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 62 с. : табл. Библиогр.: с. 62. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/331585>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 02.07.2025, № 008802072025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский) (общее владение)» предназначен для студентов факультета географии и геоинформатики общего высшего образования (бакалавриат). ЭУМК содержит пояснительную записку; методические рекомендации для преподавателя и студентов; теоретический раздел; практический раздел; раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы тестов, требования к зачету; вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский) : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец.: 1-21 03 02 «Регионоведение», 6-05-0222-02 «Регионоведение» / БГУ ; сост. Н. А. Метлицкая. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 201 с. Библиогр.: с. 199–201. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/331618>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 02.07.2025, № 008902072025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 1-го курса специальностей 1-21 03 02 «Регионоведение», 6-05-0222-02 «Регионоведение» исторического факультета. ЭУМК включает лексический минимум по изучаемым устным темам и краткий курс нормативной грамматики; творческие, исследовательские и тестовые задания для формирования иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей использовать иностранный язык как средство профессионального и межличностного общения. ЭУМК может быть применен для самостоятельной и аудиторной работы.

УДК 811.111'25(075.8)

Бобрикова Е. П. Межкультурная коммуникация и перевод : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0232-04 «Романо-германская филология» / Е. П. Бобрикова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 200 с. : ил. Библиогр.: с. 194–200. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/331741>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.07.2025, № 009207072025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Межкультурная коммуникация и перевод» предназначен для студентов 2-го курса специальности 6-05-0232-04 «Романо-германская филология». В ЭУМК содержатся теоретический материал и практические задания различной направленности, необходимые для формирования иноязычной коммуникативной, языковой, речевой, социокультурной и переводческой компетенций специалистов с квалификацией «Филолог-переводчик. Преподаватель».

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский) : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец.: 6-05-0232-01 «Белорусская филология», 6-05-0232-02 «Русская филология», 6-05-0232-03 «Славянская филология» / Т. В. Кривоги́на ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 131 с. Библиогр.: с. 130–131. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/331742>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.07.2025, № 009307072025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) с креативным компонентом по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский)» предназначен для студентов 1-го курса специальностей 6-05-0232-01 «Белорусская филология», 6-05-0232-02 «Русская филология», 6-05-0232-03 «Славянская филология» филологического факультета. ЭУМК включает базовые сведения по всем разделам программы, а также творческие, исследовательские и тестовые задания для формирования иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей использовать иностранный язык как средство профессионального и межличностного общения. ЭУМК может быть применен для самостоятельной и аудиторной работы.

УДК 811.111(075.8)

Основной иностранный язык (английский) – 3 : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец. 6-05-0232-04 «Романо-германская филология» / БГУ ; сост. Ю. А. Жукова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 241 с. : ил. Библиогр.: с. 234–236. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/331744>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.07.2025, № 009408072025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) с креативным компонентом по учебной дисциплине «Основной иностранный язык (английский) – 3» предназначен для студентов 2-го курса специальности 6-05-0232-04 «Романо-германская филология» филологического факультета. ЭУМК включает курс грамматики и лексики, творческие и исследовательские задания для формирования иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей использовать иностранный язык как средство профессионального и межличностного общения. Пособие носит практический характер и является нацеленным на развитие умения непрерывного самообразования студентов, творческое применение полученных знаний, оказание методической помощи студентам 2-го курса в систематизированном освоении учебного материала и подготовке к текущей аттестации по дисциплине «Основной иностранный язык (английский) – 3». ЭУМК может быть использован для самостоятельной и аудиторной работы.

УДК 821.161.3.09«19»(075.8)

Шматкова І. І. Гісторыя беларускай літаратуры пачатку ХХ ст. : электрон. вучэб.-метада. комплекс для спец. 6-05-0232-01 «Беларуская філалогія» / І. І. Шматкова ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск :

БДУ, 2025. 92 с. Бібліягр.: с. 89–92. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/333727>. Загал. з экрана. Дзп. у БДУ 08.09.2025, № 010008092025. Тэкст : электронны.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭВМК) па вучэбнай дысцыпліне «Гісторыя беларускай літаратуры пачатку XX ст.» прызначаны для студэнтаў спецыяльнасці 6-05-0232-01 «Беларуская філалогія» (прафілізацыі «Літаратурна-рэдакцыйная дзейнасць», «Дзелавая камунікацыя»). ЭВМК уключае ў сябе тлумачальную запіску, якая адлюстроўвае яго структуру, а таксама мэты і задачы вучэбнай дысцыпліны, патрабаванні да яе асваення. ЭВМК змяшчае тэарэтычны раздзел, практычны раздзел, раздзел кантролю ведаў з прыкладамі кантраляваных самастойных работ, дапаможны раздзел, у які ўваходзіць пералік літаратуры, што рэкамендуецца для вывучэння дысцыпліны. ЭВМК адрасаваны студэнтам філалагічнага факультэта БДУ, аднак ён можа быць выкарыстаны навучэнцамі іншых устаноў вышэйшай адукацыі.

УДК 81(075.8)

Общее языкознание : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец.: 6-05-0232-03 «Славянская филология», 6-05-0232-02 «Русская филология», 6-05-0232-04 «Романо-германская филология», 6-05-0232-06 «Восточная филология», 6-05-0232-05 «Классическая филология» / А. А. Баркович [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 149 с. Библиогр.: с. 136–149. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/333790>. Загл. с экрана. Дзп. в БГУ 10.09.2025, № 010110092025. Текст : электронный.

Содержание ЭУМК способствует определению места языка в ряду других знаковых систем (семиотика), выявлению его универсальных свойств (типология, лингвистика универсалий), установлению связи с другими системами (социолингвистика, психолингвистика), анализу языка как самостоятельной специфической динамической системы (структурная лингвистика), установлению причин и характера изменений (сравнительно-историческое языкознание).

УДК 811.161.1'36'0(075.8)

Зуева О. В. Историческая грамматика русского языка : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0232-02 «Русская филология», профилизации: «Литературно-редакционная деятельность», «Деловая коммуникация», «Цифровая филология» / О. В. Зуева ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 70 с. Библиогр.: с. 67–70. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/334139>. Загл. с экрана. Дзп. в БГУ 16.09.2025, № 010316092025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Историческая грамматика русского языка» предназначен для студентов специальности 6-05-0232-02 «Русская филология» (профилизации «Литературно-редакционная деятельность», «Деловая коммуникация», «Цифровая филология»). В ЭУМК представлены теоретические материалы; задания аналитического, поискового и творческого характера для проведения практических занятий и организации самостоятельной работы студентов; материалы для подготовки к промежуточной и текущей аттестации; перечень рекомендуемой литературы и электронных образовательных ресурсов.

УДК 811.161.1'373(075.8)

Ратникова И. Э. Лексикология. Фразеология : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0232-02 «Русская филология» / И. Э. Ратникова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 74 с. : ил. Библиогр.: с. 72–74. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/335492>. Загл. с экрана. Дзп. в БГУ 06.10.2025, № 010506102025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Лексикология. Фразеология» предназначен для студентов специальности 6-05-0232-02 «Русская филология». В ЭУМК содержатся теоретические материалы, а также практические задания, направленные на закрепление теоретических знаний.

УДК 811.161.1'342(075.8) + 811.161.1'35(075.8)

Фонетика : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0232-02 «Русская филология» / БГУ ; сост. О. В. Костюкевич. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 125 с. : ил. Библиогр.: с. 123–125. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/335493>. Загл. с экрана. Дзп. в БГУ 06.10.2025, № 010606102025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Фонетика» предназначен для студентов специальности 6-05-0232-02 «Русская филология». В ЭУМК содержатся теоретические материалы, а также практические задания, направленные на усвоение теории.

УДК 811.161.1'271(075.8) + 174(075.8)

Культура делового общения : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0232-02 «Русская филология» / БГУ ; сост. И. М. Санникович. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 107 с. Библиогр.: с. 106–107. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/335687>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.10.2025, № 011009102025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0232-02 «Русская филология» (профилизация «Деловая коммуникация»). Содержание ЭУМК способствует изучению следующих вопросов: содержания понятия «деловое общение», особенностей делового общения; языковых аспектов культуры делового общения; видов делового общения; национально-культурных особенностей и психологических основ делового общения. ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, однако он также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.112.2'36(075.8)

Котовская С. С. Теоретическая грамматика (немецкий язык) : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец. 6-05-0232-04 «Романо-германская филология» / С. С. Котовская, Н. В. Угринович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 111 с. : табл. Библиогр.: с. 109–111. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/336418>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.10.2025, № 012024102025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Теоретическая грамматика (немецкий язык)» предназначен для студентов специальности 6-05-0232-04 «Романо-германская филология», однако он также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский) : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец.: 1-21 03 02 «Регионоведение», 6-05-0222-02 «Регионоведение» / БГУ ; сост. Н. А. Метлицкая. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 155 с. Библиогр.: с. 154–155. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/336420>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.10.2025, № 012124102025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 2, 3 и 4-го курсов специальностей 1-21 03 02 «Регионоведение», 6-05-0222-02 «Регионоведение» исторического факультета. ЭУМК включает лексический минимум по изучаемым устным темам и краткий курс нормативной грамматики; творческие, исследовательские и тестовые задания для формирования иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей использовать иностранный язык как средство профессионального и межличностного общения. ЭУМК может быть применен для самостоятельной и аудиторной работы.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (первый) (английский) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0311-03 «Мировая экономика» / С. А. Дубинко [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 239 с. Библиогр.: с. 237–239. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/336514>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.10.2025, № 012628102025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 1-го курса специальности «мировая экономика». ЭУМК включает аспекты «введение в бизнес», «устная практика» и «коммуникативная грамматика».

УДК 811.111'276.6:33(075.8)

Бизнес-коммуникации (английский язык) (первый) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-25 01 03 «Мировая экономика» / С. А. Дубинко [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 221 с. : ил. Библиогр.: с. 219–221. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/336515>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.10.2025, № 012728102025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Бизнес-коммуникации (английский язык) (первый)» предназначен для студентов 4-го курса специальности 1-25 01 03 «Мировая экономика». В ЭУМК содержатся материалы аспектов «английский язык делового общения», «английский язык в сфере профессионального общения» и «перевод, реферирование, аннотирование». ЭУМК может быть использован для самостоятельной и аудиторной работы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Жилинская Е. В.</i> Интермедиа́льная эстетика в англоязычной литературе Нигерии (на примере экфрастических романов Б. Окри).....	5
<i>Алексеев Я. А.</i> Жанровые модификации историко-биографической прозы об У. Шекспире в англофонных литературах XXI в.	17
<i>Сомов С. Э.</i> Векторы исследовательской практики в области «кониссководения» на современном этапе.....	28
<i>Баширов Д. Л.</i> «Воплощение идеального» как фактор художественно-эстетического развития русской литературы XIX в.	34

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Лермонтова Т. Н.</i> Лингвистический и текстологический анализ библейского понятия «тешука» (תְּשׁוּכָה) в контексте святоотеческой традиции: концепция равенства полов	45
<i>Михальчук Н. А.</i> Речевая модель «конструкции с модальными лексемами <i>надо, нужно, должен</i> » как способ косвенного выражения побуждения в художественном тексте.....	53
<i>Зуева О. В.</i> «Мотив радости» в старобелорусских и старорусских письмах: эксплицитное и имплицитное в формуляре эпистолярных текстов.....	65
<i>Баркович А. А.</i> Компьютерно-опосредованный дискурс как термин и речевая деятельность ...	76
<i>Жаркова А. В.</i> Понимание феномена «имидж» в гуманитарных науках.....	83
<i>Серигов Г. В.</i> Категория возвратности в Туровском Евангелии XI в.: теоретико-методологические подходы в контексте действия закона Вакернагеля.....	89

ЮБИЛЕИ

Светлана Яковлевна Гончарова-Грабовская.....	95
--	----

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Пригодич Н. Г.</i> За букву <i>ё</i> замолвите словечко: коллизии государственного белорусско-русского двуязычия.....	99
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	101

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Жылінская А. В.</i> Інтэрмедыяльная эстэтыка ў англамоўнай літаратуры Нігерыі (на прыкладзе экфрастычных раманаў Б. Окры).....	5
<i>Аляксеенка Я. А.</i> Жанравыя мадыфікацыі гісторыка-біяграфічнай прозы аб У. Шэкспіры ў англафонных літаратурах ХХІ ст.	17
<i>Сомаў С. Э.</i> Вектары даследчай практыкі ў вобласці «канісказнаўства» на сучасным этапе....	28
<i>Башкіраў Д. Л.</i> «Увасабленне ідэальнага» як фактар мастацка-эстэтычнага развіцця рускай літаратуры ХІХ ст.	34

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Лермантава Т. М.</i> Лінгвістычны і тэксталагічны аналіз біблейскага паняцця «тэшука» (תֵּשׁוּכָה) у кантэксце святаайцоўскай традыцыі: канцэпцыя роўнасці палоў.....	45
<i>Міхальчук Н. А.</i> Маўленчая мадэль «канструкцыі з мадальнымі лексэмамі <i>трэба, павінен</i> » як спосаб ускоснага выказвання пабуджэння ў мастацкім тэксце.....	53
<i>Зуева В. У.</i> «Матыў радасці» ў старабеларускіх і старарускіх лістах: экспліцытнае і імпліцытнае ў фармуляры эпістальных тэкстаў.....	65
<i>Барковіч А. А.</i> Камп'ютарна-апасродкаваны дыскурс як тэрмін і маўленчая дзейнасць.....	76
<i>Жаркова А. В.</i> Разуменне феномена «імідж» у гуманітарных навукх.....	83
<i>Серыкаў Р. У.</i> Катэгорыя зваротнасці ў Тураўскім Евангеллі ХІ ст.: тэарэтыка-метадалагічныя падыходы ў кантэксце дзеяння закона Вакернагеля.....	89

ЮБІЛЕІ

Святлана Якаўлеўна Ганчарова-Грабоўская.....	95
--	----

КАЛОНКА ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

<i>Прыгодзіч М. Р.</i> За літару ё замоўце слоўца: калізіі дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя...	99
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	101

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Zhylynskaya A. V.</i> Intermedial aesthetics in Nigerian literature in English (based on the ekphrastic novels of B. Okri).....	5
<i>Aliakseyenka Ya. A.</i> Genre modifications of historical and biographical fiction about W. Shakespeare in 21 st century Anglophone literatures.....	17
<i>Somov S. E.</i> Vectors of research practice in the field of «konisskovedenie» at the present stage	28
<i>Bashkirau D. L.</i> «Embodiment of the ideal» as a factor in the artistic and aesthetic development of Russian literature of the 19 th century	34

LINGUISTICS

<i>Lermontova T. N.</i> Linguistic and textological analysis of the biblical concept «teshuqa» (תְּשׁוּקָה) in the context of the patristic tradition: the conception of gender equality.....	45
<i>Mikhalchuk N. A.</i> Speech model «constructions with modal lexemes <i>need, must</i> » as a way of indirect expression of motivation in literary text.....	53
<i>Zuyeva V. U.</i> «Motive of joy» in Old Belarusian and Middle Russian letters: explicit and implicit in the form of epistolary texts.....	65
<i>Barkovich A. A.</i> Computer-mediated discourse as a term and speech activity.....	76
<i>Zharkova A. V.</i> Understanding the phenomenon «image» in the humanities.....	83
<i>Serykau R. U.</i> The category of reflexivity in the Turov Gospel of the 11 th century: theoretical and methodological approaches in the context of Wackernagel's law.....	89

JUBILEES

Svetlana Yakovlevna Goncharova-Grabovskaya.....	95
---	----

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Pryhodzich M. R.</i> Put in a good word for the letter ě: collisions of the state Belarusian-Russian bilingualism.....	99
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	101

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 3. 2025**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 3. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редакторы *М. Д. Баранова, А. С. Люкевич*
Технический редактор *А. Р. Голік*
Корректор *М. Д. Баранова*

Подписано в печать 31.10.2025.
Тираж 25 экз. Заказ 0000.

© БГУ, 2025

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 3. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology» published since January, 1969. Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika» (ISSN 2308-9180).

Editors *M. D. Baranova, A. S. Lyukevich*
Technical editor *A. R. Golik*
Proofreader *M. D. Baranova*

Signed print 31.10.2025.
Edition 25 copies. Order number 0000.

© BSU, 2025